

84(2Рос-коми)-44
В 89 Р.

АЛЕКСЕЙ ВУРДОВ
МЕНАМ ЙИРВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
сроков возврата

Книга должна быть возвращена
не позже указанного срока

Алексей Вурдов

МЕНАМ ЙИРВА

406122

Сыктывкар 2005
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РЕСПУБЛИКИ КОМИ
им. С.С.МАРШАКА
167981, г. Сыктывкар, Советская, 20

Литературно-художественное издание
Алексей Иванович Вурдов
МЕНАМ ЙИРВА

Редакторы: **А.В. Ульянов, Л.А. Голоян**

Отпечатано в ООО «Типография «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36
Тираж 500. Заказ 125/2005

Я коренной житель земли Коми. Хотя родился в Инте, куда родители переехали в то время на работу из глухой таежной деревушки Кучмезерье (Слобода-Яг грезд) Удорского района. Родители, проработав пять лет на шахте, вернулись обратно на Удору. С 1959 года всё мое детство прошло в поселке Ыджид-Яг и деревне Кучмезерье. В шесть лет меня отец, как опытный охотник-промысловик, первый раз взял с собой на охоту и рыбалку. Тогда же показал и родовое угодье на реке Ирва. И каждый год, весной и осенью, я поднимался на лодке за много верст до лесной избушки. Так продолжается и поныне, ибо я настолько уже связан с родной природой, что нас только может разлучить смерть.

Каким только премудrostям не обучал меня отец, но главный принцип я усвоил твердо – «научиться познавать умом, в труде скрытые таинства природы».

Когда-то в далёком 1973-м году, после окончания Косланской средней школы, я с большой радостью поступил в Архангельский лесотехнический институт, который закончил по специальности «инженер лесного хозяйства». Довелось служить почти девять лет офицером в органах внутренних дел в Архангельске, в том числе и командиром спецназа. Но где бы я ни работал, никогда не забывал о красивойшей, сказочной, но такой ранимой северной природе.

Живое дыхание окружающего мира и жизнь в гармонии с ним, осмысление непростых истин биологической взаимосвязи между Человеком и Природой – это, пожалуй, и есть основа моей творческой тематики. Сохранить свою малую родину с ее уникальными природными особенностями, традициями, промыслами, фольклором, национальной самобытностью призываю всех земляков. Как остановить безудержную потребительскую и бездушную, варварскую психологию человека по отношению к своей земле? Почему мы молчим? Неслучайно в моей книге отражены живые легенды старины и показана суровая правда охотничьих традиций. И в каждом своем произведении я стараюсь подчеркнуть внутреннее состояние души человека, раздумья и противоречия, которые терзают его, и размышляю о нравственных ценностях...

Алексей Вурдов

Удора му паськөдчөма Вашкасянь Емва дорөдз. Парма шөрти шлывгөны Мозын ю – «батюшка» да Вашка ю – «матушка». А сэсся кымын вөрса ю да ёль содгөны вынсө «ай-мамныслысь». Но эм өти ю, коді усьө Мозынө, да коді меным медся дона. Уна сё во сайын шулө-маөсь Йирва юөн. Менам рөдвуж артмөма сы дорын. Бать-мамө сэ-тысь жө. Юыс абу паськыд, но джуджыд, гартө сөстөм васө гырысь тыяс пыр да зэв чериа, көнкө косясьсөн ышмалө, а көнкө нюзьясьсөн шынялө. Мичыс сылөн быдөнөс шензьөдө. Тайө менам Чужан му.

Важ йөзлөн казьятылөмьяс серти, шань да уджач йирвасаяс кужлө-мны чуймөдны быдөнөс асланыс вөвлөмторьясьсөн, шусьөгьясьсөн, легендаясьсөн да мойдьясьсөн. Ичөтдырсянь на унаысь кывзылі пөля-пөчлысь висьтасьөмьяс, нималысь войтыр йылысь, морт гөлөсьсөн сёр-нитысь лэбачьяс да зверьяс йылысь, зарни быдмөгьяс йылысь мойдья-яс.

Мыйкө мында кывлөмсө өнөдз паметын видза. Кодсюрөысь и артмөді тайо гижөдьяссө.

СОЛА ГУ

Зэв важся кадө, кор на Йирва ю кузя медводдза воөм йөз овмөдчө-мны, чужлөма өти семьяын абу тур вежөра кага. Детинкалы сетөмны Тюнь ним. Сэки йөзыс овлөмны общинаөн, некымын семьяөн өтутвчөмөн. Юрнуөдысьыс весиг шулөма бать-мамыслы мынтөдчы-ны татшөм кагаысь, но жалитөмыс вөлөма ёнджык. Быдмысь зонпиөс коді кызди пыдди пуктылөма, майбыр, сы понда унджыкөн лөк вөчтөмөн лыддьылөмны.

Оланіныс общиналөн сулалөма джуджыд чой вылын, ю йыв кыв-тыдын. Гөгөр керьясысь джуджыд потшөс сувтөдлөмны ёсьтөма помьясьсөн, мед некутшөм боковөй йөз да зверь эз вермыны письтыны пытшкө. Овьсьылөмны тшына керкаясын, сэні жө неыджыд картаясын

видзёмны понъястё да кёзаястё. А дорся, сотём ректасьясын муястё сёвмёдёмны, кёні сю быдтылёмны. Паськём вурлёмны зверь куясысь, а дёрём да гач – дёраысь, дозмукьяс вёчлёмаёсь пуысь, сямёддысь да сёйысь. Медколанасё кёртысь тачкёдлёмны – чер, пурт, пыридз, тшан, гёр пинь. Став уджьяссё, дерт жё, ки помысь вёчлёмны. Вёськыда кё артыштыны, олём-вылёмыс йёз чукёрлөн мулёма аслыспёлёс ногён, ас календар серти и кадсё пасйивлёмны.

Быдмигён челядыс век жё Тюньёс дёзмёдлёмны. Сылён медся бур ёртьясён вёвлёмны поньяс, кёзаяс, вёрса лэбачьяс да ичёт зверьяс. Кётъ и олёдём пуктылёмны, а детинка гусяён петавлёма потшёс пытшкысь.

Дас вит арёснас Тюнь зэв бура нин тёдмаліс матысса гёгёриньяс да лунгыр вермис шойтны вёрті, ворсёдчыны радейтана визяордакёд.

Та кындзи, сійёс велёдисны вёчны медшёр уджьяс: видзны-дөзьёритны кёзаясёс, заптыны турун да пес, ва катавны тшаньясё, перйыны сёй, а гёра-көдзигён куйёд кыскавны. Мөдпөлёс уджьяссё сылы эз сетлывны вёчны.

А мукөд том зон отсасисны мужичёйяслы чери кыйны да вёравны, дозмукьяс вёчны, стрёйба нуөдны, ректыны ю дорысь турун караніньяс, вель муяс сёвмөдны, тшупны кокиймөн пуясысь пыжьяс.

Тюнь кётъ вежёр-сямнас торьяліс, а гёгёрвоис, мый сійёс торйөдөны мукөдсысь, но өбида эз кут, а сөмын нюмьяліс. Сылён шань мамыс жалитіс писё да унаысь дорйивліс дойдөмысь, кор батысь скөраліс. Коркё батысь нөйтіс Тюньёс пу тасьті поткөдөмысь, а мөдыс дөзмис да энөвтіс гортсё.

Кык лун шөйтіс Тюнь вёрын, пока эз вёськав нюрө. Татшөм ылөдзсё сійө некор эз ветлы, и өні мөвпаліс, кыдзи гортас воштысьны. А синьяс водзас лөзаліс паськыд вижа-гёрдов рёма нюр, кутшөмөс Тюнь олём чөжнас на эз адзыв. Водзын вөлі тыдалө пожөма чульк, кытчаны и вөськовтис морт. Нюр бердті мунигөн өти кокнас вөйліс ваа гуө да дзыкөдз көтасис. Ягө петөм бөрти зон мудзөмысла шонді улын и унмовсис. Садьмис рыгтя кадө ном курччасьөмысь. Сэсся көсийс пөрччыны ва көмсө, а сійө вөлөмкө едждөма пырыкөн. Дивө лоис Тюньлы да тюпыштіс-видліс пырыксө вомас да ойкнитіс: «Да тайө быгтё сов кодь!»

Нөштаысь чуьнас малыштіс еджыдторсө – сэтшөм жө көрыс. Та бөрти чөсмасьыштіс гөрдөдөм кын пувйөн да питшөгас чукөртис ичөтик ур тшакьяс. Поводдяыс вөлі шоньд, и морт повтөг мунис лунвыв пашкыр коз пу увьяс серти. Войбыд зон шойчыгтөг стөча кутис ассыыс колана туй. Асывлань дзыкөдз лигышмунис, быри эбөсыс да өти коз

горулө ляскысис шойччыны. Куйлыштөм бөрын Тюнь кутіс чирксыны гөлөснас, медым визяордаөс чукөстыны. И збыльысь, недыр мысти кыйласигтыр мыччысис пу сайысь пашкыр бөжа ичөтик зверь. Сійө чеччыштіс зонлы пельпом вылас да пуксис. Тюнь мелпа малыштіс ьртөс кинас да шыасис: »Воштөд менө гортөдз өддьөджык, бур ьрт, менам ьдждьд юөр эм. Сійөс висьталөм бөрын менө сэсся некод оз лысьты дөзмөдны да нөйтны».

Лушшөр кадө зон петіс съөд вөрысь оланін дорө. Дзирья водзын сулалісны челядь да виччысисны, кор Тюнь матыстчас. Бур, мый мамыс ьлісянь аддзис писө да котөртіс сылань. Мөдыс чөв сулаліс да бөрдіс. Сывьясьөм бөрти мамыс нуөдіс писө ас керкаө. Сэні Тюнь висьталіс, көні вөлі и мый аддзыліс. Сэсся петкөдліс кинас көм да гач вылө. Паськөмас кольөмны на вөлі едждьд визьяс, и пиыс чуньнас нуөдіс өти визь кузя, мыччис мамыслы нюлыштны. Сы бөрти чукөстісны юрнуөдысьөс, коді видліс жө совсө. Кор чукөртчисны йөз, Тюнь нөшта висьталіс, кьдзи вөйліс нюр бердын сола гуө. Нюмьялігтыр быдөн тапкөдіс зонлы мышкуас да ошкис. Рытнас, шонді лэччан кадө, олысьяс пуксисны кытшө сюрья гөгөр, а юрнуөдысь гораа юөртіс сов гу аддзөм йылысь да козыналіс Тюньлы бисера вөнь. Та бөрын войтыр дыр на гажөдчисны, а нывбабаяс сьылісны.

Луң мысти Тюнь вайөдіс мужичөйясөс нюрө да стөча индөдіс сола гусө.

Тадзи том зон медся колана отсөг вайис ас йөзлы. Сэсянь нюрсө шуөмны Тюнь нимөн. Ачыс том морт та бөрти абу дыр олөма. Во мысти пес запгигөн сы вылө пу пөрөма да дойдөма кувтөдзыс. Уна кад кольөм бөрти тані, Йирва ю дорын, артмөма медводдза грезд...

ЭЗЫСЬ СИР ВОЙТ

Войвылын, коми парма пөвстын сө во нин визувтө өти неыдждьд ю. Көть и ичөт да уна чукуыля, но джудждьд. Юыс нималө өнөдз Йирваөн. Сэні зумьд кырьяс костын дзесбьөма Слөбөда-Яг грезд. Коркө важөн тані овлөма өти гозья. Налөн чужлөма Ольөксан нима өтка пи. Шабді юрсна, руд синма варов детинка нинөмөн эз торьяв сиктса мукөд челядьысь. Прөст кадө котраліс да ворсіс керөс дорын. Гортса удж вөчигөн пыр отсасис бать-мамлы. Батьыс Ольөксанлөн вөлі киподтуя, уджач да сюсь кыйсьысьөн. Ёна отсасис йөзлы, некод вылө лөк эз кутлы. Вежавидзысь да лабутнөй мортөс сиктса олысьяс пыдди пуктылісны.

Бөрья кык тулыссө айыс писө босьтліс аскөдыс кыйсьыны Йирваса угоддьоө. Тайо тулыснас сійо важ моз ставсө вөчис ас кадө. Удитис пыжсө мавтны пым сирөн, ас кыом тыв и ветельяс лөсьөдны, мукөдтор бергөдны. Өльөксан быд лун виччысис мөдан кадсө да ышмыны – шөйтны некор вөлі. Но виччысьтөг торкисис батысылөн дзоньвидзалуныс. Ки-кокыс слабмис, вошис эбөсыс, а сэсся и сувтны эз мөд вермыны. Висьөмыс дзик личкис морттө. Гөтырыс корліс медся нималана бурдөдысьясөс. Но некод эз вермы отсавны батысылы.

Өти рыгө батыс чукөстіс писө да юөртис сылы гусятор. Висьталіс, кызди важ кадеянь на налысь рөдвужсө таляліс лөк рөк, а пом пуктыны талы некод өнөдз эз вермы.

«Сөмын мездьям лөкторсьыс сэки, кор судзөдам эзысь сус пуысь коляоз четитөм водзвылын сир войт. Ыджыд Субач ю кузя колө катны... корсьны нюр шөрысь ді...» – батыс сьөкыда лолаліг висьталіс пиыслы гусяторсө.

Лун мысти Өльөксанөс чукөртис мамыс да бөрдігтырйи колльөдіс ю дорөдз. Куимысь пернапас чөвтис, бур туй сиис дона пиыслы. Весиг сиктса олысьяс эз төддыны, кызди водз асылын детинка йөткыштгчис пыжнас берег дорянь. Дыр на шабді юрсыыс тыдаліс чукыля ю пөлөн, сэсся саяліс дзикөдз.

Медводдза лунсө катысь збоя сынис пелысөн да йөткасис зібйөн.

Ямысь ва мый вермис отсасис зонкалы, но тэрыб визулыс быдногыс жө пыкис пыжсө. Быгья вабергачьяс ызгөмөн вермасисны катыськөд. Бадь кустьясө кутчыситыр детинка нуөдіс пыжсө водзө. Пөсь нилөмысь паськөмыс весиг вазис. Мудзис да, Өльөксан некымынысь пуксьыліс шойччыны, юмов сөчөн някляліс-сөйыштгис. Сөчөнгьяссө содзыр мында мамыс сылы пытшкөс зептас суйліс кузь туй водзас. И збыль, сэтшөм чөскыдөн кажитчисны мудзөм бөрти сөчөньясыс! Азыма сөйис, некымын сөмын и колис. А нөшта мамлөн гөстинечыс вын сетис. Кузь туйыс детинкалы вөлі төдса, өд коймөдысь нин катө Йирва кузя. Өні, кор өтнас лэбнасис пелысөн, пыр казтьыліс батысө, коді велөдіс сійөс ветлөддыны төдтөм вөрын, звер-пөткалысь кок-туй төдмавын, бипур пестыны, узылыны коз улын, лэчкөн пөтка кыйны... Көть и май төлысьын войясыс югыдөсь, а шойччыны быть колө. Өльөксан төдіс, мый джын туйсө катөма лон. И кор воис киссьөм вөр керкаөдз, зурк тшукөдіс пыжсө чой горулө. Нопсө да черсө катис сьөрсис. Керкалөн керьясыс бакшасьөмны, но вевтыс кутчысис на. Недыр мысти Өльөксан нурьясьыштгис да эз төдды, кызди сутшкысисунмовсис пөлать вылын. Садьмис тотшкөдчөм шыысь. Повзигтыр восьтіс дзуртысь өдзөссө и падмис – гөгөр югыдсис-югыд, а керка пель-

өсын гөрд юра сизь котшкөдчис ёсь нырнас, эз и пов мортысь. Шонді пось югөръяснас малыштіс чужөмбансө, быттё окыштіс. Орчча пуяс вылын чивкъялісны пыстаяс да уркайяс. Быдөн ас ногыс гажөдіс смел детинкаос. Но некод эз төд, кутшөм сьёкыдлунъяскөд паныдасяс том морт.

Рытнас зон воис Ыджыд Субач вомөдз да сьёкыда лолыштіс. Лөп сора гудыр ва бульгөдчөмөн визувтіс воча. Ок кутшөм сьёкыд лоас катны, весиг сьёлөмыс вөрзъыштіс, а вөчны немтор. Муса батысь бара дум вылас усис да детинка бөрддзис. Недыр пукалыштөм бөрти кутчысис зібйө да варола кутіс йөткасьны катыд. Дыр али недыр коли пөраыс, сөмын Олюксан восьтіс синсө, некыдз оз гөгөрво, мый лоис. Киясыс сотөмөн доймисны, паськөмыс сибдөма яй бердас. Ачыс пыж пыдөсас вазьөмөн куйлө. Надзөникөн кыпөдчис да видзөдліс гөгөр. Пыж тшукөма ичөтик курьяө. Кутшөмкө кортөм гөстьяс ноп пытшыкысь ставсө нетшкөмны-кыскалөмны, а шьд нурсө да кудйысь сю тусь кушөдз сөйөмны. «Тайө, тыдалө, мустөм ракаяс гусясьөмаөсь, – думыштіс Олюксан, – буретш кос нянь торьяс пыж пыдөсас кольөмаөсь». Скормыліс эськө, но регыд мысти ланьтіс. Колө вөлі кынөмпөт перйөм йылысь думайтны. Мөдліс ком кыйны вугырөн, но эз шед черыс гудыр ваад. Вежөра мортыд и сэки эз вош. Вөв бөж сийсь гартөм тшытш гез пыдди куйліс нопйын и сэтысь Олюксан сяммис вөчны чукчи вылө лэч. Сэся корсис козья чулька нөрыс да кодзувкоткар бердө сиалис лэчсө. Войнас детинка бипур өзтіс, шонтысис сы дорын, косьтіс көтасьөм паськөм. Югдыны нин кутіс, кор лэбач шы кывсис. «Төдчөмөн, борд шыяс...», – чепөсийс Олюксан. Майбыр, тай, унмыс воши, чеччыштіс өдйө, көмасис да котөрөн берег дорті уськөдчис козья нөрыслань. Лэчкө пырөм чукчи бордьяссө паськөдөмөн да бөжсө пашкыртөмөн смела видзөдіс лөз синма морт вылө. Кыйсьысь сулаліс сы водзын да здук кежлө шөйөвошліс. Съод тошка, гөрд синкымйөса, сьода-лөзов морөса ыджыд лэбач тапикасис места вылас да сибдөм гөлөсөн герчкис. Окота эськө вөлі сьылісө пөткалысь гаровтны, но эз кыпты кийс Олюксанлөн. Сійө тэрыба шыбитчис лэбач вылө, топөдіс му бердас да мездөдіс лэчкысь. Көть и удитіс чукчи кокыштны ёсь нырнас детинкалысь сойсө, мөдыс весиг эз өбидитчы сы вылө, а пуксис муө да юрсө увлань копыртіс. И виччысьтөг кылө, быттё кодкө меліа сөрнитө ськөд: «Сөмын небыд сьёлөма морт менө мездіс немичуачысь, тэнсьыд бур вөчөмтө ме ог вунөд. Эн шога, отсала тэныд воны местаөдзыд...» Детинка кыпөдіс юрсө, а орччөн сьөд чукчиыд пукалө да морт гөлөсөн сөрнитө. Чуйөмысла да повзөмысла мыйш вылас пөрис детинка, кывйыс вошис, кинас тупкис чужөмсө. «Эн пов

меысь, босыт тайо борд тувойсо. Сийо ачыс тэно пыжнад катодас ю йылөдзис, сомын веськөдлы пелыснад. Кор ковма, чукөстан куимысь, ме пыр жбыркнита-воа. Бур туй, тэныд!» – велөдіс пөтка. Өльөксан көсйис на мыйкө шуны, но лэбач вошис син водзсыс. Татшөм дивө-ыскөд некор на эз паныдасылы детинка, но дум вылын кутіс чукчильс кывьяссө. Сэсса видзчысьсөмон босытис киас тувой, сийо пыр жө югзис, и зэв кыпыд лоис детинкалон лов пытшкын... Нюмъялігтыр котөртис пыж дорө, пуксис пуклөс вылө, олыштис тувой водзлань, и сийо лэбзис. Весиг эз казаяв Өльөксан, кызди пыжнас лайксигтыр пондіс катны тувой бөрся. Радысла зонка кыпөдіс пелыссө вывлань да горөдіс: «Ого-го-го!» Куим лун да вой катөдіс төдысь дивө-тувөй норов да визув Ыджыд Субач ю кузя том мортөс.

Өдвакө сы отсөгтөг детинка вермис воны ю йылөдз. А кор юыс векнялі некыным воськов пасытаөдз, тувөй друг дугдіс паллявны, югзьөмыс вошис, и сийо уси ваө. Пыж сувтис. Өльөксан пелысөн мыйкө мында на йөткасис водзө, а кор дзикөдз мудзис, тшукөдіс пыжсө берөгө. Гөгөр сулаліс тшем козья вөр. Гырысь сук пуяс бытгьө пышкөдчисны да зэв ёся видзөдчисны гөсть вылө. Букуш поводдя кызытыштис ас йывсьыс көдзид төвруөн. Дзик матын, мыш саяс, гораа букуштіс сюзь. Детинка дрөгмуніс, но асьсө кутіс повзьөмысь. Батыскөд кыйсигөн Өльөксан татшөм ылөдз эз волы, но бура төдіс, мый ю вожыс көнкө матын нин. Лөсыштис пас пыдди пу дін да воськовтіс водзө. Мыйкө дыра мысти сийо воөдчис тыяс дорөдз, сэсса вуджис нюрзьөм эрдьяс, и ёль кузя өдөбсис вөрса чукыльяс кості. Сөмын на пуксис шойччыны коз улө, и другысь сьөд кымөрьяс тупкисны лөз енэжсө. Эргөмон гора шы войвывсянь кутіс матыстчыны. Гөгөр кратшкөм да таркакылөм вайис сьөд бушков. Киссисны чегласьөм чальяс, пөрласисны өтка пуяс. Өльөксан жмитчис коз бердө. И колө жө, мыш вылас усис чегөм пу йыв. Зон сомын ойкнитліс, вөрзыштис да көсйис бөргөдчыны мөд бок вылас, но сьөкыд пу йыв эз лэдз прөстмөдчыны, а Өльөксанөс топөдіс му бердө. Бура дыр кад мудзөм морт эз и вермы мездысьны. Мый мында колис выныс, эз төд. Сөмын и удитис горөдны: «Дона чукчи, менам ёрт, отсав! Көні тэ?» И збыльысь, регыд мысти мездысис пу йылысь, а орччөн бара пукаліс сьөд тошка чукчи да борднас өскыштис зонкалысь юрсө.

«Тэ менам медся радейтана ёрт», – кинас малыштис лэбачлысь морөссө нюмъялысь Өльөксан, – Ыджыд атгьө тэныд!».

«Өльөксан, тэрмась бур пи, этша тэнад кадыд, эн пов нинөмысь, вежөртө эн вошты», – велөдіс пөтка. – «Юрад кут өтитор, – водзө сёрнитис чукчи, – лёк ёмаыс тэкөд ворсөдчө. Төдмалөма, мыйла да кытчө

тэ мунан. Некутшом зарни выло эн ылав. Васо ю сомын нюрысь да ёлысь, а сейом пыдди менсым люа войтсо они кылод, сийо вын сета». Нюльштіс детинка сөстөм войт и, збыль, кыліс, кызди вын содө. А чукчи бордьяснас өвтыштіс да лэбзис. Сы бөрся и детинка эновтіс тайо шущтөм местасө. Муніс, муніс да регыдөн неыджыд эрд выло петіс. А сэні вижа-гөрда гырысь туся мырпомыс сы мында, мый не-кыгчө воськовтнытө. Зэв окота вөлі көть некымын тусьон чөсмасьш-тны, весиг нөжөдіс кисө, но эз лысыт босьтны. Сэсся, кор яг выло воис, бара аддзис рөчөн-рөчөн вотөс чукөрьяс. Гөрд пув югьяліс воом тусь-яснас лөз чөдкөд орччөн. Асьныс вомад вөзйысьоны. Но мунысьөс он ылөд, тулыснас вотөсыд абу. Өльөксан весиг эз сувтлы – водзө восьлаліс сук понөльяс пыр. Майбыр, асыввыло муннытө гажаджык, өд шонді сэтысянь петө. Вөрыс өдйө вежласис, сэсся зонка воис посни козьяинө. «Этгөс матыстчи нюр дорө», – мөвпыштіс мунысь. А орччөн, понөль чукөр дорын, кутшөмкө вуджөр тыдовтчыліс. Злук мысти быгттьө му пытшкысь мыччысис рудов, пашкыр гөна зверь. Юрнас шенасьөмөн ош сувтіс бөрья кок вылас да гораа равөстіс. Өльөксан быгттьө кынмис, сулаліс өти местаын, горышыс гөрддзасис, ки-кокыс тіравны кутіс. А ош чушнитіс гөз-мөдысь да надзөникөн варгильтіс козья вөрө. Татшөм лоөмтор бөрад детинка босьтіс киас чер да повтөг водзө муніс, муніс, кыгчөдз дзикөдз эз мудз. Шойччыштны кайис куш чульк выло да акнитіс. Син водзас сулаліс мичаысь мича серпас: пась-кыд лөза-алөйгөрда нюр нөжөдчөма эжтасөдзыс, пом ни дор оз ты-дав, ымралө-ворсө уна рөмөн, быдсяма кор-турунөн чветитө. Нюрыс быгттьө лолалө веркөснас, а вывтыс кольквиж ру ветлө ваййөн. Нюр пасьталаыс тувьяс моз югьялісны косьмөм пыльыд пуяс да понөльяс. Вель дыр дивуйтчис Өльөксан, сэсся пуксис нитш выло, юр горулас пуктіс нопсө да водіс.

Садьмис тіравмөн кынмөмысь. Гөгөр видзөдліс – көдзыд ру пыр вит воськов сайын нинөм эз тыдав. «Эк, дыр на ковмас виччыны югдөм», – мөвпаліс зонка. Лысьөмыс быдлаті доймис. «Буретш эбөсөй эм на да вошйыси местаөдз», – ышөдіс ачыс ачсө, – водзө выло сьөкыдыясыыд ме ог пов». Но кызди тшыг кынөм венны? Төрытъя пажнайтөм бөрын сөян эз коль. Югдөмсө виччысигөн бара казьтыліс батылысь велөдөм: »Нюр шөрас эм ичөтик ді, көні сулалө өтка пөрысь, некымын сө вося сус пу, джуджыд да йывтөм. Вонас өтчыдысь, коляоз чветитігөн, йивсянныс потасті лэвччылө зысы сир войт. Он кө вевъяв кыйөдны войтлысь петан кадсө, шонді югөрыс пыр и сывдас... Судзө-дан – менө лөк висьөмысь мездан. Коркө тэнад дедыд татшөм жө висьө-мысь куліс, а ме эг вермы зысы войтсө вайны – сыліс син водзвылам.

Сөмын виччысь яр зарни лэбачысь, сійö гимньöвөн лыйсьö, некодöс оз лэдз пу дорö матыстчыны...» Синваыс визувтис чужöмбантйис коньöр детинкалөн. Бур, мый некод эз адззыв бöрдöмсö да сылы эз вöв яндзим петöм синваысь.

Ньöжйөнникөн югыдыс кутис паськавны, гөгөр дзикöдз воссялис. Вошны пондис и гартчöм гудыр ру. Бура нин тыдалис нюрлөн пасьтаыс. Сылөн кельыдлöz руа вольпасыс вежсис сера кышöдөн. Пуяслөн кузь вуджөръяс дженьдаммисны, а шондi нем жалиттöг аслас югөръясөн да би чирьясөн шонтис му веркөссö. Нопъя зонка тэрыба мунис нюр бердтi шондiлы воча. Уна верст прöйдитис, а корсян дi пыр эз тыдав. Сэсся паныдасис кос мыльк, кытчö и пласът усис шойччыны.

Шызьöм вөр-ваыс чöскыд дукьясөн да гажа юргöмөн аслыспöлöса, а отсалис корсьысь мортлы. Öльöксан көсийс нин вуджны мöдарладорас, но кутшöмкö тöдтöм вын тшöктис сійöс водзö мунны. И, збыльысь, недыр мысти детинка казялис нюр шöрысь öдва тöдчана сьöд визь.

«Тайö стöч сійö сус пуыс, кодi меным колö», – мөвпыштис Öльöксан да гажмöмысла чеччыштис. «Тасянь и ковмас водз асыв мöдны дiöдз, сэсся көть мый лоас», – нöштаысь бурöдис асьö том морт. Водзö корсьысьны ни кадыс, ни эбöсыс эз коль.

Югдöм водзвылын Öльöксан кисö паськөдöмөн некымынысь копьртчылис шондi петанинö. Сэсся бедь вылö мыджсьöмөн воськовтис дилань. Вöйласигтыр дыр келис нитшка зыбуч иньясти. Луншөр кадö сöмын матыстчис дзик дi дорöдз. А сы гөгöрын вöлöма ваа рöv. Ва вылын то öтилаысь, то мöдлаысь чушкөмөн кыптылисны гудыр болъганьяс. Джуджыд рөвыс көть и эз вöв паськыд, а кызди вуджан? Дыр мөвпалис Öльöксан, сэсся пөрччис паськөмсö, көмсö, көрталис беддьö да шыбитис мöдлапöлö. Смела пырис кодзыд ваö и варччöмөн вуджис. Öни сы водзын сулалис нель-ö-вит сыв кызта пашкыр вожьяса сус пу. Пемыдгöрд кырсьыс да чукля увьяс нитпасьöмны, а пашкыр ема лапьяс быттö тошкасьöмны. Вывсянь динöдзыс кузя лэччис сьöд потаса визь. Кызди пуксис мышнас Öльöксан пу бердö, сiдзи и пукалис шондi петтöдз, синсö эз куньлы. Бара нюр кутис ымравны да пöртмасьны уна мича рөмөн. Но мый нö тайö? Сюрс кымын би чир öтпырйö öзйисны вожьяс вылын, сэсся недыр мысти кусисны, а на пыдди мыччысисны кельыдлöz чветьяс. «Коляоз, Коляоз!» – горөдис детинка да öдйöджык сувтис потас весьтö. Весиг вомыс воссис, кор казялис, кызди йывсянь увлань потас кузя пондис визувтны югъялысь ззысь войт. Ки пыдöснас личкис потассö да кутис виччыны войтсö. Сьöлöмыс тiпкис повзьöм көчлөн моз. Друг кытыськö вывсянь биа ньöv сатшкис морöсас, синтöммöдис яр югыднас – зонка садьсö воштис.

Мый лои водзё, кызди сійё пыжё веськаліс, Ёльёксан эз тёд. Садь-мис пыж нырас, восьтіс шамыртом кисё да синсё паськөдіс – кимодзын куйліс кынмём зысы сир воит. Гаровтіс кучик торійё, суйис питш-өгас. Али вөтасис, али збыль ставыс вөлі – сьёкыда гөгөрвоис.

Но куим лун-вой мысти воёдчис гортас. Сійё кадсянь бура уна во батя-пия отлаын шудаа кыйсьёмны Йирваын, но некор Субач йыв вожсянь водзё абу ветлёмны. А рөдвужыс некор өнөдз абу висьлёма лёк висьёмөн. Тайё дивё йылысь Слобөда-Ягын быдөн төдө: и пөрысь, и том. И Ёльёксан нима детинкаыс сиктас медся уна...

ЗАРНИ НЫВ

Йирва ю бокын эм уна вияма ты. Найё көдзыд ключьясаось. Та вөсна Слобөда-Ягса олысьяслөн и ваыс сөстөмсьыс-сөстөм да югыд. Тани озыр кыйсянінъяс – нэмөвөйся угождяс.

Коркө важөн тани овлөма-вывлөма Лука нима зон. Семьяыс, көні быдмылөма, вөлөма ыджыд: вит чой да куим вок. Сьёкыд олөмыс ичөтдырсянь велөдіс Лукаөс быдпөлөс удж вөчны, овмөс кутны-видзны, кыйсьыны... Том зон зэв радейтіс вөр-ва, батыскөд унаысь катліс пыжөн тулыс-арын асланыс кыйсяніө – Яксукман ты бердө, кытчө вөр керка пуктылёмны. Но батыс абу дыр олөма, кулөма лёк висьөмысь, кор Лукалы дас өкмыс арөс нин вөлөма. И бөрья кык восё сійё өтнас катлывліс чери да пөтка яй кыйны.

Но воис кад, колө вөлі думыштны гөтрасьём йылысь, өд сы сиктын оліс сьёлөм вылас воысь нывка. Көть и Еля томджык вөлі Лукаысь, но өта-мөдныскөд важөнкодь нин ёртасисны. Налөн радейтчөмыс эз вөв гусяторійөн сиктса олысьяслы. И ладмысь зон да ныв думыштісны өтла-асьны арын.

Лука сиктса мужичөйяс отсөгөн выль керка пунктис колян во на. Көть пытшкөсас уна удж на колис вөчны, Лука мөвпаліс эштөдны ставсө арөдз. А тайё тулысө горья пач тэчис да потшөс карта гөгөр сувтөдіс. Сэсся гөра-көдза бөрти вокьясыскөд ай-мам керка вевтсө дзоньталісны.

Ваыс ёна нин ямис, веж петкөдчыліс, кодсюрө удитісны катны кыйсьыны Йирва кузя. Лука тэрмасис жө. И сөмын на пыжыс косьмис сирөн мавтөм бөрти, чукөртис колана көлуй да тэчасис. Асывнас берег дорын чой-вок, мамыс да Еля шогпырысь колльөдісны зонмөс кузь туйө. Орччөн сулалігөн Еля меліа босьтіс Лукалысь кисё ас киас да

гусьоник колис ичотик съод юрси кытш, кодос гаровтома воли парчовой сунисон.

«Тэ менам отка мусук, асьто видз да мено эн вунод, а менам юрси кытшыс тэнно дорьяс неминуचाысь...» – шопкодис ныв, сэсса окыштіс бансо да вешіис бокко. Зон съокыда лолыштіс да, быттьо шойовошом морт, суйис питшоғас дона козинсо. Пуксис пыж пуклоссо да йоткыштіс пелысон катыдлань. Здук мысти бергодис юрсо, олыштіс кинас сулалысьяслы, городіс: «Эн майччо, ставыс бур лоас, выччысьо вежалун-мод мысти».

Кык лунон Лука воодчис вөр керкаодз. Тодса вөр-ва гажодис синсо. Гөгөр воли важ ног – оланін дзонь, коть и тувсов ваыс кыптылома дзик кильчо дородзис. Кузь пожомьяс да пашкыр козьяс олалісны лапьясон, а том кузь кызьяс лайкисны – тадзи чолмалісны тодса мортос. Вөрын быдсяма лэбачыс чивкьяліс пуяс костын. Ывлаыс ловзьома, гөгөр мич. Радломон видзодис вөр-ва выло том кыйсьысь, весиг лозсо эз порччы, вель дыр сулаліс керка дорын. Сэсса чукортіс кос увьяс, портон ва катіс тысь, пестіс бипур да пуксис чурка выло. Сөмын они усис син улас, мый «пу» кокьяс вылын сулалысь тшамьялон одзосыс восьса: Воськовтіс одйоджык да шайпаймуні – пыранінсо лек ногон кодко чашкодлома, а пытшкас ставсо бергоддома. «Ак, тэ, варгилы кока, «лешой!» Вежортоттор! Кыдзи но позис тадзи пасьвартны, – пиньясны кутіс волом ош выло Лука – модысь волан – кымосад кучка нөшкөн!» Джоджын тушыясысны косявлөм кучик торьяс, дзугласьом да орласьом куломьяс, жугодом кык гымга, потом пу тшан, тасьтіяс, чашкодлом тус да ной коті гоз. Недыр мысти ачыс асьсо зон кызко ланьтодис да пондис пусыны би дорын.

Пажнайтом бөрын меститіс став колуйсо, ошліс куломьяссо шуподны, сэсса пес заптыны кутчысис. Том морт, коть и ичот тушаа, а джыньялом пуясто пельпом вылас бура ылысь на кыскаліс керка дородз. Пось нилөм визувтіс, но дугодчыны эз думайт. Некымынысь шойччыштны ковмыліс. Но пессо куим сыв пасьта чипас заптіс. Буретш тувсов войюд югыд, позис коть асьлодз керасыны, но эбосыс быри Лукалон. Керка пытшкын вундис сартас, горья пачын озтіс би да та бөрын водіс йора куа вольос выло. Пыр и унмовсис. Садьмис, нилөдом гөгөр. Сувтігас коссө веськодны одва вермис. Ньожйоник петіс керкаысь, а гөгөр югыдысь-югыд. «Да, луншөр кад пуксьома, – мөвпаліс кыйсьысь. – Пукавны некор, удитны колө на куломьяс чөвтавны да гымгаяс вөйтавны».

Сёр рыгодз зіля ноксис Лука, а кык тас эз вермы дзоньтавны, визувнас пыкөма гырысь лөпьясон. Арся пасьяс кузя чөвталіс лөвляссьо.

Вежора морт сточа тодис, кыдзи да кутшом кыйсян места колло тупкыны. «Эськё оз тырмыны куломьяс, но вочны немтор, – майшасис кыйсьысь, – дзугис ладсё дурьялысь ош, кутшом бур куломьяс косялис-пакоститис». Таодз Лука некымынысь нин паньдасьлис ошкөд. А коркө батьыскөд гуысь отиос весиг вилсны. Они сомьин дум вылас усис, кыдзи колян во ош чери тыра лагун ректис сы дзебасысь.

Лун мысти поводьяис вежсис. Асывсянь дугдывтотг швачкис пугрөдлан төв. Лука эз шогав, а ты бердса кыдзясысь заводитис сямөд кульны, медым туйсыяс вочны. Сямөдсө вөйталис ва пытшкө да личкалис тувьясон, медым котасясны да небзясны. Зиль мортыд та кындзи пемдытөдз удитис на ноб том бадь вож вундавыны. А войнас быд вож дженьдөдалис мыйта колло, пуртөн диньяссө поткөдалис, сэсся кималасөн путшлалис. Сомьин та борти кутис кыны плетука. Медводдзасө помалис аскинас. Кык лун мысти нөшта кыкөс вөчис. Сы кежлө и поводьяис бурмис. Лука шыбитис гортса уджсө да пыжөн ва вылө петис. Но черыис эз шед, куим сир сомьин. И водзө вылө кыйдөс омөля шедис: нель весьт судта туйсын сомьин джын чери лоис. Шог босьтис том мортос, мыйла нө чери оз шед? Отчыд рыгнас Лука пукалис бипур дорын, отгырьяс вылын тшынодис ёкыш. Друг пуяс сайысь петкөдчис вуджөр, и здук мысти Лука аддзис кузь зарни юрсиа да парчөвөй сарапана мича нылөс. Зон кынмис да чөв видзөдис дивө вылө. Мөдыс мелиа шыөдчис: «Чолөм, Лука! Эн пов меысь. Тэ бөрся воөмсяньыд нин видзөдча». А кыйсьысь некодарө эз вермы ни вөрзыны, ни кыв шуны. Ныв водзө висьтасис: «Видзөдлы ме вылө. Нинөм лөксө ог көйы тэныд вочны. Бурсө сомьин. Муса тэ меным. Сьөлөмам пырин. Отлаын ми медся шудаа тэкөд вермам овны. Отамөднымөс кувтөдз радейтны кутам. Аски аддзысьлам. Виччысь рыгтя каднас».

Та борти мича ныв надзөникөн кутис ылыстчыны, сэсся дзикөдз вошис пуяс костын...

Шензьом босьтис Лукаөс, том морт войбыд эз вермы унмовсьны. Асывнас бара мунис прөверитны лөвляяссө. Чуймалис ёна, кор шедис кык чипыш тыр медся бур чери. Тадзи эз на сюрлы воөмсяньыс. Лука весиг вунөдлис зарни ныв йылысь, кытчөдз рыг эз пуксы. Көть и майшасис дыркөд, а вочны немтор. Но керка пытшкысь зон эз пет ывлаө, а пукалис пөлать вылын да думайтис Еля йылысь. Пытшкөс зепсыс перйылис сылысь юрси кытш, тырпийөсас мелиа тшукөдлис да бөр дзебис.

Лука сюся кывзысис быд шы дорө. Сотчысь сартас омөля югдөдис керка пытшкөссө, и зонмөс надзөникөн босьтис вугыр. Регьд югзис гөгөр, тайө зарни ныв бара воис.

Зонлөн өдвa кывйыс артмис:

«Коді тэ, мича ныв? Тэ збыльысь ловья али көлдун? Ме немтор ог гөгөрво».

Ныв нюмыштіс, а сэсся кинас малыштіс зонлысь чужомбансө. «Ме вөр-валөн внучка. Збыльсө ме сөмын йёз пөвстын овны ог вермы. Зверь-пөткаыс – менам ёртгыс да бур отсасысьяс, – лелькуйтөмөн висьтасис ныв, – Тэ меным ёна любө: статя, мича, ён, вежавидзысь да киподтуя. Бура вөр-васө төдан, видзан да радейтан сійөс».

«Меным эськө нимкодь кывзыны пөсь кывьястө, но менам эм нин бөрийөм сьөлөмшөр, – воча сёрнитіс Лука, – а сэсся ме сөмын йёз пөвстын овны верма».

«Ме тэныд ставсө кута вөчны, сөмын өтлаын тэкөд көсья овны. Эмбур да озырлуныс сы мында лоас, мыйта көсьян, – эскөдны кутіс ныв, – лоан медся пыдди пуктанаөн. А мамыдлы да чой-вокыдлы быдпөлөс отсөг сетам. Лоө бур да шуда олөм. Мейсь мичаджык да шань гөтырөс некытысь он аддзы. Кольччы мекөд, нэм чөж радейтны кута». Лука видзөдліс ныв вылө лөз синъяснас да шуис: «Ме збыльысь сьөлөмсянь радейта вөр-васө. Нөшта ёна радейта ассьым Еляөс. Тэ көть мичасыс мича, а ог радейт. Ме сөглас сета тэкөд ёртасыны, а өтлаын ми ог вермөй овны. Эн кут ме вылө өбича. Дерт, тэ менам бур черйөн отсалін. Өд ме тэныд мыйкө бурсө сэдзжө верма вөчны. Сөмын шу меным, мый тэныдө колө!»

Том морт яндзимысла весиг гөрдөдіс, юрсө копыртіс увлань.

Ныв дрөгмуніс, а лөз синъясыс вазисны. Сэсся чөв сувтіс, воськовтіс өдзөслань да петіс. Зон сы бөрсянь уськөдчис ывлаө, но мича ныв бытгьө сыліс.

Татшөм паныдасьлөм бөрас куим лун да вой дугдывтөг зэрис, дзик көшысь кисьтіс. Бытгьө ывлаыс мыйыськө «шогаліс». Ваис туис куим весьт судта. Лөп тыртіс кулөмьяссө. Та бөрти кыйсьысь мөвпыштіс гортас кывтны. Но эз удит туйө петны, висьмис, морөс пытшкас жар кьптіс. Көдзыд нилөм да пытшкөсса дой слабмөдісны зонмөс. Лука косийс пач ломтыны, но тывкөртсө уськөдіс кисьыс, а сэсся и сувтны весиг эз вермы, юрыс люс-лясмуні. Сьөкыда лолалігтыр кыйсьысь воөдчис пөлатьөдз. Куйлігас некымынысь садьсө воштыліс, синсө восьтылігөн пыр аддзыліс зарни нывлысь мыгөрсө.

Дыр-ө кадыс колис, Лука эз помнит, но кор синсө восьтіс, чуймис – керка пытшкын гөгөр дзоридз көдзөма. Зон чукөртіс бөрья вынсө, лэч-чөдаліс пыжө көлуй, чери туис да мөдөдчис гортлань кывтны. Ки-көкыс слабмис сэтшөма, мый пельссө кутны сьөкыд вөлі. Гашкө, и кажитчис сылы, а кывтігөн быд чукыль бокысь кыйкьялысь зарни нылөс

казявліс. Регыд дзикөдз выныс быри, синмыс пемдіс. Зон копыртчис, а сэсся уси-ляскысис пыж пыдөсө.

Буретш сиктса катысь кутөма өтка кывтысь пыжсө да кылөдөма висысьсөс гортас. Вежон мысти бурдөдөмны гортасяе Лукаөс, сөмын еджөм юрсыис бытгьө пас кольөма вөвлөмтор йылысь.

Арланьö Лука да Еля өтлаасьөмны и дыр олөмны шудаа да өтамөдөс радейтөмөн. Быдтөмны вит челядь да лөксө абу төдлөмны. Йирваын кыйсигөн Лука Яксукуман-тыö сэсся некор абу волөма. Мукөд кыйсьысьяс, кодьяс коркө пыралөмны тыö, висьталөмны бөрти, мый черыс абу шедлөма, а керкаыс да тшамъяис киссьөма. А нөшта дивө пө, кьдзи вежа турун петөмсянь да лымйөдз керка места гөгөрас быдпөлөс дзоридз вералө-быдмө.

ГУЛЯ ДА КӨИНЪЯС

Важ кадө, тшыг вояс дырйи, уна көин вөвлөма Йирва кузя. Уна пакөсь вөчлөмны сиктса олысьяслы. Сөмын төв шөр пуксяс, көин стада вөлөсть гөгөрын нин шөйтө. Гортса скөт да поньясөс джагөдлісны да пышйөдлісны ыбьяс сайө. И татшөм неминучасыис некод эз вермы мездысьны. Сиктса олысьяс повзьөмысла керка пытшкысь өткөн эз петавны пемыдөн ывлаө, өдзөсьяс пыр каличөн кутісны.

Коркө рыгтя кадө Васса баб пывсьөдіс нылыслысь челядьсө. Медбөрьяөн коліс Гуля внучкаыс, квайт кымын арөса. Водзаяссө мамныс нуөдіс гортаныс. Баб пасьтөдөм бөрти ыстіс нывкаөс кайны керкаөдз, туйкостыс сөмын дас воськов вөлі, а ачыс кольччис на. А сы кості гөна пася, ной көтіа, небыд чышгьяна да шоньд кепыся акань кодь нывка мунігас сувтіс да юрсө вылө кыпөдөмөн видзөдіс кодзула енэжө. Но друг кодкө тшапаліс сійөс сой бердөдыс да бытгьө водтөдіс чорьд муө. Гуля эз удит весиг повзыны, а лайкөдөмысь юрнас пырыштіс пась пытшкө и унмовсис.

Садьмис чужөмсө гильөдөмысь. Кор восьтіс синсө – паньд сылы югьялісны кык чут, и кутшөмкө пемыд гөна пон нюліс бансө. Нывка нюмйыштіс, сэсся пуксис, медым бурджыка гөгөр видзөдлыны. Водз-вылас сулалісны папкыр вожьяса лымья гырысь козьяс, кодьясөс войся төлысь югзьөдөма уна-уна би чирөн, а матын – ыджьд руд гөна, лювөй бөжа зверь да кык посныдик – сылөн пияныс. Гуля, көть и эз бура гөгөрво лоөмторсө, а дум вылас усис бать-мамыслөн көиньяс йылысь сёрни. Пока мөвпаліс ас ногөн, мам-көин кватитіс шошаөдыс

нывкао̄с да пыртис лым гу пытшк̄о. Сомын сэки Гуля гораа б̄ордзис да м̄одис корны зверьяс̄о: «Нуод̄о мен̄о горт̄о. Ме горт̄о к̄осья, мам̄о дор̄о! Ме горт̄о к̄осья! А-а-а-а» А к̄оин пьян кутисны ськ̄од ворс̄одчыны да буглясьны б̄ордысь дорын. Регьд ич̄от морт дугд̄ис синва кисьтыны да тш̄отш кутис ворсны нак̄од. Ыджьд мам-к̄оин видз̄одис-видз̄одис, сэсся лапанас тапнитис ворсысьяслы да эралышт̄ос на выл̄о. Весьон ч̄ов ланьтисны, о̄та-м̄одныс дор̄о й̄ожгьльтч̄ом̄он регьд мысти унмовсисны.

Тадзи колис медводдза вой.

Асывнас кодзула енэж кым̄орассис, и югьд̄одз сапкис лым, а сь б̄орын надз̄оник̄он кьпт̄ос тур̄об. Гуысь поснияс некымынысь петавлисны, но мам-к̄оин сюся видз̄одис на б̄орся. Рытланьыс кыськ̄о дзебасысь зверь вайис баля яй, а ачыс эновтис олан̄ин. Тшыг нывка жугьля куйлис шоньд гуын, но уль яй торй̄о эз кутчысьлы. Асыл̄одз мам-к̄оин б̄ор воис гу дор̄о, к̄оза яй̄он нин. Веж̄ора зверь г̄ог̄орвоис, мый ич̄от морт оз вермы с̄ейны налысь с̄еянс̄о. Колис н̄ошта некымын лун, нывка дзик̄одз слабмис, эз нин ворс̄одчы выль ёрт̄ьяск̄од, векджык куйлис да лым с̄ейис. Б̄орыннас, вой мысти, к̄оин кыскис олан̄ин̄о косьт̄ом чери тыра д̄ора меш̄ок. Та б̄орти унаысь на выль «мам» верд̄ис нывкао̄с быдп̄ол̄ос с̄еян̄он.

Дерт, в̄орса ол̄ом Гулялы в̄олі муст̄ом, но с̄ий̄о з̄илис кутчысьны. Весиг вись̄ом эз босьтлы. Таысь кьндзи, велалис к̄оин вылын пукал̄ом̄он о̄тлаын ш̄ойтны в̄орті. П̄ошти быд лун, сь̄ол̄омсянь нывка казтьылис бать-мамс̄о, бабс̄о, чоя-вок̄ос. Синва кисьт̄лис, а мук̄од дырйи, кутш̄омк̄о сьыланыв вом горулас сьыл̄ис, к̄оиньяс̄ос малалис, и най̄о с̄одзж̄о жалитисны ич̄от морт̄ос, нювсисны. Гулялы быгьт̄ лои думайтны, кьдзи ловй̄он кольны, к̄оть и к̄оиньясьыс с̄ий̄о эз пов. Медш̄ор торйыс – кытысь п̄от̄ос судз̄одны. Корк̄о о̄тка ьджьд к̄оин матыстчылис на семья дор̄о, но мамыс кужис тай дорйыны асьыс дона посниясс̄о. Перв̄ойс̄о эрг̄омпырысь пурсисны, а сэсся мам-к̄оин мутшнитис «г̄осьть̄ос» гаровтч̄ом̄он да ёсь пиньяснас босьтчис нетшкыны кус̄о. М̄одыс омлял̄огтырйи усйысис на дорысь да эновтис, тыдал̄о, матіг̄г̄орса в̄орс̄о...

Но о̄тпыр ветл̄одд̄иг̄он аддзисны в̄ор керка. И нывка пыралис пытшкас да чук̄ортис меш̄ок̄о аслыс с̄еян-юан, дозмук. Босьтис пони п̄орт, пань, неуна шьд̄ос, с̄оч̄он, р̄очьяс, сов да тывк̄орт. Най̄о ёна отсаласны водз̄о выл̄о. Бур, мый Гуля кужис тывк̄орт̄он би й̄орны. Корк̄о мамыс вел̄одис пач ломт̄иг̄он. О̄ні к̄оть яй пуны позис, тшыгьял̄омысь он нин кув.

Сэсся пукисны шоньд тувсов луньяс, ол̄омыс в̄орын гажмис. Чорьд чар̄ом кутчысис лунш̄ор̄одз, и нывка тэрыба котралис к̄оиньяс

бөрти. Сөмын некор эз лэччыв йөз оланін дорөдз, а кольччыліс виччысьны ёртгяссө бокин. Чужан сикт дорө ньөтигысь эз матыстчывлы. Но кор воссялісны вөрса ёльяс да юяс, ылөдз эз кутны ветлөддыны, мам-көин өтнас «прөмышляйтис» көч да пөтка бөрся. Коркө воис и зверьяслөн гөн усьөм. Гуля быд лун посни увьясөн сыналіс ассьыс ёртгяссө, а небыд гөнсө лөдіс вольпась пыдди, мед шоныдджык вөлі узылыны.

* * *

Гожся кад мичмөдіс вөр-васө веж турун корйөн. Көин семья Гулякөд тшөтш энөвтисны важ оланін да мөдөдчисны Йирва йывлань. Гожөм-арын көингяс видзчысьоны морткөд паныдасьлөмысь да некор оз матыстчывны йөзлөн оланінгяс дорө.

Кузь туй нывкалы сетчис сьөкыда. Эськө мам-көин отсасис, но мудзөмысла коньөр Гуля тшөкыда водльвліс шойччыны.

Өти рыгтя кадө мунысьяс петісны Йирва ю берегө. Кисө да чужөмсө мыськыштөм бөрын нывка пуксис ва дорө. Другысь кыліс катыдсянь бульскөм шы. Кор Гуля бергөдіс юрсө, сійө адзис чукуль сайысь пыжаөс, коді кывтіс сылань. Нывка шыня сувтіс да көйис горөдны, но горышыс гөрддзассис, вомыс восьса колис. Пыжа тшукис нывка дорө, а мөдыс сывйыштис мортөс да бөрддзис.

«Тэно кытысь татшөм өткаыс? Коді тэно татчө колис? Коді лоан?» – тэрыба юасис чуймөм чужөма сьөд тошка мужичөй. Но Гуля воча нинөм эз вермы шуны. Кыйсьысь отсаліс нывкалы пуксьыны пыжө и йөткысис берегысь. И сөмын сэки бадь пөвстысь уськөдчис эралысь мам-көин. Пыжа эз повзы, а тэрыба босьтіс киас пицаль. Көин чеччыштис бокө да удитис пышйыны бадьяс сайө.

Лун куим мысти Гуля воис чужан сиктө. Кутшөм нимкодь вөлі бать-мамыслы да сиктсаяслы, кывйөн шуны он вермы.

Өнөдз Мозын кузя кывсьылө татшөм лоөмторйыс. Но сэтгысянь көингяс некор абу пыралөмны Слөбөда-Ягө и некутшөм пакөсь абу вөчлөмны йөзлы.

ПӨЛЯ-ПӨЧА

Овлөмны-вывлөмны коркө пөля-пөча – Митрөй да Öгрөй. Дедыс вөлөма тешкодь да скөр, а бабыс – рам да шань.

Челядьныс абу жё вёлёма, видзлёмны сёмын кань да пон .

Митрөй дед радейтома шоныд кадсё кильчө вылын пукавны, шпункыны каллянон самосад-табак, а төвся кадас керка пытпкын пызан сайын пырджык тшынасьома.

Өтчюд дед мөдас сёйны пуксыны да дөрөм помыс кышасяс пызан пельбөсас. Көсьяс эськө мыйкө шуны гөтырыслы, да кор вомсө паськөдас, калляныд усяс веськыда шыд тасьтиад.

Митрөй скөра видзөдлас, син бугыльяс югзясны да горөдас: «Өгрөй! Ак тэ пач пөдан! Мыйла өні колі тасьтисө пуктыны, мый шыд нурыд тэнад уна?»). «Ме бур вылө тэныд лөсьоді, ваи пызан вылө», – воча шыасяс Өгрөй. «Сюй китө, лэпгы менсьым чубуксө, өддьө, эн сулав», – тшөктас дед. Ковмас баблы кинас пым шыд тасьтиө пырны, судзөдны дедлысь каллянтө. А верөсыс и сералө. «Но, мый, сотіс чуньястө? Ачюд мыжа, нинөм пуктыны тасьті, кор на ме эг пуксы пызан сайө! Ак, тэ, гөгөнач!» – эз дугөдчы шуалөмысь Митрөй. Баб гаровтіс кык чуньсө чышыян помөн да дыр куйліс пач вылын ымзыгтырйи. Та бөрын кутіс кисө шомайөв дозмукин. Но сотөм чуньяс больганассисны да гөрдөдісны. А дед сөмын нюмьялө да зыньгө баб вылө: – «Ачюд, ачюд мыжа, мыйла сюян чуньястө, кытчө оз ков, тасьтисьид кисьтін эськө шыдтө, а сэсся и судзөдін каллянсө».

Тулысын да арын пөля-пөча чери кыйны ветлөдлісны пыжөн ю вылө. Унджыкыссьө артмыліс өтиног: пыж бөжын дед пелысөн веськөдлө, а пөч распахнөй пелысьясөн сынө. Верөсыс на пөчөс ышмөдө – ассьыс сьыланкывсө век көин моз омлялө. Боквывсяньыс видзөдны кө, серавны пондан. Кулөмьясныс этша вөлі да этша чери шедліс, дыр кежлө эз тырмыв.

Гожөмнас турун заптылөмны рөдвужыслы. Асланыс гортса овмөс да нейджыд му кындзи немтор абу вёлёма. Коркө эськө видзлөмны өти мөс да баляясөс, а сэсся пөрысьмөм бөрын дугөдчөмны.

Өгрөй баб зіль вёлёма турунтө каригөныд, а Митрөй сөмын сабриястө дзоньтавлөма да тэчлөма. Өти гожся луно Митрөйлөн турун каранінын висьмас кынөмыс. Некымынысь нин ывлаасьлас, а висьөм некыдз оз дугды. Гортас лэччыны абу матын, сэсся помавны чөвтны сабри колө. Кисьыс шыбитас курантө да матысса кустьясад бара пуксяс. Другысь вөр пасьталаыс горзөм кутас кывны. «Экө дивө! Дедө котралө сабри гөгөр, – мөвпыштис ас кежысь Өгрөй, – мыйкө талы лоөма?»

Котырөн матыстчис дед дөрө, а сійө кыкнан кинас кутө гачсө да лёк голян скөралө. Сэки Өгрөй и казяліс, мый чушканзіяс гарччөны дед гөгөр да горөдас: «Өддьө, сюйсьы ваас, ты гөптас, өддьө, өддьө!»

А ачыс кежас, мед сійӧс тшӧтш оз курчавны. Ваын дед мездыяс чушкысысыс да регыд мысти варгыльтас гортас. Бабыд помалас уджъ-ястӧ да эновтас видзсӧ. А верӧсыс водӧма джджӧ кынӧм вылас да ружтӧ-пиянялӧ гӧтырсӧ, мыйла турун карны сійӧс нуӧдӧма. Ӧгрӧйд ас пуӧм винаӧн ӧскалас дойяссӧ пӧлыслыс да юктӧдас неуна, мед унмовсяс, ачыс ва да пес карас, кӧдж водзӧ пырталас.

Но колис неуна кад, и дед бара гажмис, кӧть и турун заптыны дуг-ӧдчис. Ӧтнас коньӧр Ӧгрӧй вежон мысти помалис видз карӧм. «Ну, вот, бара тӧвбыд йӧв сӧйны кутам, – ышловзис пӧль, – Ӧгрӧй, ветлы Ӧньясыд дорӧ да висътав, ректас ми помалим, да эн вунӧд нӧктӧ вайыштны налыс».

Пуксис ар. Картупель босьтӧм бӧрын пӧля-пӧча дзоньталісны потшӧс, ыб дорыс йӧрисны шайтъяс да некымын лунӧн кыскалісны горт дорӧдз. Митрӧй ӧтнас волис кырсьсӧ, ёсьталіс помъяссӧ да тшӧклӧмӧн сувтӧдаліс керка пельсӧ.

Кыйсян каднас дедӧс пыр вӧлі вӧрӧ кыскӧ. Весиг понйыс некӧн эз шӧйт, а век виччысис кӧзяинӧс кильчӧ дорын.

Воис лун, кор асывнас Митрӧй лозасис, суйис сэтчӧ чер, пельпом былӧ ӧшӧдіс пищаль-пистонка да бедь кутӧмӧн кайис вӧрӧ. Понйыс ньӧв моз дзувъяліс водзвывтӧис. Ветлӧдліс рытӧдз. Сӧмын пемдыгӧн нин вӧралыс воис гортас. Лыйӧма кӧкъямыс ур да ӧти сьӧла. Кыйдӧс эз вӧв омӧль. «Эк, Ӧгрӧй, куимыс эг инмы урлы, синъясӧй оз бура аддзыны, – майшасис дед, – Бырӧді сӧмын дрӧб-пӧрӧк». Рыгнас жаритісны ур яйсӧ картупель сорӧн да сэтшӧм чӧскыд лоис сӧяныс. Кыкӧн мутшнитісны дзонь прӧтивень да эз и тӧдчыв. «Татшӧм пӧтӧс кындзи немтор абу, – шыасис Митрӧй, – Ӧгрӧй, кыланӧ, мися татшӧм пӧтӧс кындзи немтор абу! Аски нӧшта жарит, мый колис. Ме мӧдыс на ветла, сӧмын ылӧджык. Кокъясӧй кӧ нуасны».

Аскинас бара вӧрӧ мунісны, ёль сайӧ, кӧні козъяиныс унджык. Но кыптис ён тӧв да омӧля шедіс кыйдӧсыд. Куим урӧн воис кӧзяин да чотігтырай. Увій коксӧ дойдӧма. Абу эськӧ ёна, но дой местаыс пыктыштӧма вӧлі. Коркӧ кайисны пӧля-пӧча ыбӧ кызд рос вундыны. Чарла кындзи пӧль босьтис и пищальсӧ. Дед муніс водзын, а баб колис сыыс. Другыс кыскӧ кӧч чеччыштис. Митрӧй ӧдльӧ лэптис пищальсӧ да пезыгӧдіс котыртыс кӧчлы. Лыйӧм шыыс кӧчильыд бергӧдчис да веськыда баблань котӧртны кутіс. «Ӧгрӧй, кучкы бедьнад, кучкы кӧчсӧ. Он кӧ кучкы, ме тӧнӧ асьтӧ сы пыдди кучка!» – горзны кутіс дед. Баб эськӧ первойсӧ шӧйӧвошліс, но сӧсся уськӧдчис кӧчлы воча да кыкыс кучкис. Кӧч турбыльтчис да лӧнис. «Дед, лок, кӧчыслы мыйкӧ лоис», – шыасис повзьӧм баб. Митрӧй кыпӧдіс кокӧдыс кузь

пеляос да опшкис бабос: «Кыдзи нө тэ тайо инмөмыд стөча нырбукас? Татшөм дивөтө эг на төдлы, медым баб көчильос начкис». Дед разис вонь да кокөдыс гөрддзалис көчөс, сэсся өшөдіс мыш вылас. «Пөчө, но вай тэ ачыл ростө вундыв, ме лэчча гортө, көчсө кульны колө», – шуис Митрөй да радпырысь лэччис сиктлань. Улича кузя мунігөн сиктса олысьяс уна бур кыв шулісны: «Пөрысь нин Митрөйыд, а сюсьлуныс эм», «Ай-да, Митрөй дедыд вөравны кужө». А дед нюмъялігтыр шлопкис гортланьыс.

Дыр на олөмны пөля-пөча да важ йөзлөн висьталөм серти өти луно и кулөмны.

СЮР ТОР

Коркө, ёна важөн, өти грездө бокысь волөма морт – туй юасыны да сёян-юан корыштны. Сылөн мунөм бөрын йөзыс ёна кутасны висьны. Неминучаысь бурдөдчыны некод эз вермы. Öтияс көлуйнаныс кывтасны Мозын юті увлань, виль оланін корсьны. Мөдъяс лөк висьөмысь кулөны.

Грездын сөмын пөрысь йөз кольөны да Леля нима нывка, кодлөн бать-мамыс кувсисны жө. Буретш гожөм вөлі. Нывка овмөдчис дедыс керкаын да отсасис гортса овмөс видзны.

Öти асывө Лука дед чукөстіс Леляос да тшөктіс гөгөртны сійө керкаяссө, көні олысьяс на колисны да висьтавны быдөнлы, мед сөмын зэр ва юисны, гортса сёян сөйисны да некытчө мед эз петны оланінъясьыс: ни кыйсьыны, ни мукөд удж вөчны сэтчөдз, кытчөдз юөр оз во Лука дедсянь. Став кольөм йөзлы нывка өдйө юөртис дедлысь кывьяссө. Сиктса войтырлы немтор эз коль вөчны, кыдзи сөмын эскины мудер да төлка Лука дедлы.

Рытнас дед пуксьөдіс нывкаос ас дорас да шуис: «Кывзы менө, Лелюк, бура, весь надеяыс тэ вылө менам. Эм өти местаын бурдөдчантор, но меным сы ыллаөдз не воштысьны, кокъясө слабмөмны. Туйкостыс кузь да сьөкыд».

Нывка сюся кывзис да паныда юалис: «Дедө, менам бур көмъясөй абуөсь». А сэсся бөрддзис. Малыштіс сылысь юрсө дед да сывйыштіс, сэсся водзө кутис висьтавны: – «Тэныд вылө менам вурөма зэв кокньыд виль бакилаяс, эн майшась таысь. А нуөдас тэно местаөдз мяян Лыско, көть и ичөт тушаа да лап пеля, а понйыс сяма и кывзысьысь».

Но өні медшөрсө висьтала. Воас пөрласьом вөра джуджыд кыр, воштөдчан йывланьыс да кузь кокъяс вылын сук козьяс костын тшамъя сулалө. Пытшкөссьыс аддзан өшалысь чипыш, а сы пытшкын кучик көшельын эм гөрд чвета пөим. Сійө көшельсө и ваян. Некодлы эн петкөдлы, эн сет весиг кутлыны. Бура менө гөгөрвоин?» «Зэв бура, дедө, – вочавидзис Леля, – а дырө меным мунны ковмас?» «Тытчө лун куим коляс, а бөрө өддьөджык – может и лун кыкөн воан», – висьталіс дед. «А өні босьт со тайө тывкөртсө, войсө мед бипур дорын шонтысян да шыд пуан. Пемыднад эн пов некодысь, Лыскөйд тэнө доръяс быд зверысь, – шуис дед да содтіс: – Тэ сөмын верман мездыны йөзөс лөк висьомысь, төд сійөс, менам дзолук. А өні водны пөра, шойччыны колө».

Асывводзын дед ноп өшөдіс нывкалы, окыштіс сійөс да пернапас чөвтис. «Бур туй!» – горөдіс бөрти Лука дед. Мунысьяс регыд саялісны пуяс костын. Лыскө водзын, а Леля сы бөрся. Вуджисны ёль, сэсся кыр йылө кутісны кайны. Воөдчисны вылас да нывка пуксис шойччыны. Бакилаяслысь чөръяссө пуджлаліс да вөнъясөн гөрддыштіс. Пон легөдіс бөжнас, никсөмөн тэрмөдіс водзө мунны. Бура уна козья кыр прөйдитісны да воис паськыд ёль. Регыд мысти корсисны пөрөм пу да сы вывті и вуджисны. Сы бөрын мунысьяс водзын воссис мича да югыд яг. Еджыд нитш вылын весиг буглясисны нывка да пон, сэтшөм лөсьыд тані вөлі. Но друг кыліс бакөстөм. Өтчид, дай мөдысь. Пон уськөдчис сылань. Нывка босьтіс крукыль бедь, нопъясис да чепөсийс пон бөрся. Кор матыстчисны, аддзисны, мый ыджыд көр вожа сюръяснас сибдөма кык пу костө да коньөр некыдз оз вермы мездысьны. Нывка бедьөн мөдліс мездыны сюр помъяссө, но весьшөрө. «Өдвакө, ичөт другъяс, тадзи ті отсавны верманныд, – виччысьтөг шыасис морт гөлөсөн көр, – колө кык сюр вожсө чегны либө керыштны». Чуймөм Леля первойсө шуны нинөм эз вермы, а сэсся гораа вочавидзис: «А ме төда, кыдзи позяс вундыны!» Пөрччис нопсө, пытшкөссьыс пурт судзөдіс, өдйө чукөртіс кос увъяс да пестіс бипур. Дедыслысь вөра-лан пуртсө донөдіс гөрдөдз да сійөн кутіс йитшкөдны-пилитны сюр вожсө. Көдзалас пуртыс, бара би вылын кутас. И тадзи бура дыр ноксис. Сөдз нилөдіс, а өти вожсө вундіс. Сэсся мудзис да шойччыны пуксис. Нопсис сөчөн торъяс лэптис, көрлы пуктіс вома, понлы сетіс. Рытъядор нин мөд вожыс вундыссис. Мудзөм көр чатөр водіс да куйлыштіс здук мында. Леля пукаліс лөня, видзөдіс пурт вылө. Дорыс ёна тшерба лоөма да таысь нывкаыд жугыльмис. «Дедө ёна видас, – думыштіс нывка, – но өд ме буртор вөчи». Зверь чеччис, копыртчис нывкалы да понлы. »Аттьө сьөлөмсянь, мездінныд менө неминучаысь. Кутшөм отсөг верма сетны? Корө! Мый верма, отсала». Леля

сывъяліс көрөс сьылёдыс да ставсё висьталіс: кытчө да мыйла мун-
 öны. Шогпырысь шыёдчис: «Миянлы Лыскөкөд өддөджык колө суд-
 зөдны бурдөдчанторсө, сиктын йөзых кувсьöны». «Эн шогав, ме ньöv
 моз вайөда тьянөс местаөдз, – шуис көр. – Пуксьы ме мыш вылө да
 бура кутчысь». Лыско увтөмөн котөртис войвыв. А сы бөрся көр вы-
 лын Леля. Уна козьян да сьорт вуджисны, сэсся воисны сук пөрмөдз.
 Кадыс нин вой вөлі, и Леля шуис ёртъясыслы кадсө колльөдны бипур
 дорын. Тывкөртөн биасис да пусис. Та бөрти нывка да пон шьд сөй-
 исны, а көр турун да кор. Мөдөдчисны югдгөн нин. Дыр лөк вөраин
 вуджисны. Медся сьөкыд вөлі Лелялы. Лыско увьяс кості шыгнит-
 тас, көр чеччыштас, а Леля паськөмнас крукасьö. Но эз няргы да эз
 дурьяв. Кыдзкө надзөникөн мунысьяс вермисны жө сьөкыд костсө
 вуджны. Петісны нюр дорө да пуксисны шойччыны. Син водзаных
 воссис помтөм- дортөм лөзалысь нюр. Пон кутіс никсыны, а көр юрсө
 кыпөдіс вывлань да шуис: «Нюр вывті меысь бурджыка некоді оз
 куж ветлөдлыны, сөмын Лыскө инды туй визьсө». Бара куим ёрт
 мөдөдчисны водзө. Көр повтөма мылькьяс костті лайксьөдіс. Мыш
 вылас пукалысьяс полігтыр гөгөр видзөдісны. Öти ваа гуө вөйліс
 бөрвыв кокых көрлөн, но сьяма зверьд мөд кокнас йөткыштчис да
 бара эз вөй, сувтіс. Тадзысь сійö нөшта на вөчліс. Эськө бөртиджык
 воисны кос діө. Татісянь матын нин вөлі джуджыд кырйөдз, көні ко-
 лана тшамьяыс сулалө. Шойччыштисны неуна да бара кузь нитш
 вывті муніс көр. Кырсө быдөн кайис ачыс. Тэрыб Лыскө первойөн
 воис вылөдзыс да кутіс ёна увтны. Көр пыр кыліс ошлысь дук да
 сувтіс. Но вөчны немтор, колө мунны тшамья дорө. И збыльысь
 тшамья горулын куйліс ыджыд ош. Леля эз повзья да беддөн маты-
 стчис зверь дорө да скөра кутіс шуавны: «Варгиль кока! Тэ мун та-
 тысь, лэдз менө тшамьяө, а он кө лэдз, ме деделы висьтала. А сійö
 тэно регыд начкас!». А ош эз вөрзьяв весиг. Пон эськө быд боксянь-
 ыс курччыштглас, но кыдзи водзчасян татшөм зверкөд. «Ак тэ тад-
 зикөн, сідзкө и ме мөд нога!» – горөдіс Леля да тывкөртөн биаліс
 сямөд кыш. Бедь помас өшөдіс да выныштчөмөн шыбитіс ошлань.
 Ош ымзігтырйи бугыльтчис, чеччис да вожьяс чеглалігтыр варгыльтіс
 увлань. А Леля кокнас кусөдіс өзйысь сямөд. Тшамьяыслөн керья-
 сыс да пельөсьясыс дзикөдз вөлі дзормөмаөсь да бакшасьөмаөсь.
 Вевтыс нитшкасьөма да потласьөма. Нывка кайис вылө, востіс өдзөс
 да аддзис чипыш, сійөс быттө виль сямөдысь коркө вөчлөмаөсь,
 югьялө гез йылын. Кисө суйліс да аддзис кучикысь вурөм көшель,
 парчөвөй вөнён гаровтөма. Сөмын удитіс петны тшамьяысь, сійö
 гораа ратшнитіс, сэсся пөлөстчөмөн киссис.

Радпырысь гажөдчисны ёртъяс, сывъясисны, нюмъялігтыр өта-мөднысө ошкисны. Туйө петтөдз чөсмасьыштисны сөчөн торъясөн, шойччыштисны да сьылігтырйи кутисны лэччыны нюрлань.

«Сьөд вөр, сьөд вөрысь ог пов.

Меным немторыс оз ков,

Чеччышта ме ольтө,

Өдльөн воа гортө!» –

Вөр пасьта кыліс Лелялөн сьылөм. Джын туй бөрын кутис гымавны да зэрны. Ковмис коз горулө пырны. Сьөд кымөръяс пемдөдісны энэжсө. Чардби югзөддас здук кежлө гөгөр, а чорыд гым поткөдлө энэжсө. Коньөр Леля да Лыскө повзёмысла ляскысисны көр дорө. Друг биа гымнёв сатшкысис пуө. Сійө шөри поті да пөри веськыда көр вылө. Артмис сідзи, мый көр тупкис ас тушанас нывкаөс да понйөс. Найө эз доймыны, колисны дзоньвидзаөн, а налөн ёрт-көр пу улө коли. Быдногыс пондылісны мездыны ёртнысө нывка да пон, но немтор вөчны эз вермыны. «Виччысь миянөс, ми йөзөс вайөдам да мездам тэнө. Сөмын кутчысь», – синва сорөн сёрнитіс Леля көркөд. А мөдыс сьөкыда лолаліс да ымзіс. Майбыр тай выныс шедіс нывкалы. Понкөд өтвылысь мужичөйяс бара кайисны вөрө. Но пу улысь көрөс эз аддзыны, сөмын гөн рөчъяс да сюр йыв сюри Лелялы. «Эттөс, вермөма тай петны», – думыштис Леля, а сюр торсө босьтис гортас. Та бөрти сиктса йөз бурдөдчисны гөрд пөймөн да водзө вылө лөк висьөмъясөн эз висьлыны. Дыр на казьтывлісны ыджыд сюра вөрса көрөс, но некод сэсся эз аддзыв сійөс. Ни вотчигөн, ни вөралігөн. А Лелялөн кудьяс медся донатор эм – көрлөн сюр тор. Сійө кадсяныс коли уна-уна во, а көні тайө сюр торйыс, некод оз төд...

ӨЛӨЙ ДЕД

Овліс-вывліс коркө Слөбөда-Ягын тешкодь дед. Шулөмны сійөс Өлөйөн.

Овлөма өтнас ас пунктөм керкаын. Томөн на гөтырыс висьөмысь кувлөма, а челядьыс абу вөлөма. Сэссянь ас ногөн и водзө олөмыс мунөма. Өлөй вөлөма кыпыд лола, нюмъялысь мортөн, еджгов кузь тошка, косньөд да ичөт тушаа. Быдсяма дозмуксө кужөма вөчлыны сүмөдысь да пуйысь. Но медсясө кольөма паметьын йөз бурдөдысьөн.

Нэм чөжнас бура уналы отсөг сетлөма: дойясысь да висьомъясысь бурдөдлөма. А орчча сиктса олысьяс аттьоавлісны ас ногон: коді пось кывйон, коді сёян-юанон. Өд ставон олісны гөля, но өта-мөдлы ёна отсасисны. Ичөгысянь челядьос велөдісны донъявны удж, лоны вежа-видзөысьон.

Авъя да төдысь дед тулыс кадсянь арөдз зіля заптіс колана турун, кор, вужьяс, кырсь, тусь, дзоридзясь, гар да мукөд быдмөг. Но та кын-дзи век отсасис сиктса войтырлы гөра-көдза да турун заптан кадө. Ачыс вөлі овмөстөм и отсөгысь йөзыс юкисны ськөд тусьон, чери-йон.

Өти гожөмө водз асылын муніс дед керөс дорө бурдөдчан быдмөг чукөртны. Өлөй ляпкөдчөмөн любөпырысь бөрийс колана турун да вужьяс, кодьясөс лөдіс аслас пестерө. Сэсся яг дорысь нетшкис чуман тыр пожөм коляоз. Лун шөр кадөдз ветлөдліс та бөрти. Пөрысь морт пуксис шойччыштны пөрөм пу вылө. Пукалысь весиг эз казявлы, кыдзи дзик матын орчча пу сайысь мыччысис рыж гөна ош юр. Но кор Өлөй бергөдчис сылань, повзбөмысла гатш усис мыш вылас, сөмын кокъясыс качлісны. Татшөм паныдасьом йылысь весиг думыштлыны эз куж. Көсийс эськө тэрыба сувтны, но варгиль кока зверь сы дорын нин пукаліс. Ош некымынысь өвтыштіс лапанас, шыасис морт гөлөсөн: «Эн пов меысь, бур морт. Вөрса олысьяс ставон төдөны, мый тэ йөзөс бурдөдысь. А миян семьяын ыджыд шог – ичөт пиө висьө дыр нин. Надеяыс сөмын тэ вылө». Дед первосө шлапкөдіс синнас да мыйкө броткис вом горулас, а сэсся кашкигтырйи шуис: «Ме некор эг бурдөдлы зверьясөс. Вай жө лэдз менө гортө». Ош сөмын чушнитіс да лапанас бара өвтыштіс мортлы. «Мөдім, тэрмасьны колө», – эз лэччысь зверь да тапнитіс дедлы пельпомас.

Сёрни помассис, и регыд нин Өлөй восьлаліс ошкөд орччөн. Дыр шлопкисны шуштөм сьөд вөрті, но коркө воисны жө местаөдз. Ыдждыд коз улын збыль куйліс ошпи да сьөкыда лолаліс, а ськөд нөшта өти пукаліс. «Но, мый вөчны?» – мөвпаліс бурдөдысь зверөс видзөдлөм бөрын. Йөрис ичөтик пестерысь пөрт, курыштіс матысса ёлысь ва, тывкөртөн өзтіс бипур. Буретш век сьөрас пуртөсын пуртсө новлөдліс, сійө өні и ковмис. Ёль бердысь чукөртіс кутшөмкө турун, шырис, тойис бура, пөртө лөдіс. Недыр мысти сөдзөдіс өтварсө да мырдөн вомас ошпилы этшаникөн дзулькөдіс. Колис нин вежон, а бурмөмыс эз ло. Өлөй ёна майшасис, войяссө эз узылы, төждысис кага вөсна моз. Мам-ош мөд пиыскөд быд лун сёян корсисны, а морт висьысь дорын ноксис. Сөмын төлысь мысти слабмөм ошпи ас кок вылө сувтіс. Дед зэв велаліс ошьяскөд вөрын овны, быд рыт накөд шмонитіс да ворсөдчис.

Козин пыдди опгьяслы вочис сямодысь куим доздук. Воис кад, кор
Олой лосьодчис мунны гортас. А сиктса олысьяс важон нин вошом
дедос лыддисны кувсьомаон.

Оти асылэ ош семья колльодис Олойос кызди медся дона ертос
сиктодз. Да кызди! Ыб вывсянь лэччисны прамоя сикто. Улича шорти
варгильтис мам-ош, а мыш вылас пукалис Олой да овтис кинас. «Эй,
эй, эй!» Видзодэ, бур войтыр, тайэ ме!» – горзис дед. На борся тапьял-
исны кык ошпи тыра доздукьясон, отиас воли вотос, а модас – юмов
ма. Повзьомысла йоз дзесьялисны кодэ кытчо да чуймомон кыйласис-
ны: кодэ ошинь пыр, кодэ – пельос сайсянь. Увтөмон чукортчисны
поньяс да надзоникон колльодисны «гостьяссэ» Олой керкаодз.

Висталомны, мый татшом лоомтор борас Слобода-Ягса вөралы-
сьяс зэв дыр абу вилөмны ни оти ошкөс, а Олой дед кувтөдзыс ертась-
ома накөд.

Сэсся вөрсэ ёльсэ, кони дед бурдөдөма ошпиос, шуөмны «Ошка
ёльон». Көссянныд веритэ, а көсянныд – эн.

НИМАЛЫСЬ ГОЗЬЯ

Коркө вөралигон батэ виставлис оти вөвлөмтор йылысь. Ас бать-
сянь на пө кивли. Казьтыломьяс серти дедэ абу ылөдчысьон вөлөма.
Сэсся онөдз збыль пыдди лыддьоны вөвлөмторсэ сиктса олысьяс. Важ-
ся кадэ Слобода-Ягсяс бур вөралысьясон нималөмны. Угөддьоясыс
кыссылөмны Йирва боксянь Емва юөдз. Быд семьялон аслас кый-
сянин вөлөма.

Максим Вась Дарой гөтырыскөд быдтыломны нель ныв. Енмыс
абу сетөма пьянос, сы вөсна мужичойлы ковмылөма вөчны медшор
уджьяссэ и гортас, и кыйсигон. Мукөддырий отсасыны босьтлөма
гөтырсэ. Весиг стрөйба нуөдигон нывбаба керьяссэ лэпталөма гезйон
да тшупсылөма черон. Гожөмнас турун пыкөдьяс кыскавлөма да рек-
тасиньяс сөвмөдөма.

Ачыс Максим Васьыс вөлөма скөр мортон, гөтырыс воча кыв абу
лысьтлөма шуны. Шань нывбаба ёна радейтөма ассьыс муса верөссэ
и обида сы вылө абу кутлөма. Незджид овмөс да көзаяс кындзи не-
кутшөм озырлун налон абу вөвлөма. Тадзи и овлөмны-вывлөмны сюсь
гозья.

Оти воө төв шөрын коиньяс нуисны Максим Васьыс вөралысь
понсэ дзик керка дорсыс. Дыр мортыд шогалис, өд вөралан кад на эз

помассы, а медся бур ёртыс бырис. Коть и ветліс на некымынысь вөрө, а зверь-пёткайд омөля сюрис. Сэсся тулысөдз рыгтысөн став семьяён кыисны кулөмгяс. Ва воссытөдз Максим Вась удитіс на выль бакила гоз гөтырыслы вурны, ассыс важмөм көмсө сөмын дзоньталіс кучик торьясөн. А кор Йирва ю мездысис йиысь, гозья тэрыба чөвтасисны курьяясө да ойдөм тыясө.

Кык лун чөж асывсянь рытөдз тэрыба вөйталісны кулөмгяс да ветельяс. Медводдза вежоннас бура уна сир, кебөс да мык шедіс. Но бөрти, кор ваыс ёна кыптис, чериыс омөля сюрис. А көзөдын заптөм кыйдөс лоис кык лагун мында. Быть ковмис лэптавны кулөмгястө да ветельястө, кодьясөс визувыс зэвтис да ва нйяталіс. Максим Вась өтнас өшліс найөс вешалаяс вылө, а весавны лөптысь да нйятысь кык ыджыд нывсө чукөстис. Ачыс надзөникөн шлопкис берегө – пыжсө кыскыны вылөджык. Ва дорө лэччөм бөрын, другысь, син улас усис вөв модаа кутшөмкө съөд мыльк, коді мөдлапөвсянь вөлі уйө таладорө. Первойсө морт дыр видзөдіс сы вылө, сэсся котөрөн уськөдчис керкалань. Недыр мысти пищальбөн нин писькөдчис бадьяс пыр кывтыд нөрыслань. Сэки жө кильчө вылө петіс гөтырыс, тэрыба гөрдзыштис чышьянсө да мыйлакө киас босьтис йөр бокысь потш. Здук кежлі юрсө вывлань чатөртис да тэрыба воськовтис юлань.

Кывсис өтчидысь лыйөм шы, сы бөрын нөштаысь.

«Егена-гачө, Дарөй! Көні тэ, өддьөн лок, тэрмась, – горзыны кутіс кывтыдсянь верөсыс, – Лок! Лок!» Мөдыс өдөба уськөдчис горзыслань, но крукачис кокнас вутшкө да турбыльбөн усис.

Нывкаяс аддзисны, кызди мамныс буглясьө да вакөбөн серавны кутісны. Марк Дарөй чеччыштс кок вылас, воськовтис водзө кустьяс пыр. А верөсыс дыркодь на мыйкө скөра броткис нөрыс сайсянь. Вөлөмкө йөра вуджөма юсө мөдар берегсянь. Казяліс сійөс Максим Васьыд да ранитөма первой пулянад, а мөдысь лыйигад крукасьөма, усьөма кок йывсьыс да абу инмөма зверлы. Та вөсна йөрайд сикт дортіыс керөслань кайөма. Лөк нога усьөмысь мортыд коксө дойдөма, сыысь и скөралөма. Но кор челядыс аддзөмны, кызди мам-батыныс кутчысьөмөн да ойзөмөн петкөдчөмны эрдінө, медводз дзезбясны. Эськө медыджыд нывныс паныд котөртас да отсасьны пондас. Суседьясыс өшинь пыр аддзыласны тайө серпассө да кынөм висьмытөдз сераласны. Аскинас Дарөйыд ветлас йөрәтө корсьны и, дивө вылө, аддзас ёль бокысь кынөн. Та бөрын верөсыс гөтырсө весиг некымынысь окыштас. Сэсся рөдвуж пөвстысь мужичөйясөс Дарөй медавлас кульны зверөс да яй лэччөдавны, а доймөм Вась отсасьысьяслы пайсө ачыс

юклёма. Көъямыс вежон чөж гөтырыс бурдөдөма дона верөсыслысь дойдөм коксө.

Коркө өти асыв мунасны гозъя керөс дорө пес пөрөдны. Лунтыр мырсясны-керасясны, кражъяссө кыскаласны штабельясө. Рытланьыс мыйлакө оз прөсекөд лэччыны, а веськыда козъя вөр пыр. Ыб дорө нин петны мөдасны, кор аддзасны коз туган йылын пукалысь чукчиөс. Пөткаыд матөдз лэдзас, оз повзыы гозъясьыд.

Васьыд дыр оз думайт, тшөктас Дарөйлы пу горулын увтыштны пон гөлөсөн. Нывбабаыд первойсө чуймас эськө, но вөчны немтор, велалөма кывзысьны.

«Ув!Ув! Ув!» – гораа «увтны» кутас пу горулын гөтырыс. Верөсыс сы кості гортөдзыс котөртглас пищальла. Чукчиыс збыльысь ылаалөма татшөм «увтөм» шыад да ас ногөн нерсьыны мөдөма. А Максим Вась, пельк да мудер вөралысь, надзөникөн матыстчас да лыяс пөткатө. Радлөма ёна верөсыс, а гөтырыс бөрдигтырйи туйкостсө вуджөма гортөдз. Олөмас быд лоөмтор артмылөма, но татшөм тешкодъыс некор абу вөвлөма. Та бөрын Марк Дарөй өткажитчөма отсасьны верөсыслы вөралигөн. Мөдыс весиг лачкылөма некымынысь гезйөн, но весьшөрө. Но та пондаысь дыр на олөмны гозъя өта – мөднысө радейтөмөн.

ПЕКЫЛЬ ПЕДӨСЬ

Йирваса йөз важөн нималөмны ылөдз. Зиль да киподтуя войтыр уна кыйдөс кыйлөмны вөралигөн да чери кыйигөн. Но вөвлөмаөс и быдсяма лоөмторъяс, на йылысь өни на казътывлөны.

Коркө том Микөл Ольөш вайөдлөма Леткаысь аслыс том нылөс. Керкаыс Ольөшыдлөн абу зэв ыджыд, ачыс на кыпөдлөма. Сюсь мортыд быдмөма рамөн, но пелькөн вөлөма. Ичөт тушаа, сьөд юрсиа да пашкыр уска. Зэв нин радейтлөма уссө видзны да кузя быдтыны батыс моз жө. Но том гөтырыс первойсянныс бура унаөс шензөдөма да чуймөдөма. Мыйөн? А вот мыйөн.

Верөссьыс юр мында джуджыд вөлөма, гөгрөс чужөмбана, кузь еджыд юрсиа, яя, кыз лядвеяса да ён киа. Шулөмны Педөсьөн. Варов да уджач нывбаба гортса овмөстө бура видзөма. Збойпырысь быдпөлөс уджсө вөчлөма, весиг ректасьястө ачыс өтнас сөвмөдлөма.

Өткымын сиктса олысь шулісны сійөс серам сорөн «Пекыль-Педөсьөн». А нывбабаыд таысь өбида некод вылө эз кутлы.

Регыд мысти первойя кага чужома, но оланногыс гозъялөн абу вежсьылёма. Видзёмны кобыла вөв да чань, мөс да куим баля.

Озырлун серти мукодысь абу торъявлөмны. Оломыс откодь став сиктсалөн вөлөма. Сэки йөзыс пырджык ота-мөднысө пыдди пуктөмөн олісны, бурсө да лёксө отлаын юклісны.

Сэсся воас кад, кор ошгяс овмөдчылөмны сиктса вөр гөгөрас. Сюсь вөралысьяс куим зверөс начкасны, но кольө оти, коді зэв мудер да винёв вөлөма. Ни лэчө, ни капканө абу сюртчылөма, а йөз вылө скөрмөма. Уна пакөсь вөчөма. Ыбгьяс дорын джагөдлывлөма и мөсьясөс, и вөвгьясөс. Сиктсаяс луд вылө полөмны лэдзны гортса скөтнысө. Немтор оз вермыны вөчны. Вөрса варгиль кокаыд сэтчөдз пыкөма йөзсө, мый найө ыбгьяс гөгөрын сылы джуджыд гуяс кодгьясны, кытчө сувтөдаласны ёсь йыла потшөсьяс. А отчыд сикт дорысь зверыд важ тшамья пасьвартөма. Мужичөйяс чукөртчасны, мөвпалөны, кызди ошлы пом пуктыны.

Микөл Ольошыд шыөдчас:

«Вайө, бур войтыр, дөзёритны кутам пищальөн сикт дорсө, а кор ошкыд локтас, лыйны позяс». Дыр на сёрнитісны войтыр да шуисны тадзи и вөчны. Лунгьяс кольөны, а зверыд оз петкөдчыв. Сэсся матыс-мас турун заптан кад. Мукөд оз кутны вой кежлө кольччыны ош пондасьыд. Регыд Ольош өтнас кольө. Оти асылө и шуас гөтырыслы: «Педөсьой, любөой, вот оштө лыя да тэныд кок улад сылысь пасьсө шыбита. Ме абу мукөдгьяскодь, менам тырмас выныд да сямьд звертө кыйөдны. Эн майччы!» «Дугөдчы, эн сёрнит тадзи, асы турун карны колө, – воча шыасис Педөсь, – дорны колө литовкаястө, дзоньтавны курьян пиньяс».

«Асывнас турун ытшкыны кута, а лунсяныд войөдз кыйөдчыны понда, – сьякнитіс кывгьяссө верөсыс. – Медбөрря мортөн лоа, ог кө ошсө начкы!» Педөсьыд сөмын олыштіс кинас. Кымын вой кольө, некоднин оз помнит. Сөмын оти войө Ольошөс дзебсянінас висьсөм босьтас. Кын вотөс сөйөмысь кынөмыс гудрасьны кутас. Быть ковмис Ольошлы гортас лэччыны. Кывласны та йылысь олысьяс да ёна жө сераласны. Нөшта кымынкө вой кольө, и морт бара дөзёртны мунас ыбө. А ошкыд сы дорө узигас асывводзын матыстчас да сера гачсө косявлас. Ольош чеччас да кор аддзас звертө, котөрөн усгласитыр гортас өдва ловгьяён воас. Но оз висьтав яндзимысла, а тшөктас гөтырыслы дөмны розьяссө. «Увгьясө инми кышасьны да ёна косясьліс гачө» – скөрмөм пырысь элясис Педөсьлы. Мөдыс дөмасьястө тэчас еджыд дөраысь. Бөрти Ольош бара важ местаас каяс да пищальсө корсьны кутас. А ошкыд көрт пищальтө шыбитөма лэжнөг чукөрө, но абу

жугодома. Радпырысь мортыд весалас сійос лоптысь да зарадитас свинеч пуляён. Но ошкыд абу йой, мортлысь дуксё ылысь кылё, гөгортас Ольоштё да сиктад лэччас. Поньяс водзджык казяласны зверос да гораа увтны кутасны. Сиктса йёз уськөдчасны ошлань, коді черён, коді нөшкөн, коді пищальён. Некемынысь на лыйласны, но зверыд удитас пышыйны вөрө. Йёз пиысь кодсюрё и рөпкыны кутасны Ольош вылө: кутшөм тэ пө мездысь, кор ошкыс ныр горувтыд ветлөдлө, а тэ дзебсь-өмыд кытчөкө да он аддзы.

Бара кольё кутшөмкө кад. Коньөр Педөсь кагакөд турун каранінын ноксё, зорөдьяс сувтөдалө да кыпөдалө, ытшкө и куртө, кос турун кыскалө и чөвтө, а верос ошкөс кыйөдө.

Өтчыд рыгтя кадө Педөсь шыөдчис верөсыс дорө: «Ольошө, көть тэ меным зэв муса да дона, но та мында турун ме ог вермы өтнам заптыны. Зэра поводдя воас, мый нө вөчны кутам?» «Збыль, Педөсьө, вот аски медбөрьяысь ветла кыйөдчыны, а сэсся эновта», – шогпырысь воча шуис верөсыс. «Но, мед енмыс сетас тэныд отсөг!» – малыштіс верөссө бур кывьясөн Педөсь.

Аскинас кыптис войтөв да поводдяыс вежсис. Ольош шоныда пасьтасис, бакилаяс суйис кокас, некемын сөчөн тор зептас пуктіс да өдөбтіс ёль бердті вөрлань. Мунигас паньдасис суседыс, коді гажьялігтыр гортас мөдөма пес каранінысь. Сьорас мужичөйылдөн кольёма бидонын сур. Но мый вөчны? Пуксясны кыкөн прөсек бокад да сёрнитгмоз бырөдасны чөскыд юантортө. Ольошыд гажмыштас да ёртыдлы ошйыяс: ош куйлө төдса местаын, буретш пө өні кайө лыйны. Сёррытын Ольош пуксяс пу сайө да регыд унмовсяс. А ошкыд бара волас да тупкас лыскөн, лөптөн узысьтө. Асывнас верөсыд эз во гортас. Педөсь лэччас ытшканінысь, а Ольошыд абу. Шөгө усьө нывбаба. Нөшта виччыяс, но верос оз во. Майшасьны некор, колө корсьны мунны. Петас нывбаба ывлаө, а суседыс кильчө вылын пукалө да юрас кутчысьөма, висьөдчө сур юөмысь. Кыдзи аддзас Педьсьөс, юасьны кутіс: «Көні верөсыд? Эз на волы?» «А тэ нө мыйысь төдан?», – воча юалис нывбаба. «Ми төрыт паньдасьлім прөсек вылын да меным висьталіс, мый мөдөдчис ошкөс лыйны узыланінысь», – шуис сусед.

Ёкнитас сьөлөмыс Педөсьлөн, быдсяма мөвпгяс юрас кутасны гарчыны: «А другысь ошкыс тапльөдліс коньөрөс, а другысь кусө кульө да татшөм дыр эз во?»

Уськөдчас нывбаба ю дорө, көні налөн вөвныс йирсис да гез йылын кутөмөн нуөдіс аскөдыс. Гөгөртис ыб дорьяс – абу верөсыд. Сэсся полігтырйи вөртис кытшовтны пондіс. Козьяина нөрысын другысь вуджөртис кутшөмкө еджыд-сера мыгөр. «Ага! Тані көвьялө вежөртөм

мужикыд, гортсö оз тöд ассьыс!» – скöрмис Педöсь. Ээ тай шöйöвош нывбабаыд, разис көрт кольчаяса сермöд гез помсö, гаровтис киас да кыйласигтыр, мед не повзöдны, пуяс сайтi воськовтис водзлань. Нелуна и мунис да коз лапгяс косттi казялис, бытгöкö водöма коз горулö Öльöшыс. Еджгов-сера гачыс сылөн шыбитчис синмас. Педöсь скöрмöмысла кык воськов мысти дзик матын лоис да öльштöмөн кучкис ситан кузяыс сермöднад. А сэсея здук мысти паськöдис синсö да вомсö. Чужöмыс едждис, да лёкысь горзигтыр уськöдчис вöрысь петанинö. Котöртгысь нывбаба скачитысь вöv кодь вöли, эз и тöдлы, кызди сиктас воис. Сиктса йöз тэрыба кутисны юасыны, мый лоис. Педöсь сöмын кинас индис вөрлань, горшыс гөррдзасис да эз вермы нинöм висьтавны. Некымын мужичöй пищальясөн да понгясөн котöртисны вөрлань. Сэни и аддзисны ошкös, кодi юрнас вöли пырöма кодзувкоткарö да тадзи и кынмöма. А орччөн сермöд куйлö. Бöрти, кор кусö кулисны да петкöдисны яй туша, казялисны, мый сьölöмыс потöма зверлөн повзöмсьыс. Чöсмасьö вöлөм кодзувкот колькьясөн...

«Ай-да, Пекыль Педöсь! Кутшöм нö вын колö, мед начкыны ошкös вöv сермöдөн?» – шензисны войтыр. Яйсö лэччöдалигөн ыб дорысь воис Öльöш. Кор сылы висьталисны лоöмтор йылысь, сийö сыли вылас öшöдчис гöтырыслы да ёна жö окавлис. А Педöсьлөн сьölöмыс небзис да сывьялис верöссö бöрдигтырйи. Тадзи сиктса йöиз мездысисны лёк ошкысь.

ЧУД ГУ

Коркö зэв важөн рытыввывсянь Йирваöдз волöмны Мозын ю кузя тöдтöм йöз. Ставыс налөн мөдпөлös вöлöма, сёрниыс весиг. Рыжöй да еджыд юрсиаöсь, ён тушаöсь, меча-пуртаöсь, ыргөн дозмукаöсь, кремнёвöй пищаляöсь, краситöм паськöмаöсь.. Татшöмөн помнитöны йирвасаяс воысьясös. И веськыда кө шуны, оланногнысö ас костаныс лёсьöдлöмны бура, а бöрынджык весиг ёртасьöмны. Медводдза кадсö олöмны воысь войтыр чумьясын, сэсея стрöитчöмны Мозын-Йирва костын, чулька яг вылын, кытысянь öния Слöбöда-Ягöдз лоö сöмын кык верст. Дас кык морта кык семьяын куим нывьбаба кындзи нельзон и вит мужичöй вöлöма. Öтув и овлöмны, абу торйöдчывлöмны уна во. Водзö вылö нöшга на кык семья содлöма, öд кык йирваса ныв верöс сайö мунлöмны. Асьнысö выль йöз шулöмны Войвывса саридз дорысь чудьясөн. Висьталöмны, мый мукöдыс мөдлöмаöсь Вашка гөгөрö.

Войвыв олём-вылёмьыс абу кокниа артмылёма. Коть и йирвасаяскөд отлаын муяссө ректылёмны Мозын дорын, сю шептыс өти воө кос поводдя вöсна омөля воөма. Но сямя чудьяс пуктасны йирвасаясды горъя пач, велодасны көртысь дорны шыранъяс, гөръясө пиньяс, чери кыян вугыръяс, ытшкыны крукыля «горбушаяс» да мукөд коланатор. А төвнас Вашкаысь вайодасны вөвъяс да кык ыджыд тшан. Öти көрт тшансө козиналасны йирваса суседьяслы. Сэтысянь отув и кыйсисны, и гөра-көдза вөчисны, овмөс сөвмөдिसны.

Ёнмис ёртасьом ас костаныс, кытчөдз нем виччысьтөг тывьясигөн Мозын юын эз пөд чудьяслөн юрнуөдысьныс. Регыд мысти нөшта нывбаба лёк висьомысь кувсис. Сэтысянь и торкис олан ладыс котырлөн. Семьяс кык пельө торьялисны, а сэсся төвнас пөшти джын йөзыс эновтисны оланіннысө да бөр Вашкалань мунисны.

Кольём войтыр пөвстын вөлёма Öнуч нима мужичөй, коді кужлёма бурдөдны быдпөлөс висьомьясысь. Уна бурдөдан быдмөг заптылёма, векджык пулёма бурдөдчанторъяс. А медсясө кималасөн да чуньяснас төдмавлёма висянінъяссө. Вөвлёма и сідзи, мый сөмын на инмөдчас морт дорө, а висьомыс дугдёма нин.

Öтчыд збыльтор лөлёма, код йылысь өнөдз на помнитөны. Йирваса веськөдлысьлөн тулыснас нылыс висьмас. И немтор некод оз вермы керны. Медым төдмавны помкасө, корасны бать-мам Öнучөс видзөдлыны висьысьсө. А коньөр ныв дзикөдз нин косьмөма, слабмөма, сөйөд-юөд оз пыр, чужөмбаныс вижөдөма. Кык вежон чөж Öнуч абу өтдортчылёма висьысь дорысь. Кыдзи кок вылө сувтөдөма нылөис, некоді оз төд. Но тайө лоөмтор бөрти лекарь ачыс висьмис. Пөшти во джын куйлёма керка пытшкын, но неминучаыс вермөма бур мортөс. Кулём бөрти гу вылас йирваса олысьяс пуктөмны шылыыда керөм ыджыд из, көні пасйөмны нималан лекарлысь нимсө. Чудьяслөн олөмыс водзө кыссьөма. Чужлөмны челядь, ыдждөма стрөйба, паськалөмны муяс, вөвъяс кындзи кутөмны видзны көзаясөс, но меддона радлуныс лоөма сэки, кор сола гу аддзөмны. Водзө вылө ыджыд вежсьөмьяс абу вөлөмны. Но сов гуыс өнөдз кольөма, а шуөны прөста – «чуд гу!»

Уна-уна во чөжөн гусө пыдйө кодйылөмны, но кор бырөма солыс, сы бөрти дыр абу олөмны. Воөма кад, кор чудьяс шуөмаөсь дзикөдз эновтны ассьыныс оланінсө. Эмбурнаныс юксьөмны йирвасаяскөд, а медся коланторсө сөвтөмны пыжъясө да кылөдөмны Мозын ю кузя. Олан керкаяснысө согөмны, мед лёксө не кольны. Сэтшөм ногөн водзө вылө шуд корөмны ас Енлысь выль оланінын.

Мунөм водзас чудьяс нөшта на ниа пуысь джуджыд крест сувтөдөмны вөвлөм оланін чульткө. Висьтасьлөны, мый во мысти төвнас вөла-

додяён Йирвао бара волёмны чудьяс ая-пия корасыны. Пиыс ёна радэйтёма ёти нылёс, надеясо абу воштёма. Но мыйыськё абу ладмёма, а вот козинсо, мый вайлёмны, мырдён кольёмны нывлы. Тайё медбёрья волём вёлёма чудьяслён Йирва вылө.

А Йирваса ныв регьд мысти кутшёмкё боковёй том морткөд гусьён эновтёма гортсо век кежлө.

Кымынысь олөмыс вежсьылёма, а йирвасаяс пыр кежавлөны чуд гу дорө. Сыысь и казтылёмьясыс ёнөдз эз кусны.

ЛУМПА ТУЙ

Ёна важся кадас Вурдов рөдыслөн кыйсян угөддьёыс паськөдчылёма Йирва юсянь Емва дорөдз. Ёни на төдчө куим воськов пасьта вөвлөм прөсек. Быдмёма выль вөрөн, но кыддза-пипу раска местаясын, бура кө видзөдны, казялан туй визьсө, сийө стөча нуөдө войвыв-асылө. А өд коркө тайө туйыс зэв нималана вөвлёма, медясө том войтыр пөвстын. Сийө кадө Слөбөда-Ягыс сөмын на артмёма кызди грезд. Вит-квайт тшына керка му пытшкысь тыдалёма. Быд керкаын аслас семья. Вөвлёма общиналөн аслас юрнуөдысь. Ётув йөзыс олөмнысө артмөдлөмны. Грездас и быдмылөма Лумпа нима збой детина. Ичөт тушаа, но паськыд пельпома, чорыд шамыра. Дас квайт арөсөн нин ошөс бытшкылёма шыён. Ньөввужөн медся веськыда инмывлёма, черөн да пуртөн ворсөма. Сыысь варов да сяма том войтыр костын некоді абу вөвлёма. Коймөд ар да төв Лука батыс новлөдлөма аскөдыс писө вөравны. Векджык паськөдөмны асьыныс кыйсян угөддьёсө асывывывлань. Бура уна узылан керка пуктылёмны кыкөн. Уна прөмыс заптылёмны. Ветлан туйкостыс вочасөн нюжалёма куим вой да куим лун кузьта.

«Таво арнас, пиук, нөшта ылөджык мунам, – сёрнитёма батыс Лумпакөд выль кучик бакилаяс вуригөн, – Эм Емва ю, сэни йөзыс озырджыка олөны да көрыс унджык ягвывьясын. Сэтчө и сетчылам».

Уна вой Лумпа эз вермы узыны, пыр мөвпаліс югыд ягвывиньяс, паськыд ю да мича йөз йылысь. Но вот колисны гожся ноксьөмьяс. Лука семьяын олысьяс ётув ыджыд ректас катыд помын сөвмөдісны, көм да паськөм вурисны, лөз сөйысь гырничьяс да кашникьяс сотлісны, пипуысь тасьті-пань да кык тшам вөчисны... Мукөд грездса мужичөйяскөд весиг нөшта ёти керка кыпөдісны.

Арся пѳраыс водз пуксис. Войся пужъялѳмьяс тѳрмѳдісны батя-пи-аѳс кузь туйѳ.

Первой вѳв вылын нуѳдісны Пони Субач ю керкаѳдз кѳлуй да сѳян-юан. А сѳсянь Ыджыд Субач юѳдз кыкысь ковмис новлыны подѳн ун-джык коланаторсѳ. Сѳся Лумпа вѳвсѳ на лѳтчѳдіс гортѳдзыс. Вой мысти сѳмын воштѳдчис Ыджыд Субач ю керкаѳдз, кѳні батыс лѳсьѳдіс мунѳм кежлѳ паськѳм, шьдѳс, косьтѳм яй да чери, ньѳвьяс, сывдѳм ош тшѳг торья дозмукѳ тѳчис, ныра гезьяс сира варѳн мавтис да дзоньталис кучикьясысь вурѳм важмѳм ноп. Лука шойччѳдіс писѳ нѳшта лун, а аскинас найѳ мѳдісны угѳддя пыр веськыда асывлань. Водзвыланьс шмыгьялис лап пеля Чукиль нима рыжѳй понныс. Мес-таясыс вѳлісны тѳдсаѳсь да муннысѳ эз вѳв сѳѳкыд. Лумпа водзын восьлалис, кѳть и ыджыдджык ноп кыскис. Пельпом вылас ньѳлавуж лайксис, а веськыд кинас шы кутис. Батя-пиалѳн лозьясаньс черьяс ѳшалисны, а вѳньясаньс – кѳрт пургьяс. Кыкнанньс кокниа вуджисны паськыд сѳн да джуджыд козья кыр. Сѳся петисны кузь нюрѳ. Тайѳ нюр боктыс мунис пас туйныс, но батя-пиа весьтасалисны пода туй да пырисны пожѳма чулькьяс костѳ. Бура дыр восьлалисны керч да кузь нитш кузя, кытчѳдз эз воны пѳрмѳдзинѳ. Мунигѳн пельк Чукиль куи-мысь увтчылис дозмѳр котырьяс вылѳ, но Лумпалысь шутьялѳмьяс кылѳм бѳрын энѳвтліс пѳткаясѳ.

Вѳралысьяс пестылісны бипур да пакулаа тшай юисны, косьтѳм чериѳн чѳсмасьштисны. Шойччѳм бѳрын кокьяс ѳдѳбаджыка нуис-ны водзѳ.

Коркѳ нин пемыднас воисны асланыс ылі узылан керкаѳ. Тшына узыланін ѳдйѳ шоналис горья пач ломтѳмысь. Лумпа пусис, а батыс лѳсьѳдалис керка вевтсѳ, потласьѳм сѳмѳдсѳ вежис выль шастьясѳн. А кор нин бипур дорын кутисны ужнайтны, енѳжыс кодзулассис. «Да, кѳйтгас, пиук, аски, кѳть зькѳ и шондіа лоѳ поводдяыс, – сѳрнитис ыджыд мывкыда Лука, – но миянлы сѳмын бурджык, весьтасджык туй-костсѳ пасйыны вермам».

Пиыс унатор йылысь юасис батыслысь, а сѳся ѳдйѳ и унмовсис.

Лука кусѳдіс сартас да водис жѳ узыны. Асылыс шемѳсмѳдіс батя-пиаѳс. Вѳрыс югзьѳма шонді югѳрьясѳн, быд пѳлѳс рѳмѳн, алѳйгѳрд эжтасыс быттѳѳ ыпьялѳ пу йывьяс сайын, кельыдлѳз енѳжыс помтѳм-дортѳм, сынѳдыс ыркыд да сира дука. Кыдзьяс да пипуяс сяркѳдчисны вижа-гѳрда корйѳн. Татшѳм асья мичлуныс зѳв гежѳда тыдовтчылѳ. Но дыр радлыны кадыс эз вѳв. Сѳйыштѳм бѳрын Лука чукѳртис сѳян-юан кучикысь вурѳм мешѳкѳ.

Недыр мысти вѳралысьяс саялісны пуяс костын.

Отылаын Лумпа сяммис уськөдны ньөвйөн войпу вылысь чукчиос. Водзө мунігөн нөштаысь паньдасьліс пөткаыс, но Лука эз тшөкты вөрзөдны.

Войсө коллявны лөсьөдчисны ичөтик ю бокын, джуджыд кыр горулын. Первойсө Лука некыдзи эз вермы паметьö уськөдны гөгöraинсö, а сэсся казяліс, мый вылөджык кайөмны. Юрас воис мөдлапөвса кушмөм гөрд лыаа кыр.

«Чайта да мунам веськыда, кыті колө, – шыасис Лука, – керышты, пиук, лыс чальяс, неуна нөринтчыны колө мудзөмысь». Регыд лоис и вольпась, и бипур. Батьыс некымынысь пөсь пакулаысь тшай ньылыштіс, нөровтчис да унмовсис.

Лумпалы эз узьсы. Бок вылас куйлігмоз кинас малаліс понлысь пельсө, а мөднас, ассыс юрсө пыкөмөн, чөв видзөдіс пемыд енэжө. Гөгөр вөлі сап сьөд. Том морт шуштөм войысь эз пов, а мөвпаліс быдсяма вөвлытөм мича серпасьяс йылысь, найөс и көсийс аддзывны водзө вылө. Но недыр мысти и сійөс босьтіс вугыр, а сэсся и синмыс куньсис. Ыркыд асылын, бипур дорын неуна шонтысьөм бөрти, батя-пиа вуджисны пөрөм пу кузя юсө. Джуджыд пожөмө Лука пас пыдди колис лөсас, медым не вунөдны местасө. Быд шойчиг Лука вөсньыд кучик рөч вылө пасьяліс туйкостлысь төдчанаиньяс. Көнсюрө паньдасьлісны тшөтшыд ниа дяс, пуясыс сись кодь веськыдөсь да кузьөсь. А рытланьыс пырисны помтөм-дортөм ягө. Еджыд яла паськыда кысис гаров сырьясөн. Сыысь нөшта на югыдджык вөліс вөр пытшкөсыс. Муньсыяс мыйкө мында на восьлалісны веськыда, а сэсся пуксисны шойччыны. Пөрччисны нопяс да лозьяс. Лумпа пласьт шыбитчис небыд нитш вылө, а батьыс бок вылас водіс. Бөртиджык гөрд пув сырьяс кокалігмоз пиыс юасис батьыслысь: «дырө на пө мунны колис», «эм-ө водзын керка?» Лука юөртіс сылы: «Өні ми воим көрьяс оланіньясө, а тасянь верст дас колис Емва юөдз. Воштөдчыны талун от вевьялө, а вот аски Тюрөй котырөдз кокниа воам, сэнi менө төдөны йөзыс».

Збыльысь, вой мысти, водз асывсянь луншөрөдз муньсыяс медбөрысь восьлалісны Емва ю бокті, катыд, йөз оланінлань. Ылысянь на джуджыд кыр йылын тыдовтчис гөгрөс керья потшөс да кыліс тшын дук. Кор батя-пиа матыстчисны, воссис өграда өдзөс, и воча петісны чукөртчөм йөз. Водзас кузь дөрөма, парчөвөй вөня, джуджыд тушаа, еджов гөгрөс тошка юрнуөдысь Тюрөй, а сы бөрын мужичөйяс. А на сайын нывбабаяс да челядь чуймөмпырысь видзөдісны гөстьяс вылө. Йирвасаяс да емвасаяс копыртчисны паньда өта-мөдныслы, сы бөрти киасисны. Лукаөс да Лумпаөс Тюрөй керка пытшкын гөститөдісны

юм сурён, чери-йён, тшак-вотёсён... Войтыр казътылісны, кызди коркё Лукакод отлаын вёралісны, уна кор яй заптылісны, ошъястё виявлісны... Лумпа юасъём бёрти петіс ывлаё.

Видзёдчигён казяліс, мый бура уна кор ку ошалё потшъяс вылын, а куим ыджыд тшанын, пёйма ваын кётёдома нёшта куяс. Дом йылын понъяс геждё увтчисны, потшёс сайын, вёр дорас, квайт вёв да кык чань йирсисны, а берег дорын челядь ворсісны. Орчён куим том морт пукалісны, и сёмын на адзисны Лумпаёс, шёрсаыс чукёстіс: «Эй, Йирваса, матыстчыв миян дорё!» Лумпа тшапа воськовтіс налань. Ота-мёднысё чолёмалём бёрти ставён пуксисны лабич вылё. Гостылысь юасисны олём-вылём йылысь, а сэсся оти вёзйис нёлаву-жысь ордысьсны, коді бурджыка да стёча инмас сюръяё. Быдён куим нёвйён тьюйёдліс пасё, но медся бура артмис Лумпалён. «Эн кутё обича, ёртъяс, – ланьтёдіс Лумпа, ме быдёнлы козинала ассьым нёвьясёс, а ті меным – вежён ассьыныд». «На босьт и новлы, менам кузьджыкёсь, – пыр и шыёдчис еджыд юрсиа зон, кодёс шуёмны Юрйён. – менам нёшта на эм.» «Аттё, зэв ыджыд аттё!» – сёмын и вермис воча шуны Лумпа, а сэсся ставён сералігтыр сывъясисны. Зонъяс дыр на ас костаныс варов шмонитісны. Сы костті лёсьёдісны дона гостыаслы узянін керкаын. И Лумпаёс батыс чукёстіс шойччыны. Кутшём бур сёлёмаёсь, шаньёсь да вежёраёсь коми йёзыс!

Нывбабаяс войбыдён вурисны батя-пиалы кык дёрём. Тшындём кор яй да чери тэчисны мешёкё, сов рёч – кык содз тыр, весиг понъяснысё вой кежлё, медым эз увтчыны, дом вылысь лэдзисны. Ывлаын вёлі нин югыд, кор Лука сальмёдіс писё. Мёдыс сьёкыда кыпёдчис шоныд кор ку вылысь, кёмасис да петіс керкаысь. Ыркыд сынёд пёльыштіс чужёмбанас, но том морт котёрён одёбсис ю береглань. Мыссигас эз и казаяв, кызди орчён кодкё солькёдчыны кутіс. Но кор юрсё бергёдіс – шай-паймуніс, кык воськов сайын сы вылё видзёдіс югыд синма, кузь еджыд юрсиа мичаник ныв. Сылён лёзов сарапанысь Лумпаён гёрдёдіс. Ныв чышкаліс ваа чужёмсё чышьянён. Лумпа синсё лэдзис увлань да вёрзёдчыны эз вермы, кокъясыс быттё сибдісны. А мича ныв шыасис: «Тэнё ме кывлі Лумпаён шуёны. Ылысь воомыд, сюсьён да тшапён лыддёоны. Мыйкё оз жё тай тёдчы. Мыя он сёрнит?» «Да, да... ме ог тёд тэнё, коді тэ лоан?» – надзёникён воча шыёдчис зон. «Менё Уляён шуёны,» – сералігтыр шуис том ныв. «Кывтё кылёдін, али мый? – бара юаліс Уля, – Тёрыт тай зэв збойпырысь миян зонъяскёд ёртасин, али повзин меысь?» Лумпа сулаліс ныв водзын да некызди эз вермы асьсё лёньодны. Кутшёмкё пытшкёсса майшасъём мешайтіс кажитчыны мича нывлы, кодлён югыд да сёстём

синмыс дзикөдз пөкөритисны сылысь сьёлөмсө. Том йөз чөв видзөдісны өта-мөд вылас, а сэсся ныв босьтис кинас дорьясөдыс карандаыс да тэрыба воськовтис гортланьыс. Кайигөн нөштаысь на Уля бергөдчыліс зонлань. А здук мысти вошис син водзысь. Лумпа сулалыштис вөрзьөдчытөг, кыліс кымөсас көдзыд нилөм.

Луншөр кадө емвасаяс пөся колльөдісны йирвасаясөс ель бердөдз. Тюрөй козиналіс Лукалы вөралан шы, а мөдыс – ассыс пурт. Мыйкө нөшта на гарыштисны кыйсянінъяс йылысь, сы бөрын сывьясьлісны. Лука копыртчис сулалысь йөзлы да унаысь атгөаліс. Авья Лумпа эз вермы кутчысьны, матыстчис Уля дорө. Полөмпырысь босьтис сылысь кисө да меліа шуис: «Тэ меным сьёлөмам пырин и зэв дона лоин. Веритан көть он, а кызди сөмын ме вөла туй пискөда тэ оланін дорөдз, сідзи тэнө ас сайө босьта. Сөмын виччысь». Улялөн гөррдзасис горышыс да эз артмы кыв воча шуны. Сөмын синваыс шорөн киссис. Ныв копыртис юрсө да чөла вашкөдіс: «Сета сөглас, сөмын волы мела.» Ставөн видзөдісны на вылө чуймөмөн.

Лука матыстчис пиыс дорө да тапнитис пельпомас. Некод эз виччысь татшөм лоөмторсө.

Регыд кык морт ылыстчисны Емва ю дорсянь рытыввыв кузь нөрөм кузя. Медводдза войсө узисны емвасаяслөн вөр керкаын. А сэтысянь лөсасьяс мунігөн колялісны и пасьялісны ассыныс кыйсянін кытшсө. Өти нюр вуджигөн Лука тайкө эз вөй горышөдзыс. Бур, мый Лумпа отсаліс петны ва гуысь, кузь пожөм пу мыччис. Батыс кинас первой кыскысис, а сэсся водөмөн кыссис косінөдз. Ягвыв бокын пемыдөдз ковмис косьтысьны. Шойччөм бөрти кыкнанныс кокниа восьлалісны ичөт юөдз, көні и биасисны.

Асывнас вөралысьяс казялісны шуйга вылысь джуджыд пожөма чой, а горулас – галяя паськыд лөньтас. «Бур жө тайө местаыс вөр керка вылө, – шуис Лука. – Вай жө, пиук, куим лунөн кыпөдам оланін. Аддзан: и сөй, и из эм». И, збыльысь, куим лунөн пуктисны ичөтик узылан керка. Та бөрти на кык лун вөралісны орччөн. Некымын көр оланін пасйисны, Нель пыльөм вөчисны, сөмын сиявны колис. А нөшта лун видзисны пес заптөм вылө.

Кымын ёль да нюр туйкост вуджисны, пока батя-пия эз вошйысьны Ыджыд Субач ю йылө. Кыкысь паньдасьліс ош, но мывкыд Лука зверькөд эз кутчысь тышкө и Лумпаөс эз лэдз зверлы паньд.

Лючки сөмын воштысисны оланінөдз пемыднас нин, и лым паллявны кутіс. «Но, вот, пиук, удитім тэкөд воны, а сэсся кынтас, – ышловзис бытыс, – эк-ма, ыджыд мог вөчим. Аски шойччыштам, а бөрыннас яй да чери заптам.» Колис нин кык вежон, и надзөникөн муа гуын

кыйдос чожсис. Оти лектор вөлі – сов быри. Сэся пыр и пода вөраломлы пом воис. Лымйыс водз усис да лючки вөтліс кыйсысыясос гортаныс. Медборья пыльомьяссө сиалом борти батя-пия помалісны колана уджъяс да вөрзисны туйо. Тадзи помассис арся кыйсьом. Водзын вөлі сьокыд төвся кад.

Кызди кайисны борынас лызьяс вылын батя-пия, кызди кыскалісны нартъясон кыйдос, кызди вурд да тулан кыйисны пыльомьясө, кызди корьясөс ньовьясон уськодавлісны, кызди төвийсны – та йылысь сомын асьныс да гортсаыс төдісны.

Тулыснас Лукаос кокыс эз кут новлөдлөны. Став овмөссө да сьокыд уджсө ковмис Лумпалы нуны-вөчны. Но кымын муніс кадыс, сымын өнджыка том морт мөвпаліс емваса Уля йылысь. Дум вылас век кутіс борья кывьяссө югыд синма мича нывлысь.

Воис выль ар. Гожся уджъяс помассисны. Лука эз нин вермы вөравны ылыс угөддяын – кокыс висьом борти слабмис, та вөсна Лумпа кайис понйыскөд өтнас. Мөдігөн пийс висьталіс батыслы радейтана Уля йылысь, мый вөла туй көйө пискөдны Емва ю дорөдз. А батыс кывзіс сійөс, но воча нинөм эз шу.

Пони Субач юсянь первой Лумпа кутіс паськөдны важ пода туйсө Ыджыд Субачлань. Уна пөсь нилөм кисьтіс, уна вира гадь киас артмыліс, но нель вежон мысти петіс Ыджыд нюрөдз. Көть эськө и выныс чиніс том мортлөн, а венны сьокыдсө век отсаліс радейтөмө эскөм. Керасысь кытікө веськыда нуөдіс туйсө, а кытікө – гөгөр. Весиг новлан колуйыс лөздыны кутіс. Көдзыд зэр вель унаысь дугөдліс уджсө, но Лумпалы вөлі веськодь: вежас вазьом паськөмсө да водзө керасьө. Лым усьтөдз коньөр зіліс да воөдчис Ыджыд Субач юөдз, а сэся шойччыштіс вөр керкаын. Бортиджык, ас угоддяын, лымйыс эз джуджыд вөв да некымын лун вөраліс. Кыйдос эськө уна эз шед, но и сійө бур вөлі.

Колис кык во, кор йирваса зон, а өні верстьө мужичөй, пискөдіс пошти помөдз радейтана дорө туй. Вөлөстьын весиг вөзйысисны отсасыны, но Лумпа сомын нюмьяліс да өткажитіс быдөнлы. Сиктса йөз пыдди пуктісны Лумпаос да сиисны сылы, мед ставыс зонлөн артмис. И колө жө неминучалы слөймыны – лөк поводя вөсна чужөм сю эз быдмы, а став урожайыс куліс арөдзис. Вөлөстьса юрнуөдысь чукөртіс олысыяссө да сөрнитөм борын шуис лөсявны вашкасяскөд да судзөдны налысь төв жөлө тусь.

Лым усьом борын вит вөла-доддя мөдісны Вашкалань кывтыдө. Кузь туйө босьтісны и Лумпаос, медся том, но авья мортөс. Лука вөлі слаб да сійөс колисны сиктса юрнуөдысьөс вежысьөн. Куим лун мыс-

ти мунысьяс Мозынса төвъян керкао колисны додьяссө, а сэсся верзьёмөн вөралан туйтө воштөдчисны Вашкаса вөлөстьө. Йирвасаяс примитисны бура, шойччөдисны, чөскыд сёян-юанөн гөститөдисны. Мудер вашкасаяс кокниа сетисны нелямын пуд тусь, өд асьныс олисны сэки бура. Но, өти пызан сайын пукалөгөн, вөлөстьса юрнуөдысь Акым кыпөдис сура көш да висьталіс, мый мед ёртасьөмыс вөлі водзө – сетө асьыс нывсө верөс сайө. И шуөм бөрти тапнитіс Лумпалы пельпомас да гораа шуис: «Вот тайө прамөй мортыс мед Йирвасө да Вашкасө өтлаөдас да сөвмөдас. Видз, бур пи, менсьым медся дона нылөс. Сөмын өтувтчөмөн вермам став сьөкыдлуньяссө бугильтны. Веськыда висьтала ме, дона ёртгьяс, али ог?» Гажмөм пукалысьяс кутісны пөсь кывьясө воча шуыавны. Лумпаөс гөрдөдіс, көсийс на мыйкө воча шуны, но войтыр дугөдісны сійөс. Бөрти скөралысь Лумпаөс дыр бурмөдісны, а сы бөрын юрнуөдысь шогпырысь шуис: «Он кө сөглас сет, найө оз сетны тусь, а тусьтөг мяян йөзыс тшыгйысь куласны». Тадзи вежсис Лумпалөн шуд визьыс. Гортас вайис асьыс шог да вайөдіс том гөтырөс. Сійө кадсянь дугөдчис Емва юлань туй писькөдны. И том гозьялөн пуксис олөм-вылөм. Кык во мысти чужис медводдза кага, а водзө вылө олөм чіөжнаныс нөшта вит.

Йөзлөн казьтылөмьяс серти, гозья олөмаөсь шаня да ладын. Олөм чөжыс Лумпа кыйсьөма, но некор абу волөма сэсся Емваө да Вашкаө.

Уна ва каттис и уна вөр быдмис, а Лумпа туй өнөдз төдчө пармаын.

ПИЛЯ ВАНЬ

А вөвлөма Пиля Вань скөр да аслыспөлөс мортөн. Көть нимавлөма уджачөн да сямаөн, а сиктса олысьяскөд абу ёртасьлөма. Дедыс пө сы кодь жө вөлөма, ёсь да югыд синма. Пиля Вань нель ныв гөтырыскөд быдтылөмны.

Ичөтсянь кыйсьыны новлөдлөма Еленөс, медся ыджыд нывсө. Угодьясө Чур-ты бокын сөвмөдлөма, абу матын – Слөбөда-Ягсянь Йирва ю кузя квайтымын верст гөгөр лоө. Но векджык тувсов кадө Сьөд тыын кулөмьясөн чери кыйлөма. Весьөн төдлөмны сійөс тшыкөдчысь мортөн. Быттө Пиля Ваньыс вермылөма йөзлы лөк вөчны. А код вылө индылөма – сійө сьөкыца да кузя висьлөма. Некод ськөд абу кужлөма водзасьны – ни вомөн, ни киөн. Ичөтик тушаа, паськыд лыа, ён вөлөма. Өтчыд скөрмөма да аслас вөлыслы вартөма чабырнас кымөсас, мөдыс и кувяс.

Оти воо катёма Пиля Вань Елен нылыскөд Съод тыё кыйсьыны. Май төлысьыс зэв шоньд вөлөма. Бур поводьянас тайё тысьыс уна чери позис кыйны. Батя-ныла чөвтасясны кулөмъястө да войсө узясны коз горулын. Медводдза ном нин петёма вөлі, и медым нывсө сійө эз дөсадит, батыс кималаснас малалыштас чужөмбансө да кисө, и сы бөрти ньоти гут-гаг ныв гөгөрын оз кут лэбавны.

Войбыд гудрасис да кисьтасис, вом горулас броткигтырйи, пөймөн мудер кыйсьысь. А шонді пуксигөн, кор нывка узис, пыжөн гөгөртис тысө да мунігмоз койис шамырнас пөймсө ва вылө. Сөмын та бөрти кыйис лөвляссө, кытчө шедис бура уна гырысь сир, сын да ёкыш. Некымын лун мысти чери лагуньяс тырисны, позис нин гортлань вөрзыны, но Вань эз тэрмась. Елен казяліс, мый батыс кодөскө, либө мыйкө виччысьө да сыысь и майшасьө. Батыс кык местаын колис ва пытшкын гырысь синма кулөмьяссө, а мукөдьяссө чукөртисны да весалөм бөрти косьтыны колисны ошан потш вылө. Рытивбыд Пиля Вань чөв сулаліс берег дорын да пельсө чошкөдөмөн кывзисис. Нылыс дыр нюмъяліс, а мөдыс сөмын кинас олыштывліс. Лөнь да мольд ва веркөс кытшьясөн югъяліс черилөн ворсөдчөмысь. Но, другысь бульснитчөм кывсис өтчид, мөдысь.., а бөрти – бузгөм шы. «Батьө, вердысьой, көнкө васаыс кыптөма, – повзьөмпырысь шыөдчис нывка батыс дорө, – пищальтө босьт киад!» «Дугды, эн пов, тайё сир, – воча шуис Пиля Вань, – тэ пуксы бипур дорад, некытчө эн мун, ме пыжөн петала да локта».

Батыс өддьөджык пуктис пыжө ёсь пиньяса айдлас да кремневка пищальсө, сэсся шытөг йөткысис берегысь. Надзөник кыссис кадыс, а бульскөдчөм шыяс ты помас унаысь на кылісны. Джуджыд туруна берегянь нывкалы эз тыдав ты пасьтаыс, но регыд гыяс воисны кок дорөдзис. Другысь дивөкодь серпас сувтис син водзас – ты шөртис гезья дом вылын пыжаөс кодкө кыкис водзлань. Батыс пыжын мыйкө скөра горзис, а гез помсө то лёньөдлас, то зэлөдлас. Нывка нинөм эз гөгөрво, но чөв сулаліс да видзөдіс. Кор мөдар ты помө пыжыс матыстчис, ва веркөсас кутшөмкө ыджыд сьод вуджөр тыдовтчыліс бузгысигтыр. Шондіыс важөн нин пуксис, а пыжа век на бовьяліс ты вылын. Отчид кывліс лыйөм шы, но сы бөрти нөшта на ёнджыка мортлөн скөралөмыс кыліс.

Елен дөнизис сулавны да пуксис пекуль вылө. «Коньөр батьө, васаыскөд вөйччасьө, өд висьтавліс, мый васаыс тані олө, – ас кежысь мөвпаліс нывка, – дедө висьтасьліс. Мый лоас? Другысь ва-

саыс пѳдтас батьѳс?» Синва киссис шорѳн, и шог бѳсьтис Еленѳс. Сэссия неровтчис регыд мысти и ланьтѳс, эз и тѳдлы кыдз унмовсис. Ѳкурат сэки жѳ и Пиля Вань помалис ыджыд сиркѳд тыш. Нѳль вѳськов кузьта чери ловсѳ лэдзис да путкыльтчис кынѳм вылас. Кыйсьысь бура сатшкѳма айдласнас, и кулѳмѳ гартчѳм чери эз вермы йирѳ пырны. Повтѳм да пельк морт айдлас нуд помас гѳрддзѳма гез и абу сетима сирлы мездысьны. А пищальысь пуляыс стѳча инмѳма юрас.

Дзикѳдз мудзѳм Вань вайѳдис чери тушасѳ берегѳдз да тупкис эжѳрѳн. Та бѳрын пымѳдис би вылын пѳрт да юис пѳсь пакулаа тшай, сѳйис косьтѳм чери.

Асывсѳ батя-ныла узисны. Найѳс садьмѳдисны ас сиктсаяс, кодьяс кык пыжѳн катѳмны тывьясьны Сьѳд тыѳ. Чолѳмасьѳм бѳрти Пиля Вань петкѳдліс асьыс медшѳр кыйдѳс да шуис: «Войтыр, татшѳм сирсѳ эськѳ коркѳ миян пѳльяс кыйлѳмны, а ме ѳтнам тайѳс кыйи. Та кындзи чери менам эм, вай жѳ бѳсьтѳ аслыныд, а ме сѳмын юрсѳ коля». Чуймѳм мужичѳйяс дыр на дивуйтчисны сир вылѳ.

«Ай, да Пиля Вань! Ай, да мудер морт!» – уна ошкана кыв шуисны йѳз.

Луншѳр кадѳ батя-ныла тѳчасисны пыжѳ да кутисны тысѳ вуджны. Но кытыськѳ друг кыптис ѳн тѳв, энэжыс пемдис. Вальяссис тыыс сэтшѳма, мый быгзис здук мысти. Чизыр тѳв шутыляліс да гартчис, гораа кратшкѳмѳн водтѳдис берег дорса пуяссѳ. Повзьѳм тывьясьысьяс горзисны пыжалы ѳддьѳджык берегѳ сюйсьыны, но Пиля Вань ставсѳ асногыс вѳчис. Нывкалы тшѳктис водны пыж нырас, а ачыс шыбитис пелыс, бѳсьтис пищальсѳ, куимысь кутшѳмкѳ кывьяс горѳдис да шуйга пельпомсяньыс мышнас сулалѳмѳн косыштитис – лыйис энэжас. Сынѳдыс быгтьѳ потис, сэссия надзѳникѳн тѳлыс ланьтис, и лои шыч ни рач. Бара югдис, и сѳмын лѳп да быг куйлісны ва вылын. Пиля Вань пукаліс пыж бѳжын да сьѳкыда лолаліс. «Нылук, кыпѳдчы, вай жѳ петам юѳ да кывтам», – сѳмын и кужис шуны бать. Ачыс койис пыжысь ва да зіля кутис сынны пелысѳн. Асывводзнас кыйсьысьяс вѳліны нин гортаныс.

* * *

Мѳд вонас, кор катѳма Пиля Вань Сьѳд тыѳ, аддзас тывьясьысьясѳс сзтысь. Тѳдлытѳг матыстчас мышсяньныс на дорѳ да кыдзикѳ тшыкѳдас. Висьталѳм сертиыс, тывйѳ уна чери шедлѳма, но дзик бе-

рег дорас тыв пытшкысь кыйдöсыс кытчöкö вошö. Шöйöвошöм йöз повзясны да дугöдчасны водзö вылö кыйсьыны.

Татшöмторйыс абу öтчыд вөлöма, но Пиля Ваньлөн ловъя дырйи гежöд морт пыралöма кыйсьыны Сьöд тыö. А Елен нылыс сэсся некор жö абу катлöма батыскöд кыйсьыны Йирва ютi. Косьтöм сирлөн ыджыд юрыс некымын во на öпалöма потш йылын ай-мамлөн керка водзвылас, а сэсся кытчöкö вошöма...

КУТШ ЁЛЬ

Кодi вöвлi Слöбöда-Ягын, тöдö, мый катыд грезд помсö юкö визув ёль. Уна сё во чöж сылөн сöстöм, югыд да кöдзыд ваыс мыськö изьяс да галя аслас туй кузя. Тшöкыд Парма шöртi, зумыд кыръяс горувтi, ылö местасянь заводитчö тайö ёльыс, кодöс шулöмаöсь Кутш нимөн. Көть нель воськов пасьта, а ваа да чериа: мык, налим да ком öнöдз кыйлöны йöзыс.

Вылö каигөн паныдасьлöны дзормöм горсьяса да сирöсь потасьяса нэмöвöйся ниа да пожöм пуяс. Сэтысь, мазi позьясысь, коркö чукöртлöмны ма. А водзö кö нöшта мунны, позяс корсьны вöвлöм джуджыд гуяс, кытчö йöртглывлöмны вöтлысьяс кöръясöс.

Öтар-мöдар кыйсян угöддьöяс вöчлöмны да уна кыйдöс промышляйтлöмны. А вотöс да тшаксö сы мында вотлöмны! Мöд ногөн – вердысь ёль, кодi ас ногыс сöвмöдiс йöзлысь олөм-вылөмсö.

Но öти воö виччысьтöг суис неминуча. Уна шыр да гаг гожöм пуксьöм бöрти рöдмис вөлөсть гөгöрыс. Муяс вылысь петöм сю пакöститiсны, куысь вурлöм көлуй розявлiсны, оланiньясын шыдöс да мукöд сёян йирны кутiсны... Быдсяма ногөн войтыр мездысьны шыр-гагысь видлiсны, но немтор эз артмы. Унаөн лёк дука быдмöгъяс сотлiсны да тшынöдлiсны оланiнлысь пытшкөссö, а керка гөгöрсö мукöдыс весиг сирөн мавтлiсны. Но таысь отсöгыс эз жö ло.

Öти асылын кодкö казялiс, кызди кык кутш варшасьöны выв-сянь муöдз да куталöны шыръяссö, а сэсся новлöны джуджыд кыр йылö. А матi ыб дорын кеня-варыш тожö куталö ичöt кузь бöжаяссö. «Енмыс кылiс мянöс! Енмыс сетiс отсöг, дорйис мянöс!» – горзiсны йöз. Сы мында радлун быд ловын чужис, мый нывбабаяс весиг бөрдисны, а гырысь, збодер лэбачьяс эз гөгөрвоны, мый лоис

да сөмын югыд синьясананыс дорласисны йөзлөн гыөмланы. Төдса вөлі, мый кутш гозья позьясьөмны неылың, а кеня-варыш лэбаліс орччөн. Гожөмбыд бордя отсасысьяс бырөдісны сикт гөгөрысь шырьясөс. А сэсся винёв варыш мыйыськө дзикөдз эновтіс тайө местаяссө. Өтчюд рытьявыв мича востым дыр ворсіс еңж пасьята-лаыс, а кутшьяс гөгралөсны керкаяс весьтын. Йөзыс дыр на төд вылын кутісны тайө лоөмторсө, кытчөдз эз гөгөрвоны, мый көдзыд поводя пуксис. Төв кежлө воөм сю лои этша, но зато уна зверь-пөтка вөрын рөдмис.

Лым усьтөдз кутшьяс отсасисны йөзлы мездысьны шырьясысь. Сэсся төвбыд съөдбөжьяс да ручьяс мыйта вермисны бырөдісны найөс.

Выль тулысыс ланьтөдіс олысьяслысь майшасьөмсө – өтка-өтка кольөм шырьяс нинөм лөксө эз вермыны вөчны. А тшап кутшьяс уна во на дөзьөритісны йөзлысь чөв-лөньсө. Лэбачьяс некор эз вежлыны ёль кузя лэбалан визьнысө, а джуджыд пуясын пукалігөн весиг эз видзчысьны ни мортысь, ни понйысь. Тайө кадсянь ёльсө пондісны шуны Кутш нимөн.

Көть эськө и гежөда, но өні на позьө казявлыны өтка кутшлысь лэбалөмсө, но векдржык тувсов кадө. Сөмын поздысян местаыс көнкө ёль йылас, съөд вөр пөвстың, Слөбөда-Ягсянь верст кызь лоө...

ОХОТНИЧЬИ ИСТОРИИ

Северная природа ни с чем не сравнима. Ранимая и сказочная, совершенная и не познанная, захватывающая и недоступная, обильная и таинственная – вот таков это живой зеленый мир, который нас окружает. Невозможно пером передать все ощущения и чувства, которые владеют мной при описании нашей северной пармы. Но с некоторыми историями, произошедшими на Удоре, хочу поделиться с теми, кому они будут интересны.

УРОКИ ПЕРВОЙ ОХОТЫ

Мне было всего 12 лет, когда отец взял меня впервые на большую охоту. Тогда мы жили в лесном поселке на берегу реки Мезень. Вообще это и есть моя родина.

Отец работал в лесопункте, а на сей раз взял остаток отпуска, около двадцати дней, как раз перед ноябрьскими праздниками.

Территория охотничьего угодья была достаточно обширной. Первые два дня снимали силки. Ну и понятно, что попавшиеся трофеи завершили осенний промысел. Добычи оказалось немного: четыре глухаря, один тетерев и восемь рябчиков. Первый снежок, выпавший три дня назад, был очень даже кстати, так как мягко и бесшумно можно было ходить по лесу. Сначала с отцом заготовили дрова, выпотрошили птиц и уложили их в специальную яму, предварительно обложив можжевельновыми веточками. Я старательно постигал науку охотничьего быта и другие необходимые и полезные премудрости.

С нами была наша любимица собака Жуча, настоящая лайка, верный и преданный друг. Она не раз спасала отца от медвежьих лап во время охоты на этого зверя, а лосей выгоняла прямо на своего хозяина. Куниц выманивала из дупел и нор одной лапой, а потом душила. А когда их тропила и настигала, то загоняла на деревья, затем сторожила не один день. Особенно забавные игры затевала с глухарями, кувыркалась под деревом, твякая тоненьким голосом, прыгала, выпол-

няя «сальто с переворотом». Глухарь настолько увлекался зрелищем, что охотнику можно было подойти к самому дереву. Для неё не существовало водных преград. Даже ловила зайцев. Верой и правдой тринадцать лет служила нашей семье и перед кончиной попрощалась с каждым из нас, подавая лапу. Она исчезла вечером, а утром мы с отцом обнаружили её у кромки леса, под большой елью. Жуча умерла естественной смертью, тихо и достойно. Всею семьёй мы хоронили нашего друга недалеко от поселка, на бугре под сосной. Отец переживал больше всех и плакал в первое время каждый день, не стыдясь своих слёз.

Но это было потом... А пока мы готовились в избушке к двухдневному переходу. Рядом протекала маленькая речка Мадмас, где я ловил хариусов в ямах. И сейчас, вечером, тихонько забрасывал самодельную блесенку, пытаюсь наловить их на ужин. Но, увы, поймал только одну небольшую рыбку. Отец пояснил мне: «Сейчас, в сумерках, хорошо ловить, но погода уже меняется, видишь, ветер северо-восточный дует, давление поднялось, поэтому ты опоздал с рыбалкой». И он был абсолютно прав, потому что жабры рыбы налились темно-красной, даже пунцовой, кровью, а это верный признак высокого атмосферного давления.

Рано утром мы с рюкзаками и ружьями перешли речку вброд и пошли на восток. Через некоторое время собака залаяла на белку. Из своей одностволки 20 калибра я точным выстрелом сбил зверька. Затем, пока дошли до старой развалившейся избушки, добыли еще двенадцать. Однако я два раза промазал. Стрелять отец научил меня практически с семи лет, но без промахов не бывает, особенно когда ели высотой почти в тридцать метров. Попробуй, свали белочку.

Видели старый след куницы, а свежих следов не было. После полудня немного перекусили, похлебали горячего чая у костра. Когда вышли на болото, сапоги-бродни стали глубоко утопать в жиже, и я зачерпнул воду. Пришлось снять сапог и заменить портянку. Дальше обходили болото кругами по холмам, и в одном месте обнаружили совершенно свежие следы двух лосей. Отец жестом показал, чтобы я дождался его на этом месте, а сам осторожно углубился в заросли. Я сидел на валежине и терпеливо ждал. Прошло более получаса, а из головы никак не уходила мысль, как это отец без компаса умудряется ориентироваться на местности? К примеру, сейчас он непременно выйдет на то место, откуда заходил. Но на сей раз так не случилось. Раздался выстрел, затем второй. Я вскочил и помчался на звуки. Там же где-то лаяла собака. Наконец, добрался до ельника и заметил, как отец, на-

гнувшись, что-то делает. Подойдя ближе, я открыл рот от удивления. Передо мной, в трех метрах, лежала огромная бурая туша лося, а мой отец, подрезая ножом глотку, выпускал кровь. Молча отошел в сторону и заметил еще одного зверя, который, судорожно дергая ногой, приподнял огромную голову с плоскими рогами и посмотрел в мою сторону. Затем голова его безжизненно опустилась на землю. Оторопевший от увиденного, я не знал, что делать. Огромные влажные глаза лося остекленели, и через мгновение я заметил, как из глаз катится большая сверкающая росинка – это была обыкновенная слеза, последняя в жизни лесного гиганта. Тогда по моей спине пробежали мурашки, я заплакал. Плача навзрыд, вытирал руками слезы и сопли. Отец что-то мне говорил, но я ничего не слышал. Отрешённый, в шоковом состоянии, отошел на несколько шагов в сторону и повалился на землю.

Минут через десять-пятнадцать я пришел в себя и начал разжигать костер. А отец уверенными движениями снимал шкуру. Потом освежевал туши. Только к вечеру он управился со всеми работами. Уже разделанные туши я помогал накрывать еловыми ветками. Я почти не разговаривал с отцом, только один раз спросил: «Зачем нужно было их убивать?» Он в ответ обнял меня и пояснил, что это необходимость, которая поможет долгое время кормить нашу семью; причем оба лося самцы-пятiletки, а не самки, поэтому ущерба природе практически мы не нанесли. Я спокойно слушал, но не запоминал его слов.

С тяжелыми рюкзаками мы напрямик шли до основной просеки, отмечая маршрут затесами. Только ночью добрались до Мадмаса. Войдя в избушку, помню, как сбросил рюкзак, ружье и куртку. Смертельно уставший, в одежде, я проспал до утра. Отец еле разбудил меня поесть. Тело ныло, болела спина. Но через полчаса, вдоволь полакомившись жареной печенкой и жирным мясным супом, я себя чувствовал самым счастливым человеком. Ну что еще нужно – тепло, сытно, кругом таежная красота.

Отец мой был худощавым, но жилистым, невысокого роста, спокойный по натуре, но в лесу неутомимый. Кстати, на все руки мастер. Но главное – добрейшей души человек. В жизни никому зла не сделал и вообще был безобидным. Славился еще тем, что в тайге равных ему не было. Он очень хорошо стрелял. Я всегда поражался его скромности, трудолюбию и силе воли.

– Значит, делаем вот как, – рассуждал отец, – я схожу на лесовозную дорогу, найду кого-нибудь, чтобы послезавтра машину направил. Нельзя ждать, вытаскивать туши надо. А нам еще с тобой ого-го сколько труда положить придется!

– Схожу пока за мясом, – ответил я, – хоть сколько-нибудь да вынесу.
– Придется, пожалуй, тебе одному сходить, бери только мякоть, – поддержал отец.

До лесовозной дороги идти нужно было девять километров, а до добытой лосятины – около четырнадцати. Так вот, когда я нагрузился и двигался обратно, на пути встретил отца. А когда подходил к избушке, он уже догнал меня с тяжелой ношей. Вторую ходку я делал поздним вечером, а отец к этому времени спешил навстречу ко мне на помощь. Откуда у него силы брались, трудно сказать.

Следующий день был самым изнурительным, я совсем выбился из сил сразу после первого «рейса», и больше уже не мог сходить.

Отец сделал три ходки и тоже устал не на шутку. На третий день на тракторе подъехали наши поселковские мужики. Они помогли вытащить последние остатки добычи.

Отец оставил меня в избушке и наказал, чтобы я пока последующие два дня поохотился в направлении верховья Мадмаса, а сам на тракторе с мужиками отправился вывозить добычу. Пока было светло, я чувствовал себя бодро. Но, как наступила темнота, ощущения стали совсем иные. Раньше отец меня не раз отставлял на ночь одного в избушке, а сам, оказывается, коротал ночи недалеко в лесу под елью. Таким образом он приучал меня не бояться ночного одиночества в тайге. Однако все равно какой-то страх жил у меня в душе. Все чудилось что-то страшное и звериное.

Вот и сейчас я чувствовал внутреннее напряжение и волнение, хотя рядом собака была.

В избушке пахло соляжкой, так как лампа чадила чёрным дымом. Я лежал на спине в одних спортивках и рубашке и планировал десятки раз завтрашнюю охоту. Да, не зря отец когда-то говорил, что «охота – это тяжелый труд». Двери были закрыты на крючок, и в думах я незаметно уснул.

Проснулся рано, будто по будильнику. Собака просилась на улицу. Я выпустил её, а сам занялся разжиганием огня в печке. Взял пустое ведро и направился к речке. Потом зачерпнул воду, поднялся и с берега увидел на востоке красно-желтое зарево. Остановился, опустил ведро на землю и внимательно начал следить, как заиграли зарницы на небе. Вокруг было сумрачно, падал легкий снежок, и верхушки деревьев на фоне ярких цветных бликов переливались причудливой мозаикой. Я никак не мог понять, что всё-таки происходит, но продолжал стоять. Продрогший от холода, я понял: оказывается, так поднималось солнце. Редко приходилось наблюдать подобные чудеса.

Пока разогревал на плите вчерашний суп, услышал недалеко лай Жучи. Схватил ружьё, выбежал в одной рубашке и еще издали заметил воркующих тетеревов на берёзах. Попробовал подойти на расстояние выстрела, но осторожные птицы разлетелись в разные стороны, а собака вновь погналась за ними. Как позавтракал, собрал рюкзак, прихватил котелок и быстрым шагом углубился в лес. На окрик собака тут же появилась. Перешел большой бугор, но, кроме рябчиков, никого не встретил. В лесу было тихо, холодный воздух щипал нос. Даже руки чуть посинели, рукавицы я оставил в избушке. Впереди показался осинник, откуда начинался спуск к болотцу. Год назад около этого места я сбил большого глухаря, килограммов на восемь. Осторожно перешагивая через поваленные деревья, услышал шорох, затем – треск сучьев. Сделав несколько шагов, пригнувшись, чуть приподнял голову и увидел, как четыре зайца играют друг с другом: сначала разбегаются в разные стороны, а потом сходятся и в стойке «барабанят» друг друга передними лапами. До сих пор я видел подобные заячьи «бои» только весной один раз, но чтобы в начале зимы – такого не было. Как только ушастые «драчуны» заметили меня, сразу исчезли из виду.

Ближе к верховью Мадмаса ельник с примесью берёзы сменился на низкорослый сосняк, выходящий снова на болото. Я свернул обратно и только поднялся на бугор, как заметил множество следов куницы. Собака уже петляла где-то поблизости. Внимательно «читая» следы, подошел к большой сосне с могучими искривленными ветвями. Действительно, издали дерево выглядело, как великан. Жуча несколько раз тьякнула в стороне и замолчала. Прошло немного времени, пока я сделал круг. Следов больше не было. «Значит, лесная «кошка» где-то здесь, – мелькнула радостная мысль, – но почему Жуча молчит?» Через несколько минут она опять тьякнула и снова умолкла. Присев под огромной сосной, я отдышался и взглянул на оголенные корневища под ногами. Что это? Из норы выглянула мордочка и обратно исчезла. Я тут же вскочил и окликнул собаку, но было поздно. Куница пулей пролетела между моих ног и помчалась прыжками. Я выстрелил. Дым рассеялся, но, увы, – промах. Потеряв на ходу шапку, я бежал вперед по следам. Наконец, запыхавшись, остановился. Вдали лаял мой четвероногий друг. Придя на собачий голос, заметил рыжий хвост на елке. Прицелился и выстрелил. Куча хвойных лапок упала вниз, а добычи не было видно. Жуча растерянно бегала вокруг дерева и скулила. В общем, куница нас обманула и ушла «верхом», то есть по верхушкам деревьев. После такой неудачи я обратно взял курс на избушку. В пути подстрелил двух белок, а больше ничего не попалось.

Возвратившись на «базу», разделся и сменил вымокшую от пота одежду. Затопил печку и, подкрепившись, снял шкурки с белок. Вечером вернулся отец, отправив мясо на машине домой, а за оказанную помощь часть мяса поселковым мужикам отдал. Я рассказал все, как было. Он в ответ усмехнулся и ответил: «Так часто бывает, ведь как повезет, такая и добыча. Так что не расстраивайся. Неудач на охоте не избежать».

И рассказал о своем случае из детства. Раньше куницу ловили на «кулемки» и плашки: капканов самодельных было мало, так как железо с то время ценилось, как соль. Раз пошли они с отцом проверять плашки. В четырех хитроумных ловушках была добыча, а пятая сработала, но случайно туда попал комок снега, из-за чего куница вырвалась и, пробежав около трёх километров, затаилась в буреломе. Дед нашел место, где спрятался зверек. Поблизости вырубил все деревца и кустарник, протоптал глубокую тропу в снегу до невысокой берёзы. Затем выкуривал зверька дымом, предварительно шестом проделав дыру. Поручил отцу стрелять, как только куница заберется на берёзку. А сам снова орудовал шестом, протыкая снежный покров. Куница выскочила и прыгнула на берёзку, повиснув на ветвях на несколько мгновений. Отец выстрелил, но не попал – волнение помешало точно прицелиться. Когда добыча ускользнула, мой дед сказал отцу: «Это ничего, главное – ты успел выстрелить, а то, что не попал, – это бывает. Вообще – урок на будущее».

После отцовских воспоминаний мы оба единодушно решили завтрашний день посвятить изготовлению и установке хотя бы нескольких «плашек» вместо капканов. Кстати, старый дедовский способ в дальнейшем полностью себя оправдал. Сколько лет с тех пор прошло, а я иной раз на охоте нет-нет да и поставлю пару таких ловушек, не забывая наставления отца.

Уже будучи взрослым человеком, я помнил уроки первой большой охоты на Мадмасае. Они помогали мне накапливать опыт и навыки в промысловом деле.

ИРВИНСКИЕ КЛАДОВЫЕ

Вода убывала каждый день. Вышли берега, очерчивая русло речки Ирва крупными изгибами. Прибрежные кусты, деревья светлой линией в человеческий рост окаймляли на стволах прежний уровень половодья. И вся эта полоса представляла собой местами свалку мусора, брёвен,

коряг, а грязь, перемешанная с прошлогодними охапками сена и прилипшая к ветвям, обезобразивала мелкоколесье. На крутых виражах бегущая вода играючи бурлит водоворотами, оставляя за собой пенные «языки». Где-то с шумом, а где-то мурлыкая, убаюкивает кудрявый ивняк, вымывает красную глину на поворотах, в курьях образуя промоины. В солнечную погоду зеркальная гладь весенней воды кажется чёрной сверху, а сбоку – будто тысячи ярких искорок мерцают на поверхности, и волны отражаются синими бликами. Пока в мутной толще воды нельзя увидеть растительность, живых обитателей, золотистый песок и гальку, валуны и карстовые отложения, но пройдет совсем немного времени, и можно будет часами любоваться разноцветными картинками речного дна и редкими моллюсками. Здесь действительно уникальная микрофлора водной среды: более двадцати видов представителей насекомых, сообщества живых микроорганизмов образуют в верхних слоях зелёный планктон, который в ночное время светится, что является большой редкостью для северной природы.

По берегам встречаются ключи, в химическом составе воды которых содержатся сульфидно-карбонатные соединения. Есть ключи и в проточных озёрах. Причем некоторые водоемы соединяются с рекой подземными руслами. До сих пор не исследованы глубоководные проточные озера – такие, как Кривушев-ты глубиной 32 метра, Съод-ты – 46 м, Тшупа-ты – 29 м, Петер-ты – 52 м глубиной.

Несомненно, разнообразие рыб связано не только с наличием больших водоемов, но и в первую очередь с особенностями микрофлоры и почвенно-гидрологическими условиями. Весьма впечатляет растительность напочвенного покрова, особенно в поймах притоков реки Ирва. К примеру, вдоль речки Большой Субач, по моим наблюдениям, произрастает более 30 видов ценнейших лекарственных растений, среди которых есть родиола розовая, или золотой корень (разновидность пиона).

В старину местные знахари по всей Ирве и Б.Субачу заготавливали разные травы и коренья. И неслучайно деревенские люди научились исцелять себя от болезней и травм. Достаточно подняться от берега на несколько сот шагов, как начинаются девственные леса. Встречаются «чистые» сосняки-беломошники, ельники, пихтовые и лиственничные леса. Давно уже две маленькие куртины кедра обнаружил я в верхней части р. Большой Субач. Обитают в тайге, кроме традиционных представителей животных, – рысь, россомаха, кидус (помесь соболя с куницей), хорёк, белка-летяга, бурундук. Кстати, в водоемах-«старичках» в низовье Б.Субача обитает семья бобра. Из числа перелетных птиц в бассейне реки Ирва гнездятся большой серый журавль и малый

серый журавль, гуси-гуменники, крохали черноголовые, ну и, конечно же, из числа болотной и водоплавающей дичи – разные утки. Довольно широко распространены совы, изредка залетает в наши края и белая полярная сова. Случается, что весной на Ирву поднимается семга. К сожалению, нельма – абсолютная редкость, хотя в прежние времена она была неременным лидером по численности среди других ценных пород (сиг, язь, хариус).

В шесть лет мне впервые довелось познакомиться с Ирвой и с тех пор каждый год я езжу туда отвести душу. Настолько сильна живительная сила природы, что, побывав там, забываешь обо всех «болячках», о суетной мирской жизни и полностью срастается с этой средой. Разве не удивительно, когда пушица болотная после захода солнца закрывает свой белый «шатер» на ночь, или купальница с восходом солнца раскрывает ярко-желтые лепестки, или лишайник Телпигера Канина (*лат.*) перед дождем сворачивается в трубку, куда мгновенно десятки насекомых забиваются, чтобы найти убежище. Попросту говоря, мы не умеем наблюдать, не видим, не ощущаем и не чувствуем окружающий нас зеленый мир. Ступая сапогом по лесным тропам, мы даже не догадываемся, что под нашим следом – около пяти тысяч живых микроорганизмов. Одним словом, мы далеки от гармонии с природой, ибо наше амбициозное, властное, потребительское отношение к ней явно противоречит биологическому принципу сосуществования.

Я не собираюсь философствовать, но убежден, что только от вдумчивой деятельности человека зависит будущее окружающего нас мира, хрупкого и ранимого, уникального и непознанного.

Я всегда старался бережно относиться к окружающему меня живому миру тайги. Проще говоря, тайга – мой второй дом, а дом нужно беречь. Только там я испытываю истинное блаженство. И сейчас, когда спускался на веслах по Ирве от Дин-ты до своей избушки, который уже раз любовался увиденным, хотя каждый кустик, каждый изгиб, каждый мысок был хорошо мне знаком.

До избушки оставалось километра четыре, и я решил заглянуть на старицу, пока еще большая вода позволяла. Дело в том, что там обитают только караси, да щука иной раз заходит. Перешеек был мелкий, и мне пришлось лодку перетаскивать руками. Когда-то, рассказывали старики, в старице водился не то «водяной», не то огромная щука. Причем я точно знал, что есть там глубокие ямы. Летом и осенью подступиться к берегам было невозможно – топь не позволяла. Даже утки не гнездились в этом мрачном месте. А вода всегда здесь черная, на дне – многометровая тина.

Гребя веслами, осторожно осматривался по сторонам. По обоим берегам стояли вековые, в седом мху, высокие ели почти в два обхвата. Для незнакомца место действительно покажется жутковатым. Жуки-плавунцы даже успевали прицепляться к веслу. Первые две сотни метров спокойно проплыл до завала. Несколько елей, видимо, поваленных ветром, закрывали проход. Через некоторое время все-таки удалось прорубить проход в одном месте, и лодке я протиснул кое-как. Дальше старица была уже и коряжистее. Из-под воды торчали концы топляков и обросшие мхом корневища. Неожиданно сверху спланировал ястреб-перепелятник и скрылся в темном лесу. У берегов раз за разом часто лопались водяные пузыри, и тут же рядом, из-под оголенных корневищ засохшей ели, журчал небольшой ключ. Затем старица резко сузилась, и я, развернув лодку, начал загребать обратно. Но, когда у поворота быстро-быстро забурилась вода, я замедлил ход и остановил лодку. Через какую-то паузу, сначала медленно, а потом резко вырвался кверху большой столб желто-бурой массы и вместе с грязевыми ошметками ухнул обратно в воду. Глухим грохотом прокатилось эхо в округе. Почему-то я схватил ружье и ждал, что произойдет дальше. Грязно-желтые круги волн быстро докатились до лодки, мягко её раскачивая. Лишь легкий зеленоватый дымок змейкой вился над водой. Размышляя над произошедшим, я все же пришел к единственной мысли – видимо, скопившийся газ метан вырвался наверх, да и запах серы подтвердил эту мою догадку.

«Никакой не «водяной», не шука, – подумал я, – а скопившиеся газы тому причина, поэтому и глубокие ямы остаются на дне старицы». Не могу утверждать, насколько правильна моя версия, но твердо можно сказать, что «водяные» существуют только в сказках.

Выбравшись на реку, тихонько доплыл до избушки через озеро Яксуман-ты. Здесь мое жилище. Последующие два дня занимался изготовлением туесов. До этого три дня вымачивались в воде под гнетом берестяные пластины. Сначала снимал с них шероховатую верхнюю пленку, затем подрезал по ширине и длине. Стыки полос, внахлест подогнанные, прошил плоской тонкой сыромятиной «елочкой». Поправил ранее изготовленные ободки из черемухи, расщепленные на две половинки (можно ивовые). Вставил между двумя ободками края пластин по окружности и снова прошил по краю узкой ленточкой, плотно – стык в стык. Таким же образом заделывается другая пластина, но с внутренней стороны в форме цилиндра прикладывается еще одна полоска бересты и также прижимается между ободками с загнутыми краями. Получается цилиндрический «барабан» с ободками по краям,

но без дна и крышки. Подбираем окоренную чурку по диаметру, просовываем внутрь «барабана» и подвешиваем в сухом проветриваемом месте, чтобы заготовка просохла. Но перед этим обязательно надо изнутри вставить выструганный осиновый подсушенный круг, что и будет дном. Через два-три дня можно примерить крышку. Получится средней величины туес на 12-16 литров. Причем все швы стараюсь просмолить сосновой живицей.

При ловле рыбы я использую всего лишь три вида снастей: сетки вставные с ячейей от 40 до 60 мм, жерлицы и «вентеля».

Насадку сеток из сетевого полотна делаю таким образом, чтобы припуск был наполовину. К примеру, из полотна 100-метровой длины готовая сетка будет 50-метровой. Если требуется глубокая (высотой от 3 до 4 м), то обязательно капроновыми нитками плету «рамку» на полотне по всей длине, то есть пропускаю через ячейки нитки вдоль и поперек. Размеры рамок – от 1,5х1,5 и более.

Жерлицами ловлю в конце мая–начале июня на Ирве, в качестве приманки – верхоплавка, изредка – минога, в это время исключительно хорошо берет язь. В первой декаде июня на озерах жерлицами вылавливаю щук. На сорогу, кстати, у нас здесь тоже отменный жор. Конечно, можно и блесной, но времени, как всегда, не хватает, поэтому жерлицами надежнее и проще. И главная моя снасть – «вентель». С виду выглядит, как «морда», но с крыльями. Думаю, что любой рыбак знает, что такое «морда».

Итак, сетевое полотно (ячейка 30х30 либо 40х40 мм) раскраиваем в высоту на два метра восемьдесят сантиметров и в длину до четырех метров. Из жесткой проволоки (сечение 4-5 мм) изготавливаем кольца. Входной диаметр первого кольца самый большой (ячейки нанизываем на проволоку). Далее через 40 см – чуть меньше по длине окружности и к концу – до 20 см в диаметре. Пяти колец вполне достаточно. Причем край полотна оставляем длиной 80 см и в виде конуса оставляем отверстие около 10-12 см. Край полотна по всей длине прошиваем узлами. К первому (входному) кольцу пришиваем двухметровые куски сетевого полотна для крыльев с насадкой со шнурами. Эффективность этого приспособления достаточно высока при любой воде, только надо уметь использовать её в проточных местах, а также в заводях, проходах зарослей, устьях водоемов. Вообще это старинный способ ловли. Я стараюсь каждую весну использовать около десятка «вентелей» и примерно столько же вставных сеток. Этого вполне достаточно, чтобы наловить до 120 кг отборной рыбы.

А еще несколько лет назад на одном болоте случайно я нашел солевую яму. Произошло это в апреле. Ночью наст хорошо держал, и я

легко добрался до края болота (от избышки будет 9 километров). Там искал глухариный ток, ибо птица часто «чертила» возле болота. Просидев ночь впустую, я понял, что токовище – на противоположной стороне, так как видел поутру нескольких молодых глухарей, перелетавших с той стороны. Кое-где оттаявшие шапки моховых островков и трясина образовали лужи и открытые «окна» в виде незамерзающих воронок. Хотя я дошел до середины болота, пришлось всё-таки обойти кругом, почти метров восемьсот. И тут через один бугристый островок я решил напрямую пройти. У самой кромки заметил незамерзшую яму, довольно глубокую. Но, что меня поразило, в ней виднелся красный песок. Подойдя ближе, я ковырнул палкой и поднес её к лицу. Макнув пальцем в несколько темно-серых, с красным налетом кристалликов, поднес его ко рту. Это была натуральная соль! Сделав заставку на сосне, отправился дальше. Прошел ещё пару километров и нашел токовище, правда, небольшое.

Пока ночь коротал, несколько глухарей прилетели. Отчетливо было слышно, как с треском в темноте они садились на ели. Однако под утро токовать не стали. Усилился восточный ветер с порывами, похолодало. Пришлось мне убраться восвояси. Единственным утешением стало то, что на обратном пути удалось подстрелить косача.

Потом два года подряд туда ходил, глухарей добывал и соли понемногу с собой приносил.

Приловчился я весной и осенью зайцев добывать простейшим способом. Допустим, в мае, как только берега выходят, зайцы обязательно бегут на первую зелень. В лодку кладешь несколько больших веток для маскировки, а сам осторожно только правишь весло, когда спускаешься вниз по течению реки. Охоту начинаешь после десяти вечера, до полуночи, и продолжаешь в период с двух до четырех утра. Главное, не допускать каких-то резких движений, стуков и шума. Отстреливаешь только самцов, они выделяются белой шубкой, и покрупнее, а самки уже в это время начинают линять и сереют. Бывали случаи, когда с одного места добывал от 4-5 штук.

Причем прямо в полевых условиях, то есть находясь на месте охоты, можно приготовить тушеное мясо. Как известно, заячье мясо постное, поэтому, если тушить его вместе с утками, которые, как правило, достаточно жирные, да к тому же, если имеются специи необходимые (перец, лавровый лист, чеснок), то блюдо получится замечательное.

Что интересно, каждую весну рядом с избышкой живет парочка рябчиков. Мы друг к другу настолько привыкаем, что они не только не боятся меня, а, наоборот, стоит только мне появиться – и они совсем

рядом садятся. Затем внимательно наблюдают, чем я буду заниматься. Если колю дрова, тут же отлетают в сторонку, не любят стука. Однако самый смелый мой пушистый друг – бурундук. Даже имя ему дал – Пушок. Тот не боится ничего. Знает место, куда объедки складываю, очень любит сухарики и перловку. Иной раз даже с руки возьмет лакомство. В углу под крышей лабаза давно «прописалась» трясогузка, которая до самой осени со своим потомством чувствует себя хозяйкой, даже синичек близко не подпускает. Изредка навевывается заяц, а из соседнего ельника – белка. Вот такие они, мои лесные соседи. Осенью часто откуда-то прилетают летучие мыши. Обычно в сумерки в тихую погоду пять-семь особей, выделявая пируэты в воздухе, издавая короткий, пронзительный писк, больше часа летают около костра, затем резко исчезают. Раньше на Ирве летучих мышей не было нигде. Кстати, на р. Большой Субач в крупных известняковых породах есть пещерные образования. Изрытые крутые берега с вымоинами в лучах солнца обретают желто-красный цвет. Но и там мне не удавалось обнаружить этих диковинных перепончатокрылых.

Ближе к верховью Б. Субача встречал и «чисто» пихтовые, до шести гектаров, лиственные, до двенадцати гектаров, леса. А в одном месте обнаружил небольшую куртину кедра. Судя по диаметру ствола самого большого дерева, возраст его – около 140 лет.

На Субаче есть горы высотой до 60 метров, которые образуют волнистые гряды вдоль речки. Омываемые водой, они с каждым годом разрушаются больше и больше. Ходит легенда о том, как в старину охотники «тропили» одного сохатого почти двадцать километров, и, когда зверю некуда было деться, так как загнали его на гору, он на глазах у преследователей бросился вниз на реку и разбился. Люди, пораженные таким самопожертвованием, с того времени это место именовали Лосиной горой.

Однажды отец показал мне в одной пещере большую кучу костей, сложенных беспорядочно в яме. Это были останки каких-то зверей. Почерневшие, потрескавшиеся и позеленевшие кости, среди них были реберные, хребтовые, шейные, голенные, явно свидетельствовали о принадлежности к крупным животным, хотя присутствовало и несколько мелких скелетов. Однако ни одного черепа я не обнаружил. Но самой главной находкой здесь стал железный наконечник стрел, хоть и изъеденный временем. Тут был какой-то специфический запах, похожий на мускатный орех. Можно предположить две версии этого: первая – древние охотники использовали пещерное помещение как склад хранения туш добытых зверей; вторая – это бывшее волчье логово,

куда звери приносили добычу. Но, как бы то ни было, тайна остается нераскрытой.

Имеются ещё некоторые интересные факты. Один из них – когда рыбаки выловили неводом на озере Съёд-ты щуку длиной до трех метров, а весом свыше 100 килограммов. Тогда по указанию главы сельского Совета, а это произошло в начале 30-х годов прошлого века, часть рыбы раздали крестьянам, а оставшуюся – скормили колхозным свиньям.

Или другой случай, происшедший на охоте у Большого Субача. Мой прадед был маленького роста, где-то 160 см. 35 лет от роду он вытащил тушу двухлетнего лося на себе до речки, пройдя три километра. Мой дед, будучи охотником-промысловиком, из гладкоствольного ружья 28 калибра одним выстрелом уложил наповал медведя весом в 380 кг, тем самым спасши от неминуемой гибели другого охотника.

Ну и совсем удивительный случай произошел в прошлом году осенью в одной старице Большого Субача. Поначалу я обнаружил, как стайка рыбок играет на воде. Но, когда они начали выпрыгивать, я удивился. Рыбки были совершенно круглой формы, хвостик кисточкой, синего цвета спинка, а брюшко желтое, размером они почти все с десятирублевую монету. Когда попытался подойти, они тут же исчезли в глубине. Я еще раз подождал, почти на том же месте рыбки снова появились. В конце концов всё-таки мне удалось палкой оглушить одну из них. Рассматривая ее на ладони, заметил, что мелкая чешуя шершавая, глазки желтоватые, очень короткие острые плавники. Я отпустил её обратно, хотя она вряд ли выживет. Таких рыбок, скорее всего, можно увидеть в аквариумах либо в теплых морях, но не на Севере. А может, крохали занесли?

Дело в том, что какие-либо научные исследования в бассейне р. Ирва не производились и в ближайшей перспективе вряд ли ожидаются, поэтому все мои описания основаны на личных наблюдениях. Сравнительно недавно на уже вышеупомянутом озере Съёд-ты в сети каждую весну попадалась рыба муксун весом в 1,5-2 кг, нетрадиционная для наших водоемов. К примеру, эта рыба повсеместно обитает на Оби. Но в дальнейшем на Ирве не удавалось выловить мне ни одного экземпляра этой рыбы. Причем до настоящего времени на этом озере имеются крупные щуки, которых я вылавливал как на жерлицы, так и сеткой. Вес каждой в среднем составлял от 8,2 до 14,3 кг. Когда-то осенью я наблюдал, как огромная щука на моих глазах проглотила за одну «атаку» три-четыре утки.

Не зря называют его Чёрным (Сьёод) озером. В любую погоду цвет воды чёрный, и он никогда не меняется.

Да и немало снастей, в том числе неводов, покоится на сорокавосемиметровой глубине. Старики раньше говорили, то ли в шутку, то ли всерьез: «Не знаешь заговора, не суйся на это озеро». Возможно, они были правы, ибо каждый водоем хранит свои тайны.

И по сей день люди ласково называют Ирву своей кормилицей и берегут ее, как могут. Неразгаданная и несравненная, она приветливо примет любого доброго человека и откроет ему свои кладовые.

РЕДКАЯ ДОБЫЧА

Осень была в разгаре. Осины в пурпурно-красных сарафанах, на берёзах – ярко-желтые платья. Лиственницы вперемежку с зелено-красной ольхой на фоне красных гроздьев рябины создают особый, величественный и неповторимый колорит прощального бала. Посвежевшие за лето ели распушились, а кроны сосен как будто набухли. И лишь тёмно-зеленые смолистые шишки на верхушках свисают гроздьями и поблескивают в лучах света. Ветерок собирает все ароматы леса и дышит тебе прямо в лицо, обдавая прохладой. Вот запоздалые большие бабочки чёрного и бело-синего цвета порхают друг за дружкой. а возле душла корявой осины снуют несколько желтобрюхих ос. Жуки-короеды облепили ствол засохшей ели, видимо, подыскивают себе зимнее убежище. Красногрудые снегيري в березняке сбились в стайку и о чем-то важно и громко щебечут. Пустельга где-то в роще, не переставая, свистит. Трусливый заяц не выходит из густых зарослей до ночи, боится за свою серую шкурку. У воды роем суетится мошкара. В такую пору надо только молча созерцать и, наслаждаясь, осмысливать себя в этом земном раю.

Я шел медленно вдоль речки Ирва с тяжелой ношей, тремя глухарями и с топором. Под ногами шуршала первая опавшая листва, а вокруг – красотища! Словами не передать. Постепенно солнце уходило на запад, и нужно было спешить. Весь мокрый от пота, я упрямо шагал, сторбившись от тяжести. Дальше тянулось на несколько сот метров мелколесье, вперемежку с березками, ну и за поворотом – моя лодка.

Дойдя до места, скинул рюкзак в лодку, умыл лицо, завел мотор и умчался к избушке.

Попив горячего чая и полакомившись рябчиком, лёг спать. Проснулся уже за полночь. Короче, все проспал. Ничего не оставалось

делать, как разжечь костер и сварить любимую кашу-сечку с мясом. Так я и сделал. Управился довольно быстро, затем выпотрошил глухарей и набил их пучками свежей осоки и можжевельника. Уложив в бачок, опустил в холодную яму.

Под утро, выйдя на улицу по нужде, услышал отчётливо рев, похожий на медвежий. Ещё раз прислушавшись, точно определил, что ревел именно медведь. «Неужели в петлю попался», – подумал я про себя.

Прикидывал по-всякому и все-таки убедился, что рёв слышался оттуда, где петля. Трос в сечении был всего шестимиллиметровым и, честно говоря, он не мог выдержать крупного зверя, такого, как медведь. «С другой стороны, – рассуждал я, – если петля затянулась на загривке, то это куда ни шло!» До рассвета приготовил патроны с пулями, стволы ружья ещё раз прочистил.

Рассвело, никаких посторонних шумов не было слышно. Только ветер гулял по верхушкам деревьев. Я еще раз прокрутил в голове, с какой стороны лучше подойти к петле, и осторожно двинулся. Идти надо было всего около километра. Не доходя метров четырехста, я присел и прислушался: всё было спокойно. Через некоторое время обогнул пригорок и с бугра, крадучись, начал спускаться. Ещё чуть-чуть пройдя, увидел сквозь ветви разодранный ствол березы, разбросанный мох и изрытую местами землю.

С взведенными курками двустволки, осторожно оглядываясь по сторонам, сделал ещё несколько шагов. Полная тишина стояла в округе. Дальше идти было небезопасно, и я тихонько направился по кругу. Вдруг сбоку выросла массивная фигура в прыжке. Не растерявшись, резко повернувшись, я успел выстрелить в верхнюю часть туши. Медведь рывкнул, покатился вниз и исчез. Сделав несколько шагов в сторону, я внимательно вглядывался, но ничего не обнаружил. Не веря своим глазам, обогнул место, но зверя не было. И только благодаря чутью я оглянулся назад: зверь с оборванной петлёй на шее, стоя на задних лапах, готовился к прыжку сзади. Второй выстрел ещё раз повалил косолапого и наверняка пригвоздил его к земле. Зверь судорожно, с оскаленной пастью, дергался и хрипел. Однако жизнь покидала его. Медведь застыл, вытянув задние лапы. Итак, на своём веку я уже четвертого хозяина тайги уложил, да ещё какого! Черная мохнатая длинношерстная шкура с белым пятном под правой лопаткой и белыми кончиками на ушах, пудов на двенадцать, редкий экземпляр. Я был очень доволен такой удачей. «Благодарен за столь бесценный подарок, – поклонился я матушке-природе, – обещаю беречь и преумножать твои богатства».

К полудню тушу освеживал и разрубил на части. Вытаскивал с большим трудом на спине до избушки. Но, воодушевленный успехом, усталости я не замечал. Шкуру не смог донести и бросил на полпути. Лишь назавтра вынес её и растянул на стене избушки, приколотив гвоздями. И она мне была дороже любой картины художника.

Теплая погода не позволяла долго хранить столько мяса, поэтому на следующий день я погрузился и уехал домой.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Из воспоминаний детства мне памятен один случай, происшедший с отцом и его напарником во время осенней охоты.

Дело было в сентябре. Мой отец, Иван Андреевич, как обычно, с начала месяца пропадал в тайге, дома почти не появлялся. Работая в лесопункте на лесозаготовке, он «заряжал» свое угодье силками на глухаря и рябчика. Причем в отличие от других любителей-охотников его «хозяйство» было самым отдаленным и находилось в глухих лесных массивах. Имея приличный опыт промысловика-охотника, Иван Андреевич исходил практически всю тайгу Удоры. Неслучайно, ведя постоянные наблюдения, выделял для себя прежде всего урочища, представляющие интерес для промысла зверей и птиц. Поэтому, помимо родового угодья на Ирве, угодье между верховьем р.Б.Лопи и р.Ус в местечке р.Кывёр-вож также представляло особенную ценность в плане промысловой охоты. Отличаясь скромностью, добротой и трудолюбием, он всегда придерживался двух принципов: «С природой обращаться только на «Вы», ты – гость, а не хозяин» и «Охота – это тяжелый труд, а не количество трофеев».

К примеру, упорно «тропил» куницу по следам, выкуривал из дупел, валежин, ловил голой рукой, выманивая наружу из убежища ва-режкой, но принципиально не промыслил капканами и плашками. Обустраивал порхалища только в тех местах, куда прилетал лишь глухарь, а не глухарка. Лосей бил только на переходах, но никогда не трогал самку или телёнка. С косилапым Мишкой поддерживал мирные отношения, ибо считал медведя самым умным зверем, хотя были исключительные случаи, когда нужно было принимать иные решения. И решение всегда было верным. Можно еще многое рассказывать о культуре охоты и иных премудростях промысловой науки, но вернусь к памятному случаю.

Итак, в нашем поселке жил некий Мохаммед. Человек пришлый, иранец по национальности. Честно говоря, никто не знал, как он попал в наши края, но это неважно. Довольно давно уже адаптировался к условиям Севера, привык к местным традициям и укладу жизни. Хотя и с трудом изъяснялся на коми языке, всё же находил у людей понимание. Он был чуть выше среднего роста, сухощавый, с тёмным цветом лица, с характерным азиатским носом и разрезом глаз, по возрасту – за пятьдесят лет. Пробовал приобщиться к охоте, но что не дано Богом человеку, то не дано. А вообще имел семью, детей, и все складывалось у него так, как и у остальных жителей.

Долгое время работал конюхом. Любил заготавливать грибы и ягоды, поэтому очень часто обращался к моему отцу за советом. Как-то Мохаммед попросил моего отца показать ему дальние брусничные места. На стареньком ЗИЛе их подвезли до зимника, а дальше нужно было пешком пройти еще немало верст до заветных ягодных боров. Но сначала Мохаммед предложил налегке дойти до петли, которую установил его сосед Михаил неделю назад недалеко от места их пребывания. Отец не возражал, и они оба, оставив рюкзаки, спешно углубились в лесной массив. Густой ельник буграми выходил к ручью и обрывался крутым склоном близ осинника. Осмотревшись с высоты, Мохаммед прямо указал на низину с болотцем, где, по его словам, и была оборудована ловушка. Прежде чем спуститься вниз, Иван Андреевич прислушался, но все было тихо, лишь шорох опадающей листвы и звонкое ликование дроздов-рябинников, сбившихся в стаю, нарушали лесной покой. Впереди своим привычным мягким шагом шел отец со своей мелкокалиберной винтовкой (модель ТОЗ-16). Сзади, в нескольких шагах – его напарник, сутулый, одетый в телогрейку и шапку-ушанку, со старенькой курковой одностволкой 16 калибра, заряженной пулей-«кругляшкой».

Пройдя чуть больше сотни метров, Мохаммед окликнул: «Иван, петля где-то здесь, но что-то не видать». Отец остановился и показал жестом товарищу держать ружье наизготовку, а сам оглянулся и сделал пару шагов в сторону, как бы разглядывая просветы между деревьями. И вдруг он заметил шагах в пяти от себя изрытые ямки, разбросанные кучки моха, обломанные ветви. Бывалый охотник не на шутку встревожился. Однако в то же мгновенье, как из-под земли, выросла фигура медведя, который, рывкнув, ринулся вперед. Стальной трос натянулся, как струна, и лопнул. В следующую секунду ловкий зверь в два прыжка, промелькнув мимо отца на расстоянии вытянутой руки, хлестким ударом лапы выбил направленное на него ружье и повалил

Мохаммеда. Иван Андреевич не растерялся. Понимая, что винтовкой ничего не сделать, быстро сориентировался и, сделав несколько шагов, подобрал одностволку. Матерый зверь, подмяв под себя человека, рычал и лапой рвал ватную телогрейку на спине жертвы. К удивлению, пострадавший еще и кричал: «Иван, стреляй, стреляй!» Подбежав сбоку, Иван Андреевич в упор выстрелил медведю прямо в ухо. Этот спасительный выстрел мог произойти и раньше, если бы не осечки, а мог и вообще не прогреметь. Тогда бы трагедии было не миновать. Подобные происшествия редко заканчиваются счастливо. А в этом случае смертельно раненый зверь с диким ревом повалился на бок и отпустил свою жертву. Потом отполз в сторону и притаился за деревьями. Однако изредка доносились оттуда глухие хрипы и фырканье. Иван Андреевич разорвал рубашку на лоскуты и перевязал пострадавшему товарищу кровоточащие раны в области шеи и плеча. Небольшие повреждения имелись и на коже головы. Конечно, если бы не зимняя шапка-ушанка и ватная телогрейка, то раны были более глубокими. Отец, зная повадки хитрого озлобленного зверя, ожидал повторного нападения. Проверив карманы телогрейки Мохаммеда, патронов с пулями не обнаружил, кроме как с дробью. Прошло некоторое время, и бывалый охотник снова заметил черную спину медведя шагах в тридцати. Из винтовки произвел два выстрела. Обе пули попали в цель, хотя особого вреда зверю они не причинили. Медведь несколько раз кувыркнулся и с отрывистым рычанием начал постепенно отползать в глубь леса. Потом издали долго ещё слышался страшный рёв обреченного «хозяина» тайги.

Испуганный до смерти, с дрожащими руками, Мохаммед сидел на земле и проклинал медведя, а равно и себя за то, что пошел проверить петлю.

«Ваня, я тебе честно скажу, все время хотел посмотреть на мертвого медведя, — уже оправившись немного от шока, бормотал он своему спасителю, — всё, больше в лес не пойду!»

Где-то через час, придерживая раненого напарника, Иван Андреевич напрямик вывел его на дорогу. Отец разжег костер, вскипятил котелок и напоил горячим чаем своего напарника. А тот временами охал и стонал от боли. И ещё спросил у отца: «Иван, а почему медведь тебя не тронул, ведь ты ближе находился?» На что тот ответил с улыбкой: «А я знаю заговор, поэтому он меня боится».

Так они сидели у костра, пока не стемнело. До поселка было двадцать четыре километра, а ослабевший Мохаммед идти отказался наотрез. К счастью, подвернулась случайная автомашина с рабочими, которая и довезла их до дому.

Через месяц «горе-охотник» окончательно выздоровел и часто приходил к нам в гости, чтобы ещё и ещё раз выразить свою благодарность спасителю.

О ЛИСЕ

Когда речь заходила об охотничьих байках, мой отец любил рассказывать одну смешную историю, которая действительно произошла с ним в далёкой молодости.

В 1947 году отец работал конюхом в колхозе. Послевоенное время было голодное, но тяжелее всего было прокормить колхозный скот. Каждый грамм овса, каждый пучок сена были на учёте. Весной отца должны были призвать в ряды Советской Армии, а зимой он занимался вывозкой сена с дальних участков Ирвы. Отец был в то время молодым, шустрым, успевал работу совмещать с охотой и рыбалкой и старался везде с собой носить ружьё. Была такая знаменитая одностволка 28 калибра с удлинённым стволом. Как-то в очередной раз он выехал в рейс за сеном на двух лошадях с двумя санями, чтобы побольше вывезти, но второпях ружьё забыл в конюшне. Хорошо, что лыжи прихватил с собой, ну и топор, само собой разумеется. Ехать нужно было около тридцати вёрст. Погода стояла морозная, и, укутанный в шубу и мохнатую шапку, сшитую из шкуры выдры, он выглядел как мужичок-с-ноготок. Когда уже подъехал к стогам, вдруг заметил лису шагах в двадцати от себя. Не растерявшись, он взял вилы в руки и подкрался с другой стороны стога. А лиса смотрит на него уже сзади. Развернувшись, Иван вновь попытался догнать её. И вот так по кругу вокруг стога человек и лиса догоняли друг друга более получаса. Затем юноша, вспотевший от такой «игры», снял шубу и бросил её на стог. С вилами наготове медленно сделал круг, но лиса куда-то исчезла. Он ещё раз внимательно огляделся, зверя не было нигде. Плонув на хитрюгу, поставил сани к стогу и начал разбирать его сверху. Уложив половину вяза, сел отдохнуть и, чтобы не простудиться, решил накинуть на себя шубу. Только стал её приподнимать, как из неё выскочила лиса и, пробежав немного, оглянулась на человека, махнула хвостом и убежала в лес. Отец сел от неожиданности, затем рассердился на самого себя так, что зубами откусил клочок воротника шубы. Только к ночи возвратился он в деревню. Уставший и замерзший, он рассказал о случившемся своему отцу, который собирался на охоту на Большой Субач. Дед мой выслушал сына и

сказал: «Ваня, когда поедешь туда ещё раз, подъезжая к месту, отпусти лошадей одних, а сам на лыжах обогни лесом и подойди с тыльной стороны. Лиса точно тебя подпустит, она ещё долго там будет обитать».

Прошло несколько дней, и Ваня снова поехал за сеном. Сделал всё так, как велел ему отец. Подойдя со стороны леса к стогам, он заметил голову лисы, торчащую из одного стога. Выстрел был точным.

В продолжение этой темы хочу рассказать о случае со мной. Дело было в декабре. Возвращался я в избушку после проверки капканов. Вдруг из-под лыж из лунки выпорхнул рябчик и уселся недалеко на ёлку. Я медленно снял с плеча одностволку, прицелился и выстрелил. Птица упала, трепыхаясь. А я возился с ружьём, так как гильза застряла в патроннике, и я никак не мог её вытащить. И в это время из-под ближайшей валежины выскочила лиса, подбежала к рябчику, схватила добычу, оглянулась на меня и скрылась за деревьями. Я сначала, оторопев, крикнул: «Эй! Эй! А ну стой, плутовка, паразитка!» Затем бросился её догонять. Пробежав на лыжах несколько десятков метров, я понял, что бесполезно. Спокойно выковырял гильзу ножом, забросил ружьё на спину и пошёл дальше. А, оглянувшись, плюнул с досады в сторону, куда убежала лиса-воровка.

Не могу не вспомнить ещё один курьёзный случай, происшедший осенью прошлого года. Причалил я как-то к берегу лодку, поставил боком, чтобы удобнее было выгрузить мокрые сетки. Несколько снастей взвалил себе на плечо, поднял на берег и развесил на перекладине. На носу лодки кучей сложил всю добытую рыбу, а сам ушёл в избушку за корзиной. Пока снял мокрую одежду, пока глотнул полкружки холодного чая и покурил в тепле, времени ушло около двадцати минут. Умеренным шагом спустился к лодке, а навстречу выпрыгнула рыжая лиса с рыбиной в пасти. Даже не испугалась, а спокойно пробежала по берегу и скрылась в зарослях. Понятно, что куча поредела. Я бросил корзину и бегом помчался за ружьём. Потом целых полтора часа сидел в засаде, надеясь, что она снова появится. Однако этого не случилось. Больше я не видел лису. И всё-таки удивительный зверь, недаром в народе называют лису хитрой.

НАЧАЛО

Следы привели к бурелому. Снежный покров лишь припорошил торчащие верхушки нагромождённых друг на друга изломанных деревьев. Корневища выкорчёванных ветром елей и сосен образовали

прямки, а комья земли свисали, как лохмотья. Собака петляла, то появляясь близко, то пропадая среди поваленных деревьев. Наконец несколько раз подала голос и заскулила. Сделав круг вокруг места, я подошёл ближе. Буско неистово рвал зубами торчащие корешки и обеими лапами выгребал землю, откапывая нору между корнями. Ясно было, что зверёк где-то здесь, под поваленным деревом, либо под корнями. Я вырубил шест, заострил один конец и вокруг корневища начал протыкать углубления. В одном месте попал в подземную нишу. Затем достал капкан из рюкзака и установил на выходе. Рядом ещё пробил одно отверстие. Заложил внутрь бересты и поджёг. Как только береста разгорелась, мхом закрыл это отверстие. Медленно из невидимых дырочек потянулись струйки дыма. Держа ружьё наизготовку, внимательно осматривал ближайшую округу, боялся, как бы из другого места куница не выскочила. Прошло минут пять, и вдруг собака взвыла. Куница вцепилась в морду собаке и не отпускала, а та, бедная, каталась по снегу. Я громко крикнул, и зверёк, оставив жертву, прыгнул на ближайшую берёзу. Я успел выстрелить. Зверёк кубарем скатился сверху. Подбежал и только после этого заметил, что рядом нет собаки. Оглянулся, а она, бедная, уткнув морду в снег, тихо скулила. Из носа текла кровь, и влажные глаза моего верного друга жалобно смотрели на меня. Я, присев на корточки, гладил её, приговаривая: «Обидели тебя, бедного, ну успокойся, я тебе конфетку дам, скоро пройдёт. Знаю, больно, больно...» Нашёл завалившуюся карамельку в кармане и протянул ей. Собака скулила ещё минут десять, затем чуть успокоилась. Я разжёл костёр, поставил котелок. Буско достойно принял первое охотничье «крещение» с самым ловким лесным зверьком — куницей. Что ж, на ошибках учатся. Съев бутерброд с салом, собака улегласьлизывать раны. Так начинался первый день зимней охоты. Белки было мало сейгод, и вся надежда оставалась на куницу. После короткого отдыха я двинулся в сторону верховья речки Большой Субач. Собака бежала впереди меня и привычно петляла. Однако часто останавливалась и облизывала раны. Седой еловый лес волнистыми холмами тянулся вперемежку с берёзой и осинкой. У ручья заметил лосиные следы, один большой и два — поменьше. Обломав рябинник, лоси, видимо, поднимались вверх по ручью. Тревожить их я не стал, так как нужно было дойти до избушки, да и цель у меня другая была. Со склона, без всяких неожиданностей, поднял несколько рябчиков. Заметил, как птица на ели перебежала с ветки на ветку. Выстрел. Первый — есть. Второго снял с берёзы. Третьего — с пенька. Остальные бесшумно скрылись в глубине леса. Собака быстро определила, кто

где, и поднесла двух, третьего рябчика я подобрал сам. В общем, на «царский» ужин мяса я добыл.

Прошли ельник и попали в сосняк сфагнумовый. Сапоги утопали во мху, да ещё давил едкий запах багульника. Пройдя с полкилометра по компасу, всё же решил свернуть в сторону речки. Но тут справа залаяла собака. По однообразному, прерывистому лаю нетрудно было угадать, что она видит белку. Действительно, та сидела на самой макушке ёлки. Выстрел. Белка уже у моих ног. Погладил Буска за верную службу и угостил кусочком хлеба. Через несколько минут вышел к заметной куртине из нескольких 30-метровых елей и одной огромной сосны, будто сросшихся друг с другом. Я подошёл ближе и заметил очень давнюю зарубку на ели, хотя она вся была залита толстыми комками смолы. Заглянув под увесистые размашистые ветви, попал будто в шатёр. Видно было, что когда-то здесь человек ночевал, и не раз. Нижние сучья величиной с кулак были заподлицо срублены, на земле валялись две сгнившие перекладыны, а на одном суку висело нечто похожее на полевую сумку. Снял склеившиеся смолой ремни, истлевшие и объеденные полоски кожи еле держались благодаря медному ободку по краям. Внутри нашёл деревянный циркуль, карандаш, наполовину сгнивший, обрывки записной книжки. Записи были сделаны, по всей вероятности, карандашом, и они стёрлись, единственное, что различил на обложке:

«...олот...снх...1933 год

Кв. 123_{Е-53}

С-21

О-11

Б-33».

Скорей всего, человек, который производил перечёт деревьев, определял тип леса, полноту, бонитет, то есть таксационную характеристику. Может, был лесоустроителем либо геологом, но точно можно сказать, что не местный, а пришлый, казенный работник. Подо мхом, немного покопавшись, ещё нашёл латунную гильзу 32 калибра от берданки. «Счастливыми были те далёкие люди, – подумал я, – первыми устраивали леса на Севере по новой единой системе».

Циркуль я взял себе на память и, кстати, до сих пор храню дома.

Тогда, в 30-е годы, кварталы нарезали размерами 8-16 км, затем 4-8 км. Воздвигались вышки геодезические высотой до 30 м, с обрезом по периметру на одинаковом расстоянии видимости от вышки до вышки. Конечно же, старые вышки давно рухнули.

Я торопился, но бугры не кончались, и, уставший, с трудом осилил низину с кочками. Затем нашёл бугорок и распластался на сухом мху

под ёлкой. И, как назло, собака опять залаяла где-то в стороне, но не близко. Через пару минут я поднялся и поплёлся на лай. Подкрался поближе, но ничего не увидел. Подойдя ещё ближе, заметил ушастую мордочку, высунувшуюся из соснового дупла. Тут же прицелился и выстрелил. Пятнышко исчезло. Собака продолжала усердно лаять, заливаясь всё сильнее. Обойдя дерево, я понял, что зверёк внутри. Постучал обухом топора несколько раз – тишина. Снял рюкзак, куртку, шапку и начал рубить толстый ствол. Прошло минут двадцать, а силы уже на исходе. Хорошо, внутри труха была, ещё поднажал, ещё из последних сил, и дерево поддалось. Как только раскачал, сосна с грохотом рухнула на землю. Собака когтями разрывала дупло и выла. Снова пришлось разрубить расщелину, и только после этого еле-еле достал рукой добычу, которая оказалась кидусом (помесь соболя с куницей). Я настолько обрадовался, что начал обнимать и целовать Буска. Она всё пыталась схватить зубами зверька и, наверно, разорвать на части. Такое было ощущение, что самым лютым врагом для Буска стала куница. Зверёк с чёрной спинкой, лоснящейся шерсткой, со светлой каймой на мордочке, тёмными кошачьими лапами и пушистым чёрно-бурым хвостиком был прекрасным экземпляром. Честно говоря, редкая добыча. Первый раз кидуса я добыл на капкан лет семь назад.

Постепенно в лесу становилось сумрачно. Промокшая от пота рубашка прилипла к спине, и просто сидеть становилось зябко. Завязал рюкзак, надел на плечи и, взяв ружье в руки, умеренным шагом начал спускаться по склону вниз. Когда вышел к речке, стемнело совсем. Попытался перебраться через неё по мелким перекатам, однако пришлось обратно подняться на холм и устраивать ночлег. По моим прикидкам, до избушки оставалось максимум полтора километра.

Ночь выдалась ветреной и холодной. К утру у меня, видимо, поднялась температура, бил озноб, состояние было неважное. Хоть лекарства и помогли, а общая слабость оставалась. С рассветом упорно держал курс на восток. Пот градом стекал по лицу и шее. Через час вышел к избушке. Видно было, что обитателей здесь не было, может быть, даже около года. Нарубил дров, убрал мусор с пола, поставил на железную печку два котелка с водой. Как только печка протопилась, разделся догола и начал растирать водкой всё тело. Затем принял внутрь горячую водку с жжёным сахаром, граммов сто пятьдесят, и прилёг на лежак.

В голове помутнело, а тело горело. Слышал, как где-то рядом лаяла собака. Больше ничего не помню. Очнулся от холода, голова гудела, но в то же время в теле было ощущение лёгкости. Печка была ещё

тёплой, и я подкинул дров. Одежда почти высохла, и, одевшись, я вышел из избушки. Буско, лежавший калачиком у дверей, лишь поднял голову и посмотрел на меня. Я стоял над речкой и смотрел в синюю даль бесконечной тайги. Ветер обдувал лицо холодком, но я его не чувствовал, ибо мысли мои витали где-то далеко-далеко. С гордостью я считал себя частичкой этой удивительной красоты, окружающей меня. Такие счастливые минуты можно испытать только на охоте.

ВЕСЕННИЕ КУРЬЁЗЫ

Весна выдалась бурной, и, на удивление, резко потеплело. Талые воды стекали отовсюду, образуя широкие ручьи, и заливали низины. С трудом добрался до места, где-то перетаскивая лодку по льду, где-то таранил по разломам. Ирва всегда такая – с норовом, бурлящая и непредсказуемая. В лесу кругом ещё снег, а река вскрылась.

Протопил печку, открыв двери, чтобы удалить затхлый, застойный запах после зимы, а затем взялся за дрова. Свалил два сухостоя, раскряжевал, подтащил к избушке и напил чурки. Быстро справился, потому что работал с бензопилой. Раньше всегда двуручной пилой заготавливал дрова, что гораздо сложнее. Поковырялся ещё в моторе, заменив верхнюю катушку зажигания, и лишь после этого занялся приготовлением пищи на костре. А приготовить своё любимое блюдо было из чего. В пути подстрелил двух уток – гоголя и крякву. Весенние утки всегда упитанные. Для начала оципал гоголя, крякву оставил на завтра. Выпотрошил, а внутренний жир растопил в кружке. Потом нарезал на куски, да так, чтобы кусочки кожи с подкожной жировой прослойкой присутствовали в каждом кусочке мяса. Вымачивал в холодной воде около 20 минут. Затем посыпал солью и нанизал на шампур. Медленно переворачивая шампур над горящими углями, выждал, пока края кусочков не почернеют. После этого положил их в котелок, туда же бросил нарезанную картошку. Слегка подсолил, подсыпал несколько граммов аджики и залил растопленным жиром. Накрыв крышкой, поставил котелок в топку печки, откуда предварительно вынул угли, что покрупнее. Через 10-15 минут блюдо было готово. Кстати, перед едой варево можно посыпать свежей зеленью, если она есть, в крайнем случае сухой. Ведь действительно весной вряд ли на севере можно зелень достать, а сухая зелень хранится всю зиму. Но это уже не столь важно. По этому же рецепту можно готовить и мясо ондатры, только добавить чуть больше аджики. Попробуйте, это объеденье.

Быстро поев и приняв «на грудь» полстакана водки, усердно принялся перебирать ветки. Как только закончил, раскинул вентеля для осмотра. Несколько дыр пришлось связать да два обруча заменить. Хоть озеро и проточное, а толстый лёд, потрескавшийся вдоль и поперёк, ещё крепко держался. Открытая вдоль берегов и островков вода пузырилась, ярко светясь на солнце.

Я выбрал несколько мест, куда поставил сетки. Труднее всего было установить вентеля. Приходилось сначала пешней долбить лёд, высвобождая нужный участок, и лишь потом втыкать пятиметровые шесты. В одном таком месте со дна всплыл с шумом огромный кусок льда и ударился прямо о борт лодки. Два набоя сразу же треснули, и через зубчатые выпуклые трещины хлынула вода. Пришлось быстро возвращаться к стоянке, на ходу вычерпывая прибывающую воду.

Вытащил лодку полностью на сушу и перевернул на один бок. Часа полтора потребовалось на ремонт поврежденной части. Хорошо, что подходящий кусок жести в лабазе нашёл. Солнце уже скрылось за деревьям, и последние лучи жёлто-багровым светом освещали горизонт, унося с собой тепло.

К ночи похолодало. Изредка тишину нарушал шум крыльев пролетающих связей, крикв, крохалей. Однако вода неумолимо прибывала, подтапливая прибрежный лес.

Под утро избушка осталась на маленьком островке суши. Нужно было принимать решение: или остаться на несколько дней, или переехать на другое место вверх по течению реки. К полудню островок исчез, но я решил остаться. Хотя на полу уже хлюпала вода, печку топить ещё можно было, так как до поддувала оставалось сантиметров десять. Наварил два котелка каши с мясом, чтобы на пару дней хватило, и выехал на Чёрное озеро, что в пяти километрах отсюда. Дело в том, что в наших краях это единственное, пожалуй, место, где растёт высокий камыш. А весной островки камыша неизменно привлекают перелётных уток. Поэтому каждую весну я там охочусь в своё удовольствие. И на этот раз оборудовал шалаш на старом месте, маскируясь в зарослях. Самодельные чучела уток, вырезанные мной из кусков пенопласта и раскрашенные в разные цвета, плавали, почти как живые. Я сидел в лодке и терпеливо ждал. Наконец несколько связей спустились с высоты, но сели в сторонке. Первым трофеем стали два гоголя, затем хохлатая чернеть, чирки-свистунки.

Когда совсем стемнело, выехал из шалаша и причалил к берегу. Кругом стояли у самой воды могучие ели, берёзы, а на склоне – одиночные вековые сосны. На озере большая льдина примыкала к кустам

между камышовыми островами. Пока попил горячего чая у костра, туман застелил противоположный берег. Где-то в залитом водой лесу постоянно крикала одинокая кряква. Пора белых ночей пока не наступила. Через час я выехал на место. Загребая тихонько веслом, вовремя успел затаиться. Сбоку, совсем рядом, над водой пронеслись большие белые птицы.

«Клу-у-у-к! Ллл-у-у-к! Лл-у-ук!» – мелодичный перезвон нарушал тишину. Величественные лебеди-кликуны всему окружающему миру несли радостную весть. Теплая и ласковая, ветреная и звонкая, долгожданная весна разбудила всё живое, посылая своих пернатых «гонцов» всё дальше на Север.

Появление лебедей на этом озере – знаковое событие. Отец рассказывал, что раньше лебеди стаями садились сюда на два-три дня.

Стайка чирков прилетела со стороны леса и под села к связям. Светало, а я сидел и наблюдал за лебедями. Длинные шеи то уходили под воду, то снова вытягивались. Самец бережно пощипывал спинку и шею подруги, прикасаясь грудью. Казалось, что птицы о чём-то перешептывались, любезничая друг перед другом, и плавно отдалялись от берега.

От утренней прохлады я совсем озяб и уже хотел встать поразмяться, как услышал громкий всплеск со стороны берега. Волновые круги докатились и до меня. Сначала подумал, что упало дерево, но тут же заметил огромную голову, плывущую прямо на мой островок. «Лось!» – мелькнула в голове мысль. Сомнений не было – это был лось! Не шелохнувшись, я спокойно дождался, пока зверь вскарабкается на остров. Сохатый был мощным, пудов на шестнадцать, всего в семи шагах от меня. Отряхнувшись, зверь устоял в мою сторону и несколько раз фыркнул. Съежившись, я сидел в шалаше неподвижно, не дыша, и продолжал наблюдать. Сохатый сделал несколько шагов и развернулся задом ко мне. Я терпеливо ждал. И надо же было такому случиться: ствол ружья с колена выронил на край борта лодки. От этого шума зверь вздрогнул и рванул вперёд, где через небольшой перешеек начинался сухой берег. Из-под задних копыт мне в лицо полетели камышовые ветки и грязь с кусочками льда. Брызги, треск – все случилось в одно мгновение. Пока я очухался, лося и след простыл.

В общем, получил, что хотел. На щеке у меня была ссадина, чёрная грязь стекала со лба и груди. Долюбовался! Смех и грех! Чего только не бывает. А с другой стороны, разве это не удовольствие? Да ещё какое! Кому ещё так повезёт?

МОЙ БОЛЬШОЙ СУБАЧ

Истекал пятый день, как я с большим трудом поднимался на деревянной лодке по древнему Большому Субачу. Знаменитая порожистая речка со своим норомом, валунными нагромождениями, изрезанными крутыми берегами, тридцатиметровыми известняковыми стенами, с голубовато-прозрачной холодной водой, пенистыми каменистыми грядами и двухметровыми зонтичными лопухами... Иногда удаётся понаблюдать и за удивительным поведением некоторых лесных обитателей. К примеру, мне посчастливилось увидеть, как в небольшом омуте речки лосиха рожала детёныша прямо в воде, таким образом спасаясь от назойливых кровососущих насекомых. Всё это происходило рано утром, перед восходом жаркого летнего солнца, когда я среди птичьего гомона слышал жалобные прерывистые звуки, фырганье и мычание. От увиденного у меня аж спёрло дыхание, и я, сидя на корточках за поваленным деревом, боялся даже шелохнуться. Мягко пододвинув мордой новорожденного к мелководью, неожиданно лосиха, потеряв всякую осторожность, начала поворачиваться с боку на бок, погружая тело и голову под воду. Купание продолжалось минуты две, после чего она резко поднялась на ноги и, отряхнувшись, замерла, как изваяние. Лишь большие уши, похожие на «локаторы», настороженно поворачивались вполборота в разные стороны. Массивная голова смотрела в направлении меня. Прошло несколько томительных минут, прежде чем лесная красавица вновь занялась материнскими обязанностями. Облизывая длинным шершавым языком мокрое тельце детёныша, видимо, от удовольствия лосиха нежно стонала, издавая короткие звуки. Удивительное, неповторимое зрелище таинства рождения привело меня в восторг. Но всему есть предел. Чтобы не беспокоить животных, я осторожно покинул место.

Или случай с лесной царицей – выдрой. В августе прошлого года, когда этот смелый зверёк держал видимую дистанцию впереди меня и, поймав очередного крупного хариуса, на плёсе внаглую устроил пиршество. Но стоило мне немного приблизиться, как тут же он исчез в воде. И так повторялось несколько раз, пока я поднимался вверх по речке, где-то с помощью шеста, а где-то волоком тащил свою лодку через перекаты и мелководье. Несколько раз пытался ботанить заманчивые омута и заводи, но улов исчислялся всего несколькими хариусами. Хитрая и ловкая «разбойница» разгоняла всю живность. Когда моё терпение лопнуло, я пытался даже, срезая речные изгибы, забегать вперёд, к перемычкам между плёсами, где пловец-подводник не мог

проскочить незамеченным. Однако остановить и отогнать его назад не удавалось. В одном месте я сел отдохнуть, весь мокрый от пота и уставший, как вдруг услышал совсем рядом характерный всплеск, и тут на поверхности воды, в трёх метрах от меня, показалась усатая голова выдры с крупной добычей в пасти. Зверёк смотрел на меня, очумевший от неожиданности, круглыми влажными глазами и бесшумно удалялся вниз по течению к повороту, а затем вовсе исчез из виду. Я тяжело выдохнул и, улыбаясь, спокойно поплёлся к своей лодке. Спасибо выдре, которая пожалела меня, как соперника, ибо в очередной яме удалось выловить почти целое ведро рыбы.

Случались и странные, необъяснимые явления в этих местах. Около местечка Койта-ёль, откуда начинаются высокие бугры, на восточном склоне лет пять назад образовался некий круг из поваленных деревьев вершинками строго к центру, без видимых сломов и повреждений. В диаметре он составил до 45 шагов и имел форму «колеса со спицами». Сейчас участок быстро зарастает лиственным молодняком. Возможно, образовавшийся вихревой столб воздушных потоков типа торнадо оставил свои отметины, а может, и нет. Но факт остаётся фактом.

Невольно я оказался очевидцем другого аномального явления семилетней давности. В начале октября ночевал я в верховье Б.Субача в старенькой охотничьей избушке. Лёжа у окошечка, уже засыпая, вдруг заметил свет. Ничего не понимая, я выскочил на улицу и ахнул. Половина ночного неба освещалась каким-то заревом яркого цвета. Чтобы лучше рассмотреть, спустился к берегу. Освещённый горизонт и вся округа светилась миллионами мельчайших искорок, которые тихо гасли на лету. Зрелище настолько меня поразило, что я не заметил, сколько времени длилась эта световая феерия. Всё происходило в ночной тишине, а когда таинственный свет погас, я увидел, как россыпи светящихся точек плывут в реке по течению.

Вскоре и они исчезли, вновь наступил обычный ночной мрак. Чудеса да и только!

Но на сей раз было не до загадок природы. Потемнело быстро, а до ближайшей избушки оставалось ещё около двух километров. Из последних сил, промокший и изнемождённый, наконец, добрался до спасительного места. Затопив дымящую печку и поужинав всухомятку, я плюхнулся спать, так и не успев переодеться. Проснулся под утро от озноба. Всё-таки, видно, простудился, всё тело горело и болело. Приняв аспирину, снова растопил печку и отварил рыбу. Весь день практически не выходил из избушки, а спал и валялся на полатах. Не жалел

«НЗ», из фляжки израсходовал почти всё содержимое на растирание тела. Пил настой из плодов шиповника, листьев брусники, смородины и дикой мяты. Причём чередовал приём настоя с отваром из трав и корневищ сабельника болотного. Благо, все эти растения произрастают рядом с избушкой, в лесном прибрежном массиве. Ещё через день простудная ломота прошла, и я почувствовал значительное улучшение. К вечеру выехал на лодке к ближайшей яме, пожалуй, одной из самых глубоких в бассейне речки, и поставил сетку с крупной ячеей – 60 x 60 мм. Потом пробовал на белую блесну, но хариус упорно не хотел брать. По всей вероятности, ожидалась перемена погоды, это предвещало изменение ветра и то, что стайки мальков отошли из мелководья на глубину. Честно говоря, я не собирался здесь долго быть, осталось только обойти уголье, до которого было рукой подать. Поэтому с рассветом, проверив сетку, отправился по знакомому маршруту на север. «Заряжать» силки я не планировал и довольно быстро добрёл до «красного» болота. Почему «красное»? Да потому, что в любое время года красные споры болотных семечек покрывают большую часть открытой территории. Кроме того, сильнокислая среда содержит в избытке железо, вследствие чего увлажнённые приямки покрываются ржавой плёнкой. Кстати, красотища бесподобная. Отсюда начинается и череда бугров «беломошников», куда часто заглядывают зимой небольшие олени стада. Полюбовавшись раскинувшейся панорамой, двинулся дальше. Еле приметная тропинка уводила меня по склонам, низинкам через ручьи в глубь вековой тайги. Красота деревьев в ярком осеннем наряде вдохновляла меня, и я даже не чувствовал усталости. Чем ближе я подходил к реке, тем яснее ощущалось присутствие медведя. Свежие следы-углубления во мху, изрытые муравейники не раз встречались в пути. Видимо, чуткий косопалый уловил запах человека, но сытый он вряд ли выйдет на «чужака». Собственно, обошлось без всяких приключений. Подстрелив одного глухаря, к вечеру благополучно добрался до избушки. Вполне удовлетворённый обходом своего «хозяйства», расслабившись после душистого фиточая, уснул как младенец. Утром, выбирая сетку, чуть не уронил долгожданную сёмгу, правда, небольшую, килограмма на три. Во время подъёма вверх по течению уже около пятнадцати килограммов хариуса удалось выловить, но красная рыба не попадалась. К сожалению, за последние десять лет численность нерестовой сёмги на Б.Субаче сократилась в несколько раз, и в большой степени не по экологическим причинам, а из-за препон, создаваемых человеком на пути следования рыбы к нересту. Примерно через час я отправился в обратный

путь, резко отталкиваясь шестом. Местами на быстринах с трудом удерживал лодку от лобового столкновения с валунами. Буквально за несколько дней опавшая жёлто-красная листва разукрасила берега, забивая мелкие заводи толстым ковровым слоем. Поднявшийся северо-восточный ветер дул в спину, увеличивая скорость движения. За день преодолел больше половины пути, но ночевать пришлось у костра под елью. Ночь выдалась холодной, и потому спать не пришлось. Дождавшись рассвета, продолжил нелегкий спуск.

Через некоторое время неожиданно произошла забавная встреча. На порожистой перемычке, перетаскивая лодку, услышал странные звуки и чьё-то харканье. Осторожно пробравшись через ивняк, за поворотом увидел медведицу с медвежонком, Мамаша стояла в воде, а малыш топтался на валуне и жалобно стонал. Медведица лишь фыркала, а когда ей надоело, лапой свалила детёныша в воду. Беспомощно барахтаясь, медвежонок всё-таки добрался до берега, а взрослый зверь, почесав бок, уверенно поплыл в сторону. Сделав круг почёта, она выбралась на берег. Через несколько минут животные скрылись за деревьями. Вот так ещё одной чудесной встречей пополнилась моя коллекция воспоминаний о Большом Субаче.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Яркое весеннее солнце слепило глаза и ласково согревало лицо. Я стоял, зажмурившись, минут пять. Пока шёл ельником, наст держал, но только вышел на берег, сразу утонул в рыхлом снегу. На подтаявшем снегу лыжи, хоть и широкие, с камусом, не держали меня. С трудом перешёл открытую низину и углубился в берёзовую рощу. Белоствольные, с чёрной крапинкой, берёзы звонко шуршали голыми ветками. На гладком белом снегу лежали синие причудливые тени. Ветерок волнами нагонял прохладу со стороны леса. Меня уже совсем разморило, и какая-то общая вялость охватила всё тело. Вскоре нашёл поваленное дерево, скинул рюкзак, снял ружьё, куртку, вязаную шапочку и закурил. Пот струйкой стекал по лицу и шее. Отдохнув и остыв, двинулся дальше, обходя опушки и голые бугры. Вдруг из зарослей выскочил заяц и побежал прямо передо мной, как будто совсем не замечая меня. Я остановился, снял с плеча ружьё и прицелился, но в этот момент услышал сзади тихий свист. Оглянувшись, увидел лису. Высунув язык из пасти и учащенно дыша, она смотрела на меня, опус-

тив пушистый хвост. Вот так ситуация! С одной стороны – лиса, с другой – заяц. Можно было подумать, что преследователь и преследуемый ждали моего решения. «А, – думаю, – всё равно шкуры негодные у обоих зверей». И так гаркнул, что заяц прыгнул почти на пять метров в сторону, а лиса от испуга развернулась и сиганула в обратном направлении по моей лыжне. Улыбнувшись, я поплёлся вперёд. До деревни оставалось около километра, и я упорно, проваливаясь по колёно в снегу, пробивался к дороге.

Итак, первый пробный выход на ток оказался пустым. Тетерева прилетали, но токовали на деревьях. Так я и не смог подстрелить ни одного косача.

Через пару дней, вечером, я опять решил испытать удачу. По старой лыжне добрался быстро. Часам к одиннадцати вечера уже сидел под елью около костра и кипятил воду в котелке. Время прошло быстро, но опять задул северный ветер. Подойдя ближе к токовищу, не заметил ни одной птицы.

Светало, я сидел в шалаше и курил. Тетерева не появлялись. Съевшись от холода, не заметил, как уснул. Глаза раскрыл, когда свалился боком на стенку шалаша. Громкое «Чуф-ы-р-р! Чуф-ы-р-р!» раздалось совсем рядом. Приподнявшись, увидел, как отбегала от шалаша тетёрка, а поодаль кругами расхаживали расфуфыренные «петухи», распушив хвосты. Драчуны подпрыгивали и горланили, улюлюкая, вытянув книзу шеи и оттопырив крылья. Ярко-красные брови, распухшие от «бравადь», словно сигнальные фонари, мелькали на белом фоне «поля битвы». С соседних берёз, перелетая с ветки на ветку, наблюдали за ними молодые птицы. Некоторые подсаживались на площадку, но тут же, трусливо убегая, взлетали обратно. Старые косачи горделиво обхаживали серую тетерку, которая, то и дело убегая от них, спотыкалась и кудахтала. Осторожно просовывая ствол ружья сквозь ветки, затаив дыхание, я уже подметил двух «драчунов», прыгающих на одной линии. Только успел выстрелить, как сбоку несколько птиц разлетелись по сторонам. После этого одновременно с земли поднялись ещё два косача и уселись на деревья. Всё разом смолкло. Курлыкая на дереве, всё же нашёлся «смельчак», который продолжил свою песню. Но не тут-то было, тетёрка сорвалась с ветки, за ней ещё несколько птиц, и все разом покинули насиженное место. Остались сидеть в шагах сорока два косача. Вновь прогремел выстрел, и один из них свалился под дерево, вторая птица слетела на соседнее дерево. Перезарядив ружьё, я успел и этого свалить очередным выстрелом. Затем вышел из шалаша, собрал трофеи и, сложив их в рюкзак,

покинул токовище. Всё-таки повезло, и удача была на моей стороне, несмотря на холодную погоду. Довольный охотой, я спокойно шёл по знакомому лесу и радовался жизни.

Через три дня резко потеплело. Ночью с фонариком еле добрался до места. Осевший снег совсем разбил лыжню, и я несколько раз проваливался в ямы. С волнением стал ждать новой встречи с этими удивительными птицами. В следующий раз они прилетели откуда-то с западной стороны. Было ещё темно, и лишь изредка тихое улюлюканье выдавало присутствие пернатых. Шумное похлопывание крыльями внизу указывало на то, что птица села на площадку. Но как ни всматривался в темноту, ничего не обнаружил. Сидел молча, почти не дыша, даже ноги онемели. Лишь улюлюканье периодически прерывало тишину. Глаза, привыкшие к темноте, все же начали различать чёрные силуэты на снегу. Прошло ещё немного времени, и сначала робко, затем бойчее и дольше запели одновременно два косача. Видно было, как забегали, петляя, две тетёрки. Вокруг них сразу же появились «ухажёры». На деревьях ещё три косача начали курлыкать, ёрзая на вершинках и раскачиваясь так, будто собирались «нырнуть» вниз. Но что такое? Неожиданно с земли в разные стороны стремительно взлетели все птицы, лишь свист крыльев обозначал их направление лета.

Тут как тут нарисовалась лиса, которая не успела задушить запоздалого косача. Она остановилась, повиляла хвостом и исчезла среди деревьев.

Я сразу вспомнил прошлую встречу с лисой и, не выдержав, встал, поднявшись во весь рост. Поблизости тетеревов уже не было видно, и я понял, что придётся пойти домой не солоно хлебавши. Рыжая плутовка напрочь испортила мне охоту, но не весеннее настроение. Впечатления от увиденного были гораздо сильнее неудачной охоты.

ВЕСЕННИЕ ВСТРЕЧИ

Гусиный гогот разбудил меня засветло. Видимо, с ближних болот, отдохнув за ночь, гуменник поднялся на крыло. Косяк клином держался над верхушками деревьев и уверенно летел на север. Честно говоря, я продрог, но, съевшись, продолжал в надежде на удачу терпеливо ждать. Сидя на валежнике и прислонившись плечом к стволу ели, напряжённо слушал лесную тишину. Она весной особенная. Вроде бы ничего не слышно, а на сомом деле десятки звуков и шорохов наполня-

ют воздух. «Шы-ш-ш», – мышка пробежала. «Пум-пам-пум», – шишка сверху свалилась. «Фыр-фыр-фыр-чух», – рябчик перелетел с дерева на дерево. «Чу! Тихо!» – про себя насторожился и затаил дыхание. Осторожно, словно боясь разбудить округу, начал свою «арию» долгожданный глухарь. «Ток-тик, ток-тик, ток-тик». Потом замолчал. Неуверенные звуки – лишь увертюра к предстоящей симфонии. Некоторое волнение, охватившее меня, в одно мгновение внутренне мобилизовало настолько, что я готов был проползти вперёд, хоть на животе. Через несколько минут птица запела, но опять замолчала. Как назло, отекли ноги, и очень хотелось встать. Но глухарь был недалеко, и я мог любым случайным шумом либо хрустом его спугнуть. Наконец, где-то в сторонке запел ещё один. Моя птица после этого так исполнила свою первую «арию», что лес сразу ожил. Как и подобает, не торопясь, минут через двадцать, подошёл к «певцу».

Выстрел... Сохапкой сучьев, хлопая крыльями, ударившись о плотный снежный наст, глухарь наполовину ушёл под толщу снега. Казалось, после такого шума всё живое скроется надолго. Однако даже рябчик засвистел, а в ельнике проснулись рыже-бурые клесты. Первый трофей тянул килограммов на шесть. Неплохой экземпляр.

Ждать пришлось недолго, ибо рядом затоковали новые красавцы. И только сделал несколько шагов на лыжах, как впереди между деревьями промелькнул силуэт. В сумеречной мгле ничего не смог различить, поэтому выдержал паузу. Снова, уже чуть ближе, появился тёмный силуэт, похожий на птицу. И тут послышалось робкое кудахтанье. «Всё понятно, глухарка бегаёт, ищет кавалеров», – размышлял я про себя.

Крепко сжимая двустволку, я опять замер на месте. «Ток-тик, ток-тик, ток-тик! Чуф-ыр!» – медленно в такт продолжали заливаться глухари. Но в это время подул с запада лёгкий порывистый ветерок. Сосны и ели заволновались, слегка раскачивая ветви. Пение сразу же прекратилось. «Ну вот, этого ещё не хватало, – раздосадовался я, – пожалуй, не успею, надо рискнуть».

Наст потрескивал под лыжами, как я ни старался мягче шагать. Пройдя метров сорок, слева заметил сидящего под ёлкой глухаря. Сначала не совсем поверил, что это живая птица, а не коряга. Но как только тот вытянул шею, успел выстрелить по цели. Ещё бы секунда, и он улетел. Глухарь несколько раз взмахнул крылом и уткнулся головой в снег. Глухариной песни больше я не слышал.

С появлением первых лучей солнца лес украсился бликами красного света. Лёгкий туман стелился под пологом деревьев. На краю боло-

та я уселся на поваленный сухостой и впервые за утро закурил. На душе было радостно и светло. Умиrotворенно оглядывал противоположный край болота, где светилась в лучах солнца стена оранжево-зеленого сосняка. Оттаявшие моховые подушки с кустиками карликовой берёзы чернели то тут, то там ни синем снежном покрывале болота. Осевший потемневший снег искрился тысячами блёсток. Порывы ветра сдували с высоких елей сотни выпцветших мёртвых иголок и верером разбрасывали на несколько метров вокруг. Талая вода в ямках покрылась ледяной коркой. Ранняя весна известна своими погодными причудами, но мне сегодня повезло, ночь была гораздо теплей, чем в предыдущий раз, поэтому и глухарь дружно токовал.

Часа через полтора я легко добрался до избушки. За четыре дня это были первые трофеи. Воодушевлённый удачной охотой, решил ещё на одну ночь остаться. Выспался до вечера, затем подкрепился мясной кашей и, освещая плохо заметную лыжню фонарём, двинулся вдоль болота. Последний километр решил пойти через бугор, лесом, напрямик до токовища. Увы, как назло, оторвалась пряжка на креплении одной лыжи. Пока занимался ремонтом, подшивал её тонкой стальной проволокой, повалил снег, что было совсем некстати. Не дойдя до места, в густом ельнике разжёл костёр и просидел почти до утра. Ветер усилился, и снегу навалило достаточно, почти десять сантиметров. Ясно было, что токовать глухари не будут. Озябший, всё же дождался рассвета, обошёл кругом, но ни одной птицы не обнаружил. Раздосадованный и промокший, я медленно брёл вдоль болота сквозь мелкий сосняк. Вдруг увидел впереди, как лосиха с детёнышем переходят болото. Хотя расстояние до них было приличное, я быстро начал догонять. Когда лосиха меня заметила, она вскачь оторвалась от лосёнка и, пробежав метров сто, остановилась. Я приблизился к выбившемуся из сил малышу, который, утопая в снегу, вытягивал шею кверху и жалобно мычал. Я остановился. Лосёнок, раскинув передние ноги в стороны, тяжело дышал, изредка поглядывая на меня. А его мать в это время обогнула круг и приблизилась ко мне без страха почти на двадцать метров. Большие круглые влажные глаза лосёнка и весь его вид вызывали во мне жалость. Беспомощное существо вряд ли понимало, кто рядом с ним, но инстинкт самосохранения подсказывал ему оставаться на месте. Я молча отошёл к лесу, даже не оборачиваясь. Будучи уже далеко, остановился и пытался их увидеть, но, кроме белой глади, ничего не было видно. А про себя подумал: «Какой же я удачливый, подобный случай – редкость. Жаль, с собой не было фотоаппарата». А в памяти у меня картина о необыкновенной встрече осталась надолго.

ВЫДРА

Сейгод большая вода держалась дольше обычного. Залитые половодьем, прибрежные леса, озера образовали такие просторы, что чужой человек наверняка заблудится на лодке, если захочет подняться вверх по Ирве. Вырванные с корнями деревья, остатки снега, сучья, ветки – все это в потоках грязи, пены смешалось в водоворотах и уносило быстрым течением в большую реку Мезень. Жёлто-охристые ивовые кусты причудливыми островками повсеместно выделялись среди елей и берез. А белоствольные березы куртинами в ряд выстраивались за каждым поворотом. Вода, переливаясь, сверкала в лучах солнца.

Крепко сжимая ручку управления «Вихря», я стремительно летел на лодке «Казанке» по верхушкам кустов напрямик по лесу. Резко поворачивая то влево, то вправо, избегал столкновений с деревьями и плывущими навстречу корягами, топляками. Случалось, что на скорости налетал на что-нибудь, лодка подпрыгивала кверху, и я отъезжал в сторону. Бывало, попадал в ледовый плен, когда огромные пласты льда выносило из озер на течение. Приходилось подолгу прорываться по самой кромке ледовой полосы до открытой воды.

Добравшись к вечеру до своей родной избушки, увидел, что вода уже была на полу. Пришлось три дня ходить по воде в сапогах вместо тапочек, пока она не стала убывать постепенно.

За ночь разгулявшийся ветер разнес почти весь лёд на озере на мелкие части. Толстый, массивный зеленоватый лёд, как хрусталь, рассыпался прямо на глазах, оставляя на поверхности воды лишь зимний мусор и грязную пену.

На следующий день с трудом установил шесть вентелей и несколько сеток. Везде сквозное течение не давало возможности закинуть остальные сетки, и я пока занимался охотой на уток. Прорубив проход, я зашел внутрь ивняка и соорудил на шестах из еловых ветвей своеобразный шалаш, таким образом замаскировал себя и лодку прямо на воде. Расставив чучела уток перед собой, я часами выжидал. По-разному получалась стрельба, где-то промазал, где-то точно попал, но я всегда испытывал большое внутренне волнение. Мне казалось, что я самый счастливый охотник. После ощипывания и обработки тушек дичи я плотно укладывал их в берёзовый кадок, пересыпал солью каждый слой, а сверху клал можжевеловый пучок веточек, на них – гнет, плотно закрывал крышкой и опускал в земляную яму глубиной полтора-два метра. Кстати, способ простой и надежный, проверенный века-

ми. На дно ямы надо обязательно класть несколько веток можжевельника, либо осоки, либо ромашки аптечной. Сверху ямы сделал настил из жердей и закрыл его толстым слоем мха.

Вода постепенно убывала, и вышедшие берега принимали свои очертания. «Вот именно в такую пору надо ловить рыбу, – радовался я, – перекрою проточные рвы и перешейки». В двух узких местах построил перегородки. Сориентировавшись по вешкам, поставил два вентеля с крыльями и в принципе остался доволен своими трудами.

Как-то раз вечером сидел я на крыльчке и чистил картошку. В нескольких метрах от избушки находилась извилистая низина с ручейком, где вода ещё держалась, хотя летом она пересыхает полностью. Неожиданно в тиши услышал рядом шлепок. Подняв глаза, замер на месте. Господи! Передо мной сидела выдра с белой грудкой и лапкой теребила шерстку. Затем зверек приблизился ко мне и, прихватив зубами кожуру, мгновенно отбежал обратно. Но, видимо, картофельное блюдо ему не понравилось, и выдра быстро скрылась за деревьями. Я ничего не успел сделать, хоть рядом в углу стояло ружьё. Обычно остатки потрохов рыба бросал в яму с водой. Через какое-то время замечал, что таинственным образом они исчезают. Однажды рано утром долго стоял на крыльце в надежде обнаружить, кто тут промышляет. И, надо же, заметил, как та же выдра ловко вылавливает из ямы эти остатки. Почти неделю я ещё наблюдал за зверьком, который совершенно не боялся человека. Но, как только вода ушла из низины, больше выдра не появлялась. Спустя день-два начал замечать в сетках обгрызенные ошметки самых крупных сегов. Щука и окунь были целыми, без видимых повреждений. Нетрудно было догадаться, что ночной «охотник» переключился на мою добычу, главное: что помельче – не брал. Выдра успевала проверять мои снасти вперёд меня. Я не на шутку рассердился, но ничего не мог сделать. Даже ставил грубые сети с ячеей на 70 мм, но всё без толку. Осторожный зверь не попадался ни в ловушку, ни на глаза. Прошло ещё какое-то время, и я переставил сетки в другие места, но и там мой соперник достал меня своей наглостью. Сейчас он лакомился уже любой рыбой. Однажды, очередной раз проверяя сетки, обнаружил в одной большую, почти в обхват, дыру. Всё-таки зацепился «воришка», но такая снасть для неё не помеха. И, главное, после этого выдра больше не появлялась, куда-то внезапно исчезла. Прошло время. Я собирался домой. Осталось только починить крышу избушки и заготовить дров. Дальние снасти уже выбрал и развесил на просушку. На крыше весь день менял сгнившие прогонные доски и укреплял каркас. Вечером закрыл крышу ржавыми железными листами, а края для водостока подбил кус-

ками бересты. Раздетый по пояс, добежал до берега и помылся. И тут я увидел, как на противоположном берегу несколько ворон чем-то лакомятся. Обычно здесь ворон не бывает. Любопытство взяло верх, и я на лодке поплыл в ту сторону. Как только причалил, недовольные вороны с карканьем разлетелись и уселись на сосны. «Тьфу ты! – удивился я, – бедную крякву так распотрошили, что один скелет остался». Пнул её носком сапога подальше от воды и обратно вернулся на стоянку.

Ночь выдалась светлая и тихая, только первые комары вились около лица и жужжали. Присев на край крутого бережка, я молча любовался окружающей красотой. Медленно курил «Приму», наслаждаясь воздухом, пением неугомонных птичек, мерцающими на глади воды бликами, позеленевшими ветками свисающих ивовых кустов, причудливыми тенями от деревьев, перистыми серыми облаками, постепенно затягивающими небо... Но всё это лишь малая видимая часть красот северной природы. А если внимательно присмотреться ко мху, к отдельным листику, веточке, хвойной иголке, то можно открыть для себя совершенно иной мир. Тысячи живых существ образуют свою микросферу, тем самым создавая среду обитания другим организмам. Ведь в конечном итоге ничего бесследно не исчезает, а происходят биологические процессы превращения форм материи. Северная природа очень уязвима и ранима. К примеру, достаточно ковырнуть кусок ягеля, как понадобится более тридцати лет до образования нового мха; после снятия бересты шириной более 30 см через два-три года дерево заражается губкой, а впоследствии зачастую засыхает совсем.

Так я сидел и размышлял больше получаса, пока канюк, пролетая над головой, не запел свою прерывисто-протяжную мелодию. Когда поднялся на ноги, рядом, в кустах, услышал шорохи. Веточки в одном месте дрожали, а прошлогодняя почерневшая осока явно скрывала что-то живое. Сделав пору шагов вперёд, вдруг увидел усатую мордочку, смотрящую прямо на меня.

«Господи! Да это же опять та самая выдра», – обрадовался я. Но она лишь фыркнула, юркнув в кусты. Можно было догадаться, что этот обитатель не понапрасну считает озеро частью своих владений.

Отпуск заканчивался, и через день я спешно покинул своё угодье.

На следующий год весной снова не раз встречался со своим «приятелем». Один раз зверь даже играл со мной, выделывая разные пируэты. Он совсем не боялся меня, но стоило совершить какое-либо движение, тут же исчезал. Так же воровал иногда рыбу, самую крупную обычно, а я, в свою очередь, побаивался, что он может замотаться в сетке и погибнуть. Но всё обходилось благополучно.

А ещё через год зверя я уже не видел. За всю весну выдра ни разу не появлялась на глаза, и уже никто не воровал из сеток крупных сигаев. Возможно, её подстрелили, либо она покинула по каким-то причинам эти места навсегда. По крайней мере до сих пор, а уже прошло пять лет, выдра не появлялась.

А я всё равно надеюсь на встречу со своим усатым «компаньоном».

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПОЕДИНОК

Ситуация менялась несколько раз, пока я пытался догнать раненого сохатого. Характерные следы животного, скачущего рысью на трёх ногах, со следами крови, почти прямо по редколесью устремлялись к ельнику. Затем неожиданно-негаданно появился непрошенный преследователь – одинокий волк, судя по следам, самец, четырёх-пяти лет. Я занервничал и прибавил ходу. Лыжи утопали в снегу. От испарины ресницы покрылись инеем, и мокрое от пота лицо неприятно обжигало ветром. Но в одном месте, как назло, преодолевая завал, зацепился левой лыжей за сук и распахнулся на снегу. Кое-как освободив ногу, я поднялся и, осмотрев лыжу, понял, что дальше идти невозможно. В передней части, ближе к носку, обломок держался только на камусе. Подобное случается часто, но сейчас так некстати, вот что обидно. Быстро срубил сушинку, сделал дощечки и стесал их своим большим охотничьим ножом. Потом осторожно и старательно нанёс слой клея «Момент» на зачищенный участок и поперёк слому прибил параллельно обе дощечки. Однако нужно было немного выждать, чтобы клеем прихватило заплату. Воспользовавшись передышкой, сменил мокрую рубашку и надел свитер. Ещё через минут пятнадцать я продолжил свой путь. Удивительно, но серый хищник тропил лося не по следу, а держался то левее, то правее от направления его движения. Местами следы обрывались, и лишь через несколько сот метров снова пересекали лосиную «борозду». Сохатый держал направление на северо-восток, в сторону Большого Субача, обходя крутые подъёмы.

Наступили сумерки. Было ясно, что лось чуял погоню четвероногого хищника и, не останавливаясь, упорно двигался вперёд. Наконец, я не выдержал, практически выдохся, и подыскивал по пути подходящее место для ночлега. Поблизости в этих местах избушек не было, и я молил Бога, чтобы ночью мороз не крепчал. Лежак из мягкого лапника под шатром вековых елей, горячий, душистый брусничный чай, куски вяле-

ного глухариного мяса, теплом дышащий, тихо потрескивающий костёр – вот райское наслаждение, которое так необходимо после изнурительного дня. Нет ничего лучше для успокоения души, чем ощущение ночного таёжного царства, под сводами звёздного небосклона. Поверьте, никакой холод не страшен. Очень важно вовремя заметить и уловить, как меняется окружающий мир прямо на глазах. Сверкающие «серьги» иная берёз, окаймлённые белым узором светло-зелёные сосны, кружевные ивы, облачённые в ажурные шали мохнатые ели, причудливые светлые просветы, глухие звуки потрескивающей коры на стволах деревьев. Сколько раз приходилось ночевать в зимнем лесу, но всегда вновь и вновь восхищался таинством ночной природы. Укрывшись шерстяной накидкой, незаметно погрузился в сон. Проснулся от каких-то стуков. Резко подняв голову, огляделся и только тогда понял, что где-то совсем рядом неугомонный дятел посылает свои первые «позывные» новому наступившему дню. А вокруг лёгкий туман окутал просыпающийся лес. На востоке медленно светало, и лилово-сизые облака затягивали горизонт. Еле дымящиеся остатки валежин краснели угольками и обугленными сучьями. Продрогший от холода, поработал топором, порубив пару сушин на дрова, и разжёл костёр. Пока, обжигаясь, пил чай, подул ветерок, осыпая снежной россыпью с деревьев. Я невольно обрадовался тому, что в такую погоду можно будет подобраться на верный выстрел к подранку. Хотя тешил себя мыслью, что новый день непременно принесёт удачу, всё же охотничья страсть подсказывала другой вариант, а именно использовать раненого сохатого для добычи матерого волка. Прекрасно представляя, насколько осторожен и хитёр хищник, я всё больше настраивался на захватывающий поединок с ним. В общем, в голове путались и здравые мысли, и эмоции.

Пройдя несколько километров, обнаружил первую попытку со стороны голодного волка проверить прочность защиты раненого лося. Судя по натоптаным следам, было очевидно, что серый хищник несколько раз пытался остановить зверя, сначала спереди, а потом атаковать сзади и сбоку. Но не тут-то было. Последний не только не спасовал, а, стойко отразив нападение, упорно продолжал движение. В дальнейшем и преследуемый, и преследователь выжидали и активных действий не проявляли. Причём в одном месте оба устроили лёжку метрах в тридцати друг от друга. Хоть я и торопился, но чувствовалось, звери от меня ещё далеки. Уверенный ход волка и неровный след, а также частые остановки лося невольно наводили на размышления о надвигающемся драматизме развязки. И действительно, после полудня обнаружил на краю болота несколько кругов, где схватились в

очередной раз оба зверя. Снег там был вытоптан чуть ли не до земли, вокруг валялись клочья шерсти волка и лося, краснели пятна крови. Борьба, судя по всему, шла с переменным успехом. Наверняка мощный сохатый, обессиленный от потери крови, яростно отражал злобные атаки волка, отличающегося сноровкой и умением нанести стремительные удары клыками своему противнику.

«Опоздал!» – еле успела мелькнуть в голове первая мысль, как услышал справа от себя гулкие прерывистые хрипы. Пробежав метров двадцать с двустволкой наготове, заметил в густом молодняке лежащего лося. Израненное тело вздрагивало и кровоточило. Не подходя близко, отошёл в сторону и направился вдоль кромки леса. К моему удивлению, нашёл и кровавый след «разбойника». Минут через двадцать обнаружил безжизненного хищника под ёлкой. Рассеченный череп, видимо, от удара копыта, был залит застывшей тёмно-бурой кровью, оскаленная пасть с острыми клыками и взлохмаченная шерсть представляли жуткую картину. Такова трагическая развязка поединка. От всего увиденного и пережитого на душе остался горький осадок. Разом пропали и охотничий азарт, и удаль «молодецкая» и, конечно же, настроение!

До Большого Субача оставалось всего около двух километров.

Вспоминая этот случай, хочу сказать: в лосей больше я не стрелял.

В память об этом смертельном поединке до сих пор храню дома волчьи клыки и лосиное копыто.

ЗАТЕРЯННЫЙ УГОЛОК

Помимо множества разных озёр, в пойме реки Ирва есть лесные озера, которые скрываются в глухих чащобах либо среди болот. Каждый такой водоём имеет свою историю, а равно свои особенности, свой цвет, своих обитателей, свои загадки и тайны. Как правило, озёра небольшие, но разной формы. Особый «шарм» добавляет береговой рельеф, отличающийся от рельефа проточных озёр причудливой изрезанностью и глубокими краями. Обнесённые вокруг стеной леса, они сохраняют постоянный уровень вод без резких колебаний и жарким летом, и холодной зимой благодаря естественному регулированию. Причём каждый водоём подпитывается чистой ключевой водой, хоть и в разных объёмах. Этот важнейший фактор существенно определяет качество и состав водной среды.

А, впрочем, об одном необычном озере стоит рассказать поподробнее. Ещё лет пять назад, зимой, во время охоты, когда «тропил» куницу, я в первый раз увидел, каково оно. В форме «змейки», протяжённостью не более трёхсот метров, озеро раскинулось между двумя возвышенностями. Могучие вековые ели высились у самой кромки воды с северной стороны. А с южной – сосняк с примесью берёзы вытянулся полукругом, неровно смыкаясь с лиственничной куртиной. Во многих местах ледовый панцирь зиял открытыми польньями. Незамерзающие «окна» клубились паром, покрывая прибрежные деревья и кусты узорчатым инеем. Казалось, ничего примечательного нельзя было заметить. Вскоре, потеряв следы куницы у озера, я отправился в обратный путь. Поднявшись на бугор и ещё раз оглянувшись назад, неожиданно для себя увидел, как над ледяным полем стелется жёлто-зелёная газообразная пелена, плавно раскачиваясь. Я с удивлением смотрел, не отрываясь, на это красочное зрелище и решил непременно посетить озеро ещё раз.

Кстати, на карте обозначения озера не обнаружил, а вместо него было отмечено болотце. При составлении планшетов такие технические упущения бывают, особенно когда лесоустроители съёмку местности отдельных участков забывают сверять с данными аэрофотосъёмки. Но это уже неважно. Важным для меня было затерянное озерцо не потерять. Лишь через два года я снова посетил загадочный уголок. Четырнадцать километров от лесной избушки отшагал легко. Добравшись до западной оконечности, покрытой сплошными лопухами, осторожно зашагал по каменистому краю берега. На изгибе заметил глубокую расщелину, по которой вытекал в озеро журчащий ручеёк, выходящий из-под земли. Посередине водоёма выделялась сучковатая коряга, покрытая зелёным мхом и жёлтыми лишайниками, а вокруг неё то и дело из толщи тёмно-зелёной воды выходили жёлтые пенистые пузырьки, в результате образовавшиеся светлые пятна на поверхности расплывались во всю ширину. Правда, потом они растворялись и постепенно исчезали. Если внимательно приглядеться, у самого берега можно было увидеть сотни мельчайших красных насекомых, хаотично снующих сверху вниз, до самого дна. А в глубине очерчивались контуры крупных валунов. Чёрный иловый налёт чередовался с плотным донным песком, среди которого изредка встречались островки с водной растительностью. Пока я любовался окрестностями озера, всего лишь однажды заметил всплеск окуня и даже мальков нигде не обнаружил, хотя устойчивая, умеренно тёплая погода благоприятствовала рыбалке.

Август – наиболее благоприятный месяц для всей фауны, поэтому неудивительно, что и глухаринный выводок держался у воды, и кряквы,

разжиревшие за лето, лениво поднимались на крыло, подпуская меня совсем близко. Но вот что поразительно: вокруг водоёма не нашёл ни брусники, ни черники, ни голубики – только голые кустики. А ведь стоило отойти на несколько десятков метров в глубь леса, как встречаешь их повсеместно. Любопытен и тот факт, что здесь преобладают пластинчатые и трубчатые виды лишайников, причём на стволах многих деревьев.

Под оголёнными корневищами случайно обнаружил и заброшенную лисью нору. Следующей находкой стали позеленевшие останки берцовой кости и ребер, предположительно лосиные. И всё-таки самыми таинственными мне показались еле уловимые запахи на южной стороне озера, а именно – сероводородные и мускатно-ореховые. По крайней мере, я такими их почувствовал. Жаль, но видимых источников выделения каких-либо газов я не обнаружил. Собственно, на этом и закончились мои старательные исследования, и после короткого отдыха я покинул таинственный уголок природы.

Очередной вояж к удачному месту охоты в начале ноября оказался успешным. Буквально за два часа с помощью собаки удалось выследить и подстрелить двух куниц. А ещё через час я чуть не лишился своего четвероногого друга. Коварная росомаха, выскочившая из убежища, попыталась разодрать назойливого соперника острыми длинными когтями. И всё-таки пару касательных повреждений собака получила, а зверь, почувствовав моё приближение, скрылся в глухом лесу. Преследовать такого хитрого хищника практически бесполезно, не хватит ни скорости, ни выносливости. К тому же начавшийся обильный снегопад заставил меня ретироваться. Ночевать у озера не решился из-за непогоды, и, скорее всего, правильно сделал. Потом оказалось, что за ночь толщина выпавшего снега составила больше десяти сантиметров. Чёрная гладь воды с небольшими водоворотами, запорошенные берега со свисающими кустами, ледовая кромка, лёгкий туман над жёлтыми разлитыми пятнами, журчание холодных ключей – вот таким и запомнил напоследок этот дивный уголок.

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Это случилось в местечке Ноша-Ыб. Только что прошёл ледоход на р.Ирва, и я торопился. На «Вихре-30» в лодке «Казанка-М», наполненной грузом под триста килограммов, большую часть которого

составлял бензин, я налетел на топляк и перевернулся. Хорошо, успел ружьё схватить и тут же вынырнул из-под лодки, не растерялся. До берега было близко, около пяти метров. Нащупав буксировочный тросик, я боком, подгребая одной рукой, наконец, доплыл до суши, подтаскивая за собой лодку. Уцелели лишь рюкзак и мешок с вещами, которые находились в багажном отделении носовой части лодки. Бензиновый бачок сохранился даже без утечки бензина. Уплыли все ёмкости с бензином, утонули бачки с продуктами, топор, второй мешок с сетками и кое-что ещё. Сначала быстро вычерпал воду из лодки, вскрыл мотор (снял маховик, выкрутил свечи зажигания, высушил от воды топливную систему), лишь после этого собрал сушняк, облил его бензином и, выстрелив пороховым зарядом, разжёл большой костёр. Снял всю верхнюю одежду, сапоги, развесил вокруг огня. Было довольно прохладно. После купания в ледяной воде меня колотило от холода. Отогрелся фляжкой водки, закусив размокшим хлебом. Хватило водки и на растирание ног и груди. Часть одежды в рюкзаке оказалась сухой, не успев промокнуть, так как вещи были упакованы в полиэтиленовый пакет.. Это здорово помогло, особенно кстати были вязаные носки и рубашка. Честно говоря, подобные случаи со мной происходили не в первый раз, но не на ночь. Сейчас же ситуация была серьёзная. В лесу лежал снег, только берега оттаяли, полностью оголившись. Прежде всего обсушив брюки и сапоги, я оделся и ходил вокруг костра, прыгал, размахивая руками, то есть всячески пытался греться.

Осмысливая произошедшее, я считал себя счастливым, ибо это местечко – одно из немногих, где берег остаётся в любое половодье. Высокие бугры тянутся от берега в глубь тайги. Отсюда до моей избушки осталось 16 километров и, в крайнем случае, оставался вариант добраться пешком по лесу. А пока я нарубил ножом побольше лапника, сверху сложил толстым слоем сухой мох. Накрыл себя, как мог, лапником и, съжившись, дожидался утреннего солнца. Вокруг было тихо, лишь журчание и шум бурлящей воды нарушали тишину.

Но вдруг услышал тихий свист, который постепенно нарастал. Я повернул голову, но ничего особенного не заметил. Однако в это мгновение на небе сверкнула молния. Прошло не более трёх секунд, раздался сначала один хлопок, затем второй, третий и четвёртый. Неожиданно яркие вспышки и грохот оглушили меня, и я уткнулся головой в лапник. Когда всё стихло, я встал на ноги и увидел шагах в пятидесяти от себя горящую ель со срезанной верхушкой. Сноп искр сыпался сверху под дерево и гасил на снегу. Ещё дальше также виднелось небольшое зарево. Я, ничего не понимая, спустился к лодке и оглянул-

ся вокруг. Огни мерцали слева на бугре, а на небе медленно исчезали ярко-красные полосы. Кроме запаха дыма, в воздухе витал какой-то неприятный зеленоватый пар. «Ну даёт природа-матушка, – думал я. – А может, это сухая гроза? Но тогда откуда такие огненные стрелы? Да, приключения продолжаются. Кому рассказать, не поверит». Сколько раз, собственно говоря, встречался с удивительными явлениями, но никогда в такую раннюю пору не видел грозы. «А может, увиденное совсем не было грозой?» – эта мысль не выходила из головы. Под утро надел не полностью высохший бушлат и, проваливаясь в рыхлом снегу, направился в сторону всё ещё дымящихся деревьев. На самом близком от меня дереве, уродливо покосившемся, почерневшем от копоти, сохранились лишь нижние ветви. Шагах в двадцати от него чернела свежеврытая яма глубиной около полуметра. Почва вокруг была продавлена, причем снег вокруг имел зеленоватый оттенок, который я уже замечал в воздухе, около костра.

Странное предчувствие охватило меня при виде сосны, почти до комля разнесенной в щепки. Картина, представшая перед глазами, напоминала полигон испытаний термоядерных зарядов.

Солнце уже было высоко, когда я закончил работу с мотором. Пропадавшая искра не восстанавливалась, хотя панель обсохла, и катушка тоже. Надо было ждать, когда какой-нибудь рыбак или охотник не появится на реке. По солнцу определил примерное время – около 13 часов. Тёплая погода подсушила развешенные вещи, и можно было снова укладывать рюкзак. Хуже всего было то, что не в чем вскипятить даже чаю. Ведро и котелок утонули, и больше никакой посуды не было. Через пару часов появился первый человек, кстати, мой давний знакомый. Вкратце я рассказал о случившемся, а также показал обгоревшие и изуродованные деревья. Он с удивлением слушал меня, никакую грозу в тот день он не видел. Затем взял меня на буксир и доставил до избушки. Причём оставил бочонок с бензином и запасные катушки к мотору. К вечеру я уже мчался на моторке по реке, вниз по течению, в поисках уплывшего имущества. Нашёл две фляги с бензином, полушубок, весло и мешок с сухарями, застрявший в зарослях ивняка. Я вполне был доволен результатами поисков. В конце концов через неделю большая вода потихоньку начала убывать, что вселяло уверенность добраться до тетеревиного токовища. Раньше попытался дойти, но талая вода так разлилась, что затопила все низины, ручьи вышли из берегов, хотя до болота, где токовище, оставалось всего около километра.

В один из дней заехал ко мне Дмитрич, старый рыбак из ближайшей деревни. Разговорившись за кружкой чая, он сообщил о непонятном

явлении, когда на берегу обнаружил зеленоватый налёт на снегу полосой до 40 метров, что в 30 километрах от моей вотчины. Я в свою очередь рассказал о своих приключениях. Но общие впечатления к единому выводу нас не привели.

Через три дня пошли первые дожди. Густой туман окутал всю округу. Перелетные утки большими косяками заполнили водоёмы. Я вдоволь отвёл душу, подстрелив около трёх десятков разной дичи за одно утро.

Назавтра я снова попытался пробраться до токовища, однако неудача постигла меня и на этот раз. Добравшись до конца болота, я понял, что обойти его было невозможно. Образовавшиеся водные забереги и озера тянулись в глубь тайги непрерывной проточной цепочкой и ручьями. Зато на обратном пути в густом ельнике случайно обнаружил семейку куницы. Три малыша кувыркались под большой корягой. Серо-рыжие комочки то появлялись, то исчезали в расщелинах. Конечно же, их мама-куница была где-то рядом. Но осторожный зверёк не показывался на глаза.

И тут недалеко подсел на сушинку сизый дятел и как только застучал свою «морзянку», зверьки мгновенно исчезли и больше не появлялись. Впечатление осталось незабываемое. Крайне редко можно увидеть такое, да тем более в дневное время. Хотя на сей раз день был пасмурный и, может быть, благодаря этому я и смог полюбоваться зверьками.

Посмеялся над ушастым зайцем, который с испуга прыгнул через ручей, но, не подрассчитав, плюхнулся в воду, а потом, как мокрая тряпка, «нырнул» под ёлочки.

Вернулся я в избушку уставший, но радостный от прогулки, хотя вряд ли это можно назвать таким словом, ибо мне пришлось отшагать около двадцати километров, к тому же я вымок до пояса да ещё и куртку порвал об сучок. В дальнейшем время шло своим чередом. Рыбы наловил на сетки полтора бачка, дров ещё заготовил до двух кубов, лабаз подремонтировал, вырубил заготовки из осины для лыж, а также берёзовые топорыща.

Как-то ночью проснулся от глухого грохота. Вышел на крыльцо, но никаких признаков грозы не было. Небо было чуть затянуто тёмными облаками. Утром, не разжигая костёр, учуял запах дыма со стороны тайги. Узкий серый столб дыма виднелся за буграми. Спешно позавтракав, отправился в направлении задымленности, прихватив с собой, кроме ружья, топор. Думал, что очаг пожара близко, а оказалось, до него почти три километра. На сухом бугре догорали два изуродованных дерева, лиственница и сухостойная ель. Вокруг немного

обгорели и соседние деревья, но сырой мох не позволил распространиться огню дальше. В принципе признаки того происшествия двухнедельной давности. Такие же, как в местечке Ноша-Ыб. Однако зеленоватого налёта я не обнаружил, хотя специфический запах присутствовал в воздухе. Больше ничего примечательного в глаза не бросалось. Затушив горящие остатки, отправился обратно в избушку. Через неделю я покинул Ирву и возвратился домой. Отправил через день письмо в Комигидрометцентр с подробным описанием случаев и указанием точных мест на карте-схеме.

Однако до сих пор никакого ответа не дождался. Хотя, на мой взгляд, стоило проявить определённый научный интерес к подобным проявлениям природы, если, конечно, это связано с какими-то атмосферными изменениями.

ВЕСЕННИЕ ТАИНСТВА

Почти каждое утро на одни и те же лиственницы прилетали лесные красавицы-«сизари», голуби. Пять голубей рассаживались на две ветви и, воркуя друг с другом, играли, нежно целовались, испуская через клюв капли слюны. Я подолгу наблюдал, как три самца обхаживали своих «подруг». Чудно было другое: почти в одно и то же время в одном и том же направлении уже который раз прилетали и улетали они дружной стайкой. Подсаживаясь почти на самую вершину рядышком и распушив хвосты веером, птицы сначала начинают «люлюкать», качая маленькими головками. Серо-стальной цвет с лиловым и бурым оттенками в белую крапинку придаёт им особый блеск на свету, а большие округлые и гладкие грудки подчёркивают важность и величественность, присущие только роду голубиных.

Чем понравилась им эта обычная прибрежная опушка леса, не знаю, но я испытывал безмерную радость и гордость за ирвинскую тайгу.

Чудо-птицы иной раз с восходом солнца поднимались высоко-высоко в небо и парили, падая друг за другом прямо на свои излюбленные лиственницы. Наступившие белые ночи заполняли окружающее пространство каким-то приятным глазу матово-молочным светом. Но запах! Какой запах окутывал округу после захода солнца! Багряные полосы на западе постепенно исчезали только к утру, и прохлада сохранялась до первых лучей солнца. Воздух одурманивал хвойным ароматом и благовонием раскрывающихся после долгого набухания по-

чек. Иногда тёплые воздушные волны накатывали со склонов и холмов, обдавая смолистыми парами.

Кто ощущал такой лесной рай в мае, тот никогда его не забудет, как не забудет и то, что спишь днём по нескольку часов, а не ночью. А через неделю распускается нежная зелень молодой листвы. И впервые после долгой зимы деревья обретают свой изящный весенний наряд. Просыпается всё живое, и начинается новое рождение нового поколения лесных обитателей. Заканчивается и брачная любовь лесных голубей, и больше я уже не увижу их на этих лиственницах. Голубиные пары начинают вить свои гнёзда и выводить потомство, как и все пернатые.

А пока вокруг гудят, свистят, звенят, пищат насекомые, птицы, звери.

В густых ельниках на плотные снежные «подушки» сваливаются со стволов еловые жуки-усачи, жужелицы, стараясь поскорее отползти на мох, пока ими не позавтракали дрозды или коростели. А на ещё влажном мху жёлтыми пятнами скопились клещи, и тут же рядом, на валежине, плотными строчками выстроились белые мухи. На «прослезившихся» стволах берёз высыпали из множественных дырочек жучки-короеды, которые упорно искали свежую расщелину. Ещё не весь просохший сверху муравейник под «шатром» огромной ели уже открыл свои «окна». Откуда выползали одни, и тут же заползали другие обитатели – труженики муравьи. Проложив еле заметную дорожку, они организованно переносили в свой дом сухие хвоинки со стороны рядом стоящих деревьев.

А рябчики, рябчики что выдeldывают! С рассвета до темноты пересвистываются между собой. Порхают с ветки на ветку, с дерева на дерево, как бы обгоняя друг друга. Те, которые уже парами, важно бегают рядышком под деревьями, часто останавливаясь для взаимных объяснений в любви. Самец с чёрной бородкой кругами бегаёт перед своей возлюбленной и так пищит, что подруга, видимо, от удовольствия, немного приседает. Избранник не только мужественно защищает её в этот момент, но и на многие годы остаётся верным и заботливым спутником жизни. Кстати, это единственный моногам среди боровой дичи.

В низине под журчанье ручьёв талых вод свиристель заливается трелью. Тут же снуют желтогрудые синицы, обжираясь разными букашками в зарослях ивняка и рябины.

Полёгшая прошлогодняя трава, вся почерневшая и выцветшая, тщательно скрывает уже пробившиеся мелкие зелёные головки пла-

вунов, герани двулистной, молочницы. Первопроходцы лесных опушек, они вместе с подснежником в скором времени образуют первый «рисунки» напочвенного покрова. Впрочем, можно бесконечно наблюдать и не переставать удивляться разнообразию, возрождению удивительного мира, ранимого и изящного, загадочного и непознанного.

Однажды вечером вдоль озера Яксуман-ты я рубил просеку до озерков, что в полутора километрах от этого места.

Дело в том, что только при большой воде можно добраться туда на лодке через лес. Три года назад я выпускал на озераки окунёвый подрос, который постепенно вытесняет карасей, но в прошлом году произошла по непонятным причинам частичная гибель рыбы. Донную иловую тину и излишнюю болотную растительность я выгребаю каждый год, а сейчас нужен именно свежий приток большой воды. Озераки сами небольшие, но местами глубокие, и, главное, дно твердое – голубая глина. У нас здесь есть три вида этой почвы – жёлтая, красная и голубая глина. Первые две – печку класть, да и в строительном деле пригодны, а голубая – лечебная. Обмажешь, бывало, ноги и через полчаса смываешь, и они меньше ноют, припухлость исчезает после каждодневной ходьбы. Честно говоря, я не собираюсь экспериментировать, ибо раньше эти озераки соединялись протокой с остальными водоёмами, а потом заросли. Поэтому каждую весну убираю и очищаю от захламлённости берега, вырубаю кустарник и ивняк. Причём здесь недавно пробились подземные ключи, которые раньше летом высыхали, а сейчас круглый год вода стекает в озерца. Очень часто осенью сюда навещают при переходах лоси, но долго не задерживаются.

Так вот, направление просеки я старался держать по заросшей протоке. На пути заметил протоптанную узкую тропу. Приглядевшись, узнал звериные следы: бобёр! Тут же прекратил все работы и устремился вперёд. На втором озерце заметил перегородку из двух поваленных елей внахлест в одну линию, а рядом – гладко обгрызенные конусом несколько стоящих деревьев. Ясно, бобр готовит плотину. Ну что ж, это замечательно, а я просекой помогу. И всё-таки какую гидротехническую задачу решает бобёр: построит плотину, и накопившаяся вода прорвёт себе протоку в нужном направлении. Зато и мои труды не будут напрасными, меньше завалов образуется. На следующий день я ещё прорубил метров триста и больше не стал мешать зверю, тот сам позаботится о перемычке. С чувством выполненного долга я облегчённо вздохнул, радуясь тому, что не зря три года подряд занимался расчисткой от захламлённости и ила. И пусть эстафету благородной миссии принимает сам «хозяин» местных водоёмов, он го-

раздо лучше человека знает, как сохранить водную среду от гибели или заболачивания. В старину старики говорили: «Где бобёр – там жизнь!» Хотя вначале, когда впервые появились бобры в наших краях (их завезли), к новым обитателям относились с недоверием. И сейчас на Ирве есть гиблые места, где раньше бурлила проточная и чистая вода. Основная причина – завалы и зарастание водной растительностью, в результате происходит заболачивание и окисление почвы.

На территории своей вотчины я каждый года занимаюсь очистительными работами, сохраняя и русла речек, и протоки, и берега от эрозии почвы и смывания. Конечно, не всё так просто и легко, но иначе нельзя. В одно время на островках даже оборудовал около десятка искусственных нор и хаток для ондатры, которые до сих пор заселены неприхотливыми обитателями. Схема оборудования несложная: укладываешь настил из сушинок у самой кромки берега, обкладываешь дёрном высотой до полуметра, укрепляешь по обе стороны хатку кольями, а снизу пробиваешь дыру. И неслучайно численность зверьков увеличилась на озере в несколько раз.

В десяти километрах от избышки вверх по р.Ирва затерялось среди лесов одно уникальное болото с озерцом. Место топкое, и мало кто туда заходит. А сейчас, в половодье, можно на лодке пробраться через лес. Болото выглядит, как озеро, а кругом сосняк, но с понижением уровня воды затем обратно выходит в реку. Самое интересное, что повсюду плавают «блуждающие» торфянистые островки суши, некоторые из них размерами до десяти квадратных метров. На этих островках разместился «плавающий» тетеревиный ток. Хоть один раз, но я каждую весну испытываю ни с чем не сравнимое удовольствие во время брачных игр этих птиц. Стараюсь добыть лишь три-четыре косача, не более. Кроме того, больше пятнадцати лет уже прошло, как «прописалась» здесь семейка большого серого журавля. Скучно не бывает, хочешь послушать журавлиные романсы, – пожалуйста, каждое утро и каждый вечер, а если хочешь увидеть танец, то надо днём засесть в укрытие. Кстати, на одном из островков можно устроиться и дожждаться заката солнца. Самец так исполнит свою сольную «партию», что такого ты нигде не увидишь, ни в одном фильме не покажут. Быть зрителем журавлиного бенефиса – большая честь для любого любящего природу человека.

А сколько ещё нераскрытых тайн не суждено нам узнать!

Порой затрудняешься объяснить неожиданные встречи с лесными обитателями, особенно в мае. К примеру, неделю подряд каждое утро к избышке прибегали три зайца на первую свежую зелень, а я сидел на

крылечке и смотрел на них, они – на меня, продолжая ошипывать молодую травку. Со стороны показалось бы, что зайцы ручные.

Или другая картина. Каждый вечер в начале июня в течение четырёх дней, как только я выходил из избушки или когда приезжал с охоты, неожиданно появлялся ястреб-тетеревятник. Птица взмывала вверх по спирали и камнем падала передо мной в нескольких шагах, а затем ещё раз проделывала тот же финт и исчезала. Я ничем не привлекал хищника и не подкармливал. Если я заходил в избушку, ястреб садился недалеко на сухостойную сосну и терпеливо выжидал моего появления.

Одно я могу точно сказать: если к природе и всем её обитателям относиться с добротой, бережно, то непременно окружающий живой мир примет тебя за своего и откроет многие удивительные тайны.

САМОРОДКИ СУБАЧА

Сентябрь был довольно тёплым, хотя частые дожди не давали покоя. В один из очередных пасмурных дней я пытался на лодке подняться вверх по течению р.Большой Субач. Хочу особо подчеркнуть её норы и красоту. Крупными изгибами речка бурным течением буквально прорывается между буграми, обнажая валуны и красную «морену», а где-то местами она совсем тихая и смирененькая. В среднем течении и ближе к верховью – порожистая и мелкая, однако есть и глубокие ямы, и рвы, где пятиметровым шестом не достанешь дна. Вода чистая-чистая, прозрачная, как слеза, и холодная даже в тридцатиградусную жару. Но как только польют дожди, хотя бы на денёк, вода быстро подымается сантиметров на пятнадцать, и тогда хлынут мутные бурлящие потоки, сметая всё на своём пути. Вообще желающих поохотиться и порыбачить в этих местах мало. Лишь изредка отваживаются некоторые за хариусом подняться на двадцать вёрст, где третья избушка. Кстати, выше, ещё через двадцать, уголье моего деда начинается. Там же и избушка с лабазами были, но уже давно сгнили. Обычно лодку выбираешь поменьше, чтобы легче было управлять с помощью шеста, а где и тащишь её на себе. Труд тяжёлый, но по душе. Помимо всего прочего, за последние годы образовалось несколько завалов. Весенняя вода соорудила своей мощью такие «баррикады», что любые попытки бензопилой демонтировать их не увенчались успехом. Поэтому и приходится перетаскивать лодку с риском для здоровья и жизни. Одному это не под силу, хотя мне два раза удавалось

ранее сделать. Но сейчас после первого завала я обессилел и лодку оставил. Сложив всё необходимое в рюкзак, закинув ружьё на плечо, я двинулся пешком через бугры. Раньше ни разу не приходилось добираться пешком, а только по речке на лодке. Поэтому, честно говоря, преодолевая подъёмы до седьмого пота и ориентируясь по компасу в направлении речки, я чувствовал себя не очень уютно, ибо эта местность была незнакомой. Сколько раз подобное ощущение внутреннего напряжения испытывал, а перебороть не могу. Впрочем, может быть, и хорошо, так как при этом сохраняется обострённое чувство опасности, способствующее запоминанию маршрута пути, и, главное, моментально замечаешь отклонения от заданного направления. Причём какого-то страха и растерянности не испытываешь. Пожалуй, такое чувство самосохранения нужно вырабатывать с детства. «Тайги бояться не нужно, её надо понимать и чувствовать, – так учил меня отец, – и только тогда тебя не одолеет страх одиночества и беспомощности». Истинно мудрые слова!

Усевшись поудобнее на поваленное дерево, я смотрел вокруг и ни о чём не думал. Надо мной высились могучие вековые ели. С развесистых ветвей свисал ключьями седой мох и тихо колыхался. Огрубевшая потрескавшаяся кора узорчатой мозаикой поблёскивала на свету застывшими каплями смолы. Суровые сосны с тёмно-бурыми, даже почерневшими комлевыми утолщениями и искривлёнными лапчатыми сучьями напоминали, скорее всего, «богатырей» из сказок. Вперемежку одиноко красовались молодые ели и «полуголые» длинноствольные сосенки. Зелёный мох с черникой, весь усыпанный опавшими иглами и шишками, был нетронутым. Неподдалёку тонким писком по-свистывал рябчик. И лишь слабый ветерок шуршал в глубине леса. Было очевидно, что отсутствовало обычное разнообразие видов растительности под пологом леса, не видно было мелколесья, кустарников и лиственных пород. Отжившие свой век сухостойные и сгнившие деревья причудливо лежали вместе с грудой обломанных сучьев в разных местах. От этой картины веяло древностью, особенно сейчас, в наступивших сумерках. И таких девственных лесов по Субачу много, просто каждый такой массив имеет своё таинство и свои прелести.

Отдохнув и полюбовавшись таёжными картинами, поспешил в сторону речки, чтобы по ней определиться, где нахожусь. Спускаясь по склону, поднял целый глухариный выводок, но так и не смог подстрелить ни одну птицу. Густой смешанный ельник помешал наверняка произвести прицельный выстрел. Через полчаса я оказался на берегу и убедился, что мне ещё топать и топать – почти десять вёрст. Начинало

быстро темнеть, и нужно было торопиться оборудовать ночлег и заготовить дров. Наконец, когда снял сапоги и поставил на колья сушиться у костра, я позволил себе расслабиться. Сменив мокрую рубашку, надел свитер, выпил немного водки и, закусив варёным мясом, улёгся на мягкой подстилке из лапника и сухого мха. Отяжелевшие ноги гудели. Когда вдоволь напился горячего крепкого чая, укрылся курткой и тут же заснул. Проснулся от шума, напоминающего бултыхание в воде. Прислушался, однако, кроме тихого плеска с речки, ничего не было слышно. В темноте потрескивала сгоревшая валежина. Подбросив несколько сушинок, я снова присел и подвесил над слабым огнём котелок с остывшим чаем. «Что это? – подумал, услышав отчётливо резкий всплеск, – наверно, сёмга». Субач – нерестовая речка, и сёмга каждую осень, хоть и не крупная, килограммов до шести, поднимается на нерест. Пожалел, что поленился взять в рюкзак хотя бы одну сетку.

Больше уже не обращал внимания на таинственные речные шумы.

Под утро поднялся ветер. Съевшись возле костра, я дремал сидя. И тут снова, примерно с того же места ниже по течению, послышался непонятный треск, а затем шлепки по воде. Я встал, осторожно взял ружьё, дробовой патрон заменил на пулю и медленно двинулся в нужном направлении. Кусты смородины и ивняк препятствовали незаметно подойти к изгибу речки, цепляясь за одежду. Когда вышел к воде, увидел на плёсе остатки нескольких крупных хариусов и огромные медвежьи следы на песке. Причём там заметил и следы выдры. Стало ясно: ночью охотилась выдра, а к утру медведь пожаловал на завтрак. Я стоял неподвижно и каким-то чутьём ощущал неподалёку присутствие косолапого. У меня абсолютно не было желания играть с ним в прятки, поэтому обратно вернулся к костру.

Минут через двадцать я снова был в пути. В одном месте встретил целую стайку ворон, которые далеко не улетали, а, усевшись на деревья, назойливо каркали и атаковали огромную сухую осину с надломленной верхушкой. Вся испещрённая дуплами, без коры, с глубокой трещиной в стволе, она явно чем-то привлекала их. Вынул топор из рюкзака и несколько раз сильно ударил обухом по стволу. Вниз полетели сломавшиеся остатки сучьев. Я еле успел отскочить, но один из кусков всё-таки зацепил острым концом рукав моей куртки. Отойдя ещё на несколько шагов назад, заметил, как несколько диких пчёл выползли из дупла. Как сонные большие желтобрюхие мухи, они медленно расплозились вокруг отверстия и замерли. Только теперь я понял, откуда внизу восковые хлопья, похожие на соты. Хитрые вороны наперняка упорно пытались полакомиться остатками пчелиного мёда.

Затаившись за кустами можжевельника и проявив немного терпения, успел сбить самого наглого ворона.

Только на следующий день я добрался до лесной избушки. Промокший и измотанный, протопил избушку и после ста граммов проспал до вечера. Великое блаженство испытал, когда проснулся в тельняшке и трусах на лосиной шкуре и в тепле. Не торопясь, оделся, заправил лампу соляркой из имеющихся запасов, после чего на улице разжёл костёр. Прошлогодние запасы сохранились в целости, кроме сухарей. Мышь каким-то образом добралась до мешка, висевшего на проволоке, и половину сухарей успела сгрызть, да ещё помета оставила внутри вдоволь. Впрочем, ничего трагичного в этом не было, ибо продуктов хватало, по крайней мере, дней на десять-двенадцать. Обычно на охоте всегда стараюсь готовить еды побольше, из расчета на сутки, либо рано утром, либо вечером. К тому же всегда балую себя свежими хлебными лепёшками. Способ приготовления простой: взять любые макаронные изделия, лучше вермишель или лапшу, залить тёплой водой и мешать до тех пор, пока не получится замес в виде теста. После чего в любое растительное масло или животный жир выложить лепёшки на сковороду либо в металлическую миску и поставить на горящие угли или на плиту. Вот и всё.

В течение первого дня охоты поставил около десятка силков на глухаря и обошёл половину угодья. Ничего необычного не заметил: численность дичи была средняя, зато лосиные тропы встречались повсеместно. Вечером следующего дня на личинки короедов наловил шесть хариусов. Всё шло своим чередом. Через четыре дня снял силки. Выпотрошенные тушки глухарей и одной глухарки плотно уложил в кадку, предварительно подсолив, а затем опустил в холодную яму, прикрыв можжевельновыми ветками. Однако когда сгребал содержимое зобных мешочков, среди камешков заметил пару продолговатых «зернышек», не похожих на остальные. Внимательно приглядевшись, потёр об рукав, даже лезвием ножа царапнул, и только тогда дошло до сознания, что оба камешка – есть ни что иное, как золотые самородки.

Странное чувство охватило меня в первые минуты, но потом я положил их в полиэтиленовый пакетик и спрятал в нагрудном кармане. Казалось, я нисколько не поддавался искушению, а мысли калейдоскопом вертелись в голове. Ночью долго не мог уснуть от навязчивых вариантов поиска золотых самородков. Вскоре моя внутренняя эйфория улетучилась. Я прекрасно отдавал себе отчёт, что, конечно же, никаким поиском золота не буду заниматься. Как тут не вспомнить рассказ отца о подобном случае, когда мой прадед также обнаружил

самородок величиной больше, чем ягода смородины, и никому об этом не говорил и не показывал находку вплоть до своей кончины. И дед остался тоже верен своей тайне, когда своему сыну рассказывал об этом, после чего выбросил жёлтый камушек в омут на глазах моего отца. Остаётся только очередной раз преклониться перед мудростью старых людей.

Через день с богатой добычей я покинул угодье. Обратная дорога была гораздо длиннее, но легче, так как половину пути спустился вниз по течению реки на резиновой лодке, которую хранил в избушке не один год. До сих пор я храню свою тайну, и самородки Субача – тому подтверждение.

ЗИМНЯЯ ОХОТА

Всё произошло мгновенно. Удар лапой по плечу был таким хлёстким, что я не понял даже, как очутился в трёх метрах от большой сосны, где до этого стоял. Распластавшись на земле, услышал короткий хлопок выстрела и страшный прерывистый рёв зверя. Поднявшись на ноги, заметил клубы дыма и услышал треск сучьев недалеко, в сумрачном ельнике.

Шагах в пяти показался отец с ружьём наизготовку. Вытянув левую руку, он указывал под дерево и осторожно сделал несколько шагов в сторону от меня. Я молча шагнул к тому месту. Но как только увидел блестящий ствол своего ружья, опомнился. Видимо, когда летел в нокауте, выронил свой «ГОЗ-ак». Как ни странно, никакой боли не чувствовал и не испытал никакого страха, хотя ясно осознавал, что произошло. Пока поднял ружьё, раздался ещё один выстрел, уже в противоположной стороне. Я осторожно поднёс приклад и приложил его к плечу. Повернувшись на звук, я стоял и не дышал. После некоторой паузы услышал крик отца: «Иди сюда, посмотри на своего обидчика, какой красавец!» Быстро пробравшись через густой подрост, в двух шагах от себя увидел огромную мохнатую тушу медведя. За заливком текла густая тёмная кровь, и слышалось тихое хриплое сопенье. Зверь лежал без движений. Взъерошенный мех, покрытый комками мокрого снега, иголками, шишками и остатками моха, имел неприглядный вид. Через несколько минут туша чуть вытянулась, и сопенье прекратилось. Отец сидел на валежине и что-то про себя напевал. Потом вскочил, как молодой, несмотря на свой преклонный воз-

раст, и тихо произнёс: «Пожалуй, это последний, больше вряд ли удастся, постарел. Ну да ладно, сынок, делай костёр, чаю попьём, да и тёплая вода нам потребуется».

Подложив под бока медведя валежины, я начал заниматься своим делом, а отец ловко орудовал ножом. Через час, пока Иван Андреевич баловался горячим чаем, я продолжал свежевать тушу. Медведь был упитанный, жировая подкожная прослойка была почти в палец толщиной. А ещё через два часа разрубленные части уложили на лапник. Четыре клыка я оставил себе на память. Было ясно, что возраст медведя-самца достигал 15 лет, но непонятно было, почему зверь не в берлоге, ведь уже середина ноября. Возможно, какая-то веская причина была тому объяснением. Можно было выдвигать разные версии, однако наиболее близки к истине были две: либо упало дерево на берлогу, либо непрощеный «гость» вынудил медведя покинуть свое «жилище». Подвесив на шест два куска мяса, мы с трудом добрались до избушки. Ну а потом я уже сам к ночи выгатажил в два приёма оставшуюся часть добычи. А на следующий день сходил ещё раз за шкурой.

Отец, старый мудрый охотник, не раз высказывал мысль, что много медведей промыслять нельзя, это грех, поэтому после каждой добычи надо прочитать особую молитву в знак благодарности природе-матушке. К этому я отнёсся скептически, хотя без всяких возражений повторял за отцом заветные слова. Но через два дня отец захворал и на охоту не ходил. Как назло, и погода не давала покоя: то ветер, то снег.

Пешком с трудом обходил уголье и проверял капканы. Добыл всего пять куниц. Главное – надо было решить, когда собираться домой. До ближайшей деревни – 36 км, а снегу уже навалило порядком. К тому же остался непроверенным дальний участок, верховье Кумигель, что в 14 километрах от избушки.

Отец больше отлёживался и пил травяные настои, ибо к таблеткам относился с недоверием.

Ещё через день я собрался и засветло отправился в путь. Утопая в снегу и во мху по колено, с трудом преодолевал низины и болотца. Хоть и старался выбирать сухие места и бугры, практически ничего не выигрывал, так как наматывал дополнительные километры. В одном месте поднял здорового глухаря и, стреляя влёт, промахнулся. Обидно, но очень трудно в ельнике поразить птицу, которая лишь на несколько мгновений покажется перед глазами во всей своей красе. И успеть среагировать, да ещё точно попасть – довольно сложно даже опытному стрелку. Да ну и бог с ним, с глухарём. Ведь такая красота в лесу! Приодевшись в белые шали, сотканые из снежных хлопьев,

деревья и кусты красовались друг перед другом. Посвежевшие сосны, разбросав пучки иголок, кружились в хороводе, испуская приятный смолистый запах. Лёгкий ветерок небольшими порывами срывал с веток сотни снежных бусинок, которые веером тихо осypались на заснеженную землю.

Морозец украсил мои ресницы, усы и бородку тонким инеем. На душе было радостно и тепло. Однако, не дойдя примерно пару километров до первого капкана, присел отдохнуть на корягу. Снял рюкзак и куртку, нагнулся вытряхнуть снежок из голенища сапога, и тут неожиданно на спину сверху что-то грохнулось. Я ничком плюхнулся в снег. Торопливо перевернувшись, поднял очумелые глаза и заметил, как, махая огромными крыльями, скрылась между еловыми ветвями большая серая сова. «Так можно и заикой стать», – недовольно пробурчал я вслух, аж дыхание перехватило. Отряхнувшись, достал термос и сделал несколько глотков крепкого чая. Но главное приключение, едва не обернувшееся трагедией, ожидало меня впереди.

Первый капкан был пустой, но, подойдя ко второму, ещё издалека заметил висячую добычу. Это был кидус (помесь куницы с соболем). Редкая добыча в наших лесах, и это вдвойне приятно. Третий капкан сработал впустую. Заметно было, что какая-то хищная птица пыталась поживиться приманкой и задела сторожок.

Взбираясь по отвесному склону на бугор, где установлен был последний капкан, я, цепляясь за ветки поваленного дерева, упрямо старался вскарабкаться на козырёк. Когда уже добрался до края – соскользнул и кубарем покатился вниз. Хорошо, успел ружьё выпустить из рук. И тут тупой удар в спину заставил меня вскрикнуть от острой боли. В глазах всё поплыло кругами, и ощущение беспомощности охватило меня, потому что левая половина туловища совсем онемела. Не так просто оказалось встать на ноги, держась за ствол молодой осины. Сразу понял, что вряд ли смогу самостоятельно передвигаться.

На месте падения наконец заметил большой, торчащий из-под снега сосновый сук. Затем срезал осиновый шест и, опираясь на него, добрёл до ружья. Понял, что нагибаться не могу, а сильное жжение в пояснице и левом боку напомнило о серьёзности травмы. Невозможно было глубже вдохнуть, ибо тут же пронзительная боль изнутри подпирала дыхание. Не растерявшись, разделся по пояс, рубашку сложил в два слоя и, туго обтянув грудную клетку, на выдохе завязал узлом рукава.

Надев свитер на голое тело и сверху куртку, осторожно, опираясь на шест, двинулся в обратный путь. Каждый пройденный километр давался мучительно тяжело.

Частые остановки отнимали и без того драгоценное время. Когда совсем стемнело, практически я прекратил движение. Выбрав получше место для ночлега, разжёг костёр. Однако не прошло и двадцати минут, как увидел мелькающий луч от фонарика. Ну, конечно же, это отец направился навстречу мне по моим следам. Через два часа мы добрались до своей избушки.

Я ещё неделю отлёживался и только после этого мы с отцом отправились домой, но уже на лыжах. А добытое мясо потом вывозили на лошадях. На этом зимняя охота была для меня закончена.

СОПЕРНИК

В первых числах ноября резко потеплело. Мокрый снег хлопьями валил целый день. Несмотря на непогоду, я готов был рвануть на Большой Субач, но что-то удерживало меня от рискованного решения. И, может быть, правильно, хотя день пропал даром. Зато отлежался в избушке от ежедневных утомляющих хождений по лесу. Глухарей в этом году немного, но я был доволен. Целый бочонок тушек дичи уже успел упаковать в яме. Такому способу хранения мяса без соли меня научил отец ещё в детстве. Принцип прост, но требует соблюдения нескольких условий. Используется берёзовый бочонок либо кадка. Ёмкость окуривается вначале дымом от зажжённого пучка осоки. Затем выпотрошенные тушки плотно укладываются рядами (в воде не промываются) с несколькими мелкими можжевельновыми веточками без плодов и под гнётом закрываются крышкой. Края крышки обмазываются глиной. После этого «упаковывания» ёмкость сразу опускается в свежерытую яму округлой формы глубиной не менее 2-х метров. Сверху яма закрывается настилом из сложенных прутьев и толстым слоем мха, чтобы сохранить внутри постоянную температуру, а также во избежание попадания лучей солнца и воды.

Вот так в старину на Севере, когда соль ценилась, как золото, выходили из положения.

К вечеру небо прояснилось, и порывами задул восточный ветер. Прислонившись боком к стене, полулёжа, нехотя жевал копчёного рябчика и молча смотрел на мерцающий свет лампы. Фитиль коптил от горячей соляры, и угарный запах заполнял избу. Приоткрыв дымник, я снова улёгся и размышлял о завтрашнем дне. Приятно валяться на лосиной шкуре, и думается тут лучше, быть может, появилась некая уверен-

ность в близком успехе. Даже про себя представлял завтрашнюю встречу с давним соперником – рысью, может, наконец, попавшейся в капкан. Уже два года прошло, как я охотился за этим лесным котом. Один раз даже удалось увидеть его, хотя и мельком. Большой, рыжий, с чепрачным оттенком, и белыми лапками самец обыгрывал меня по всем статьям. Осторожный, ловкий, бесшумный зверь, как мне казалось, даже не боялся моих следов и запаха, он как будто играл со мной.

Неделю назад я навязал ему очередную «игру» – поставил два капкана в его владеньях, что на Большом Субаче, в 14 километрах отсюда.

Проснувшись очень рано, приготовил рюкзак, полакомился остатками «люля» (рыбное филе кусочками, запеченное с сухариками на рыбьем жиру) и запил брусничным чаем (из брусничных листьев).

Прошло некоторое время, пока я осторожно пробирался через бурелом. Наконец через час вырвался из этой свалки и поднялся на бугор. Перед глазами во всей своей красе простиралась безбрежная тайга. Разными цветами играли дымчатые осинники, шелковистые сосняки и лиственничные склоны. Отчётливо заметно было, как причудливыми змейками пробивались ручьи через тёмные низины и болотца. Побелевшие от снега кроны деревьев придавали всей панораме серебристый оттенок. Я стоял и смотрел, как будто первый раз видел подобное чудо. Да, матушка-природа умеет заморозить душу человека не только красотой, а какой-то таинственной притягательностью.

Далее мой маршрут пролегал на восток по параллели. Сапоги утопали во мху, а мокрый снег, хоть и неглубокий, сковывал движение. Перед выходом на болото поднял глухарку, которая села на сушину прямо передо мной, в двадцати шагах. Однако добыть такой трофей я не испытывал желания и, не останавливаясь, подошёл почти в упор, пока птица не перелетела на соседний бугор. Быстрым шагом я пересёк болото и, когда уже очутился в ельнике, по неосторожности провалился чуть ли не по пояс в торфяную яму. Разозлённый на себя за недопустимую небрежность, уселся на валежину, снял промокшие сапоги и брюки. Судя по местности, я прошёл лишь чуть больше половины пути. Хорошо, что взял спортивные трико и сменные носки. Быстро переодевшись, двинулся дальше. Несколько раз замечал небольшие выводки рябчиков, а у Красного ручья обнаружил свежие следы куницы. Но «тропить» не стал, так как времени оставалось мало. Нужно было успеть до темноты проверить желанные капканы.

Удивительно, но белки практически не было, даже в «чистых» ельниках, хотя урожайность шишек была хорошей. Ещё в августе наблюдалась массовая миграция зверьков в южные районы. Честно говоря, для меня причина такого явления осталась загадкой. И сейчас, двига-

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Когда я утром вышел на болото, то сперва присел на поваленную сушину. Дымчатая панорама бескрайних моховых подушек и островов переливалась разными цветами: от бледно-розового мха до тёмно-красной клюквы, рассыпанной «горошком» повсеместно. А разнолистная болотная трава сверкала жёлто-рыжей мозаикой. Лишь пожухлая пушица свесила почерневшие головки, и осока местами выцвела. Коротко стриженный сфагнумовый «ковёр» сверкал водяными бурыми пятнами. Пробившиеся лучи осеннего солнца озарили верхушки деревьев и полосками легли на сосновые стволы. Сотни теней проложили пунктирные линии среди сухостойных деревьев с причудливыми голыми ветвями. Болото просыпалось от ночной мглы и дышало испариной. Посередине его, образуя небольшие заросшие озерца, петлял ручей. Вода в нём была чёрная, а берега – ржавые. Внимательно приглядевшись, среди соснового подростка заметил светлое пятно в крапинку, которое двигалось то влево, то вправо. Трудно было различить и определить, что или кто это. Наконец, вырисовался контур некоего животного на четырех ногах. «Ну да, конечно, это олень, самец с огромными рогами», – уверенно решил я, когда на свету высветились шикарные светлые рога. Продолжая внимательно наблюдать, я не заметил, как рядом, слева от меня, прилетели на клюкву сразу пять тетеревов. Расселись шагах в тридцати от меня и принялись «завтракать». Долго не решался стрелять, но не выдержал. Как только пара косачей оказалась рядышком, я выстрелил. Глухое эхо прокатилось по округе. Дым медленно рассеивался. Одна птица лежал без движения, а вторая ещё трепыхалась. Остальные разлетелись. Но моё внимание было уже вновь обращено на противоположную сторону болота, где мирно кормился рогатый красавец. Зверь находился на том же месте. Звук выстрела не испугал его. Осторожно хлюпая по воде и утопая по колено во мху, я всё же подобрался к трофеям.

Дальше я посидел ещё с полчаса, но потом удалился с этого места. Поднялся по ручью до вырубки, проверяя силки на глухаря. В трёх местах птица порхалась, но петли упали, неизвестно почему, и результат был нулевой. Уже в конце тропы последний силок сработал на славу – глухарь попался килограммов на семь. На душе сразу теплее стало. Да ещё кругом такая красотища! Старая вырубка «горела» красными осинниками, высокие сосны красовались рыжими стволами и увесистыми хвойными «шапками». Ёлки-красавицы куртинами, как

Проснулся ночью от холода. Весь продрогший, сначала разжёт потухший костёр и больше до рассвета уже не спал.

Затем – снова в путь. Тонкий наст от лёгкого морозца предательски хрустел под сапогами в лесной тиши. Не пройдя и километра, я увидел, что следы привели к большому корневищу и исчезали в расщелине между корнями. Сразу срубил толстый шест и медленно просунул один его конец в глубь ниши. В ответ услышал прерывистое злобное рычание. Обессиленный зверь не собирался сдаваться. Впрочем, я и сам не знал, как его утихомирить. Стрелять нельзя было, а убивать шестом рука не поднималась... Выдержав паузу, решил выманить кота к выходу. Несколько раз зверь цепко хватал зубами конец шеста, но как только я начинал его выгаскивать, он тут же отпускал обратно. Тогда использовал самый испытанный приём. Сорвал несколько пластов бересты с берёзы, зажёг и начал выкуривать зверя. Рысь не выдержала и выбралась наружу. Я успел сапогом прижать туловище, и тут же почувствовал пронзительную боль в стопе. Однако в считанные секунды, точно по голове, нанёс несколько ударов тяжёлым шестом. Сильный и ловкий зверь извивался, как змея, но я уже не обращал внимания. Бросив шест, присел на снег и снял сапог. Носки промокли от крови, и рваная рана не предвещала ничего хорошего. Из кармана рюкзака достал бинт и наложил повязку. Пока я занимался ногой, зверь, видимо, получив смертельный удар, лишь отполз шагов на десять и дёргался в конвульсиях. С трудом натянув сапог, поднялся с земли и, хромя на одну ногу, направился к добыче.

Выбрав направление по компасу, медленно и осторожно поплёлся обратно домой. Боль в стопе не давала покоя, и часто приходилось останавливаться. Самым тяжким испытанием было преодоление бугров и возвышенностей, но приятная ноша придавала силы.

В полной темноте я дошёл до знакомого бурелома, сил больше не осталось, и я решил заночевать. Превозмогая боль и усталость, разжёт костёр и кое-как нарубил елового подростка. Уткнувшись головой в рюкзак, я довольно долго пролежал в таком положении.

Ночью потеплело, но от этого легче не стало, так как поднялся жар, и во всём теле ощущалась ломота. Благо, таблетки аспирина помогли выдержать бессонную ночь.

Как потом дошёл до избушки, одному богу ведомо. Помню, что три дня отлёживался в своей «берлоге», пока рана не начала заживать. До сих пор остались «отметины» на коже от рысиных зубов, напоминающие мне тот поединок с сильным и хитрым соперником.

ясь вперёд, мало обращал внимания на любые следы на снегу, кроме рысиных. Но пока их не было, несмотря на традиционное место обитания этого зверя, где я находился сейчас.

Первый капкан был пуст. Иного и не стоило ожидать. Уставший и промокший, я отлежался под елью, затем немного пожевал варёного мяса с сухарями. Вокруг меня сновали рыжие длиннохвостые кукушки, незаметно перелетая с одного дерева на другое. Где-то рядом чёрный дятел застучал дробью, и раскат его «очередей» катился гулким эхом по округе. Вот над верхушками елей с писком пронеслась стайка клестов. А над головой порхает неугомонная желтогрудая синица, всё время пытаясь ближе рассмотреть меня со всех сторон. Живая тайга, видимая и невидимая глазу, по-своему готовилась встретить холодную снежную зиму. Лишь слабые звуки и шорохи изредка нарушали птичье пение. Приукрашенные снегом деревья как будто съжились, прижимаясь друг к другу.

Я нехотя поднялся на ноги, закинул рюкзак на плечи и поспешил дальше, держа в одной руке ружьё. Не дойдя шагов десять до капкана, заметил долгожданные следы. Тут же вскинул ружьё и осторожно подкрался к месту. Увы, но под ветвистой крышей висел кусок цепи, виднелся изрытый до земли снежный пяточок на месте капкана, размытые капли крови, сорванные ветки, ошмётки приманки... В общем, было ясно, рысь, оторвав цепь, ушла с капканом. Внимательно осмотрев остаток цепи, заметил, что ржавое звено лопнуло от сильных рывков. «Вероятней всего, это произошло вчера, – прикидывал я про себя, – надо «тропить» сегодня, сколько успею».

Охватившее волнение и огромное желание во что бы то ни стало взять заветную добычу только придали мне сил и уверенности. Началась погоня. Рысь сначала петляла, а затем, через полтора-два километра стала держать направление прямо на север. Капкан был с двумя пружинами взвода, поэтому освободить переднюю лапу она вряд ли сможет. По следам было отчётливо видно, что зверь двигался чуть боком и сильно отталкивался обеими задними лапами. Наконец он отлежался, видимо, ночью, под поваленным деревом, так как дальше следы уже были свежими. Сейчас преследуемый уже не выбирал склоны, а упорно спускался вдоль ручья. Зверь явно искал себе убежище, ибо «изучал» каждую валежину, поваленное дерево и нору.

Однако быстро стемнело, и я вынужден был прекратить погоню. Нашёл подходящее место в ельнике. Соорудил из лапника лежанку и с большим трудом в темноте отыскал несколько сушин. Возле костра обсушился, как мог, сменил мокрую рубашку, напился чаю с сухарями и улегся отдохнуть.

на подбор, распушились за лето ярко-зелёной одежкой. Золотистой листвой украшали холмы берёзы. А на земле разноцветный ковёр из листьев мягко шуршал под ногами. То и дело стайки клестов с разноголосой трелью пронеслись туда и обратно. Неустанные дятлы проверяли каждую сушину и ковырялись в трухе сгнивших берёз. Даже старая дорога-«ледянка», по которой вывозили на конных волокушах в сороковые годы отборный «строевой» лес, давно уже покрытая мхом, обозначила своё направление ровными строчками бледных поганок и зелёными пятнами лишайников на гальках. Я шёл неторопливо в сторону просеки, оглядываясь на стену леса, которая отсекала край вырубки. Затем, углубившись в сосняк, обратно взял курс на болото, откуда начинал проверку ловушек. Мне так захотелось встретить оленя, что, спотыкаясь, порой вприпрыжку, почти бегом добежал до ельника. Потом, постепенно успокоившись, с трудом преодолел кочковатую заросшую кустарником низину, то и дело проваливаясь в ямки с водой. Понадобилось ещё полчаса, чтобы выйти к восточной части болота. Здесь менее топкий слой трясины, и больше напочвенной растительности. Окинув взором даль, увидел, как синей полосой тянулась лесная кромка, окаймляющая болотные просторы. Было уже светло, исчезла туманная дымка. Сочными бликами и красно-бурыми пятнами светилось болото, и лишь озерки играли зеленоватым цветом. Узорчатые кромки лоснились сосновым молодняком. Где-то далеко изредка курлыкал одинокий журавль, видимо, отставший от стаи. Рогатого оленя не было видно нигде. «Ушёл, – подумал я, – жаль, хороший трофей упустил».

После некоторых раздумий я решил заночевать не в своей избушке, а в другой, старой, почти заброшенной, что в нескольких километрах отсюда. Прошла пара часов, прежде чем я отыскал жилище. Когда-то я уже бывал здесь, но позабыл бугор, на котором стояла избушка, построенная 73 года назад, о чём свидетельствовала дата, нацарапанная ножом в углу стенки. Кстати, построена она была без единого гвоздя, древним замковым способом, печь сложена из камней, а размеры жилища составляли всего 2х1,8 метра. Это была практически на одного человека рассчитанная избушка. Обойдя вокруг, обнаружил, что верх крыши сгнил и провалился. Недолго думая, снял полосами бересту, вырубил из молодых сосен полутораметровые чурки, окорил, заготовил и вытесал полукруглые, с пазами, болванки по два с половиной метра и заменил сгнившую половину крыши, тоже без единого гвоздя. Внутри подмёл грязь, мусор, вытряхнул оленью шкуру, в лампе заменил фитиль и залил соляркой (благо был

запас, оставленный в бутылке кем-то). Казалось, сделал всё, но обнаружил отошедшие два боковых бревна из-за прогнувшегося напрочь угла. Пришлось стальной ложкой выкопать вручную две ямы и ставить стойки по обеим сторонам угла. Затем забить упоры и лишь после этого мхом заполнить все щели с помощью деревянной лопатки. Вспотевший и умаявшийся, лёг внутри на полати и уснул. Очнувшись от стука. Оказывается, дверцу не закрыл, а поднявшийся ветер хлопал ею. Хорошо, что ещё не совсем темно было. Быстро заготовил дрова, нарубил помельче, на растопку печки. На улице соорудил костёр, сварил кашу с тушёнкой, вскипятил чайник, а потом плотно поужинал. После этого затопил печку «по-чёрному», сам лёг на оленью шкуру и смотрел, как синий дым плавает под потолком. Открытый дымоход хотя и вытягивал густой сизый дым, но камни долго не нагревались. Мысли в голове сменялись на мотивы песен, которые всегда любил напевать вслух. В конце концов в тёплой избушке, раздевшись до майки и спортивных брюк, начинал засыпать, думая о завтрашнем дне.

Утром, проснувшись в привычной манере с поджатыми под себя ногами, прислушался, приоткрыв дверцу. Прохладный свежий воздух обдал холодом, слышно было, как шумели сосны и ели, стоящие вокруг избушки. Вышел и – замер: около десятка тетеревов гроздьями висели на двух берёзах. Затаив дыхание, медленно, одной рукой, нащупал в углу домика ружьё, поднёс к плечу и выстрелил. Сражённый дробовым зарядом с близкого расстояния косач камнем упал на землю. Шумно хлопая крыльями, остальные разлетелись. Вот так начался новый день, день, который в моей памяти останется навсегда вот почему.

С бодрым настроением спешил на болото. Мысль ещё раз встретить рогатого красавца не покидала меня. В душе теплилась, казалось, несбыточная надежда.

Болото встретило меня сумрачной картиной. Северные ветры подгоняли разрозненные облака, тайга шумела. Высокие вековые ели медленно качались и махали ветвями, осыпая землю тысячами хвоинок, а сосны трещали, раскидывая сухие веточки и прошлогодние шишки, жёлто-красными «фантиками» кружилась листва...

Я прошёлся по краю болота до поворота и направился к небольшому лесному островку метрах в трехстах от меня. Моё любопытство было удовлетворено. Не дойдя ста метров, я увидел выскочившего оленя с огромными разветвлёнными рогами, с седой бородой и чёрной холкой. Легко перепрыгивая моховые холмики, он направлялся пря-

мо через болото. Я вскинул ружьё, но было уже далековато, стрелять не стал. С досадой я смотрел на белое рогатое пятно, удаляющееся всё дальше и дальше. Вдруг животное как-то неуклюже упало на бок, и виднелась уже только голова. «Неужели провалился? – подумал сразу я. – Точно, видно, как пытается передними ногами зацепиться». Я скинул ружьё, рюкзак бросил у островка, поднял бродни, вырубил несколько ёлок и длинную сосну. Ухватившись локтями за ветви, потащил сначала два деревца. Сапоги проваливались в трясине и вязли, но я упорно продолжал приближаться. Подойдя ближе, увидел, что старый самец, сильный и ловкий, по нелепой случайности угодил прямо в торфяную яму. Животное мужественно боролось за свою жизнь. Выпучив огромные блестящие глаза, олень фыркал и старался передними ногами зацепиться за растительный слой, но ему не хватало какого-то одного рывка. Копыта рвали покров, и олень снова уходил в чёрную жижу почти до ушей, затем выплывал и на плаву отдыхал, тяжело дыша. Я бросил сначала одну ёлку, затем вторую подsunул ему под брюхо. Олень не сопротивлялся, и лишь удивлённо пялился на меня. Когда я вновь притащил сосну и ещё одну ёлку, уставший зверь хрипел, но всё ещё держался на плаву. Я совсем близко подошёл к яме и комлевой конец сосны просунул ему под брюхо и упёрся им в торфяник. Потом начал приподнимать тушу изо всех сил. Животное перевалилось набок и, упёршись одной передней ногой и барахтаясь, резко попыталось вылезти, но свалилось обратно в яму. Бедный олень обессилел полностью, он уже не сопротивлялся, а я поддерживал его туловище, как мог. Отдышавшись минут пять, я уже, весь в жиже, грязи, мокрый до нитки, успокаивал его, разговаривая с животным: «Ничего, прорвёмся. Потерпи, мы с тобой всё равно победим!» Через некоторое время я опять заставлял его сделать очередной рывок. Снова начал приподнимать снизу и кричал во всю вселенную: «Давай, давай, дорогой!»

Закинув голову, я из последних сил мычал и орал: «А-а-а!» И тут вежа переломилась, конец ударил меня прямо в лоб, и я упал. Выругавшись, я встал и поднял глаза. В пяти шагах от меня стоял, качаясь, спасённый олень. Чёрная грязь стекала с его боков, ноги дрожали. Из пасти тянулась пенная слюна. Через несколько секунд олень присел на задние ноги и, повернув ко мне голову, смотрел на своего спасителя красными, безразличными глазами. Испарина окутала его, и хриплое дыхание постепенно выравнивалось. Я сидел весь в грязи и держал рукой лоб, крови не было, но шишка ощущалась. Затем тяжело поднялся на ноги и сказал: «Ну вот, браток, выбрались. Так что живи и

больше не падай в яму». Медленно я побрёл к островку. Присел на валежину, разжёг костёр, разделся до трусов, развесил на колья мокрую одежду. Хорошо, запасной свитер и теплые носки были, и в таком полуголом виде я смотрел на оленя, который медленно, останавливаясь, двигался вперёд. Когда он достиг стены леса, минут десять стоял и смотрел в мою сторону, а потом исчез среди деревьев. А я, дрожа от холода, пытался согреться у костра. Лишь через час, измученный, но счастливый, я тоже покинул болото. Как в дальнейшем сложилась судьба красавца оленя, одному Богу известно. Надеюсь, он благополучно доживал свои годы.

ЗНАКОВЫЙ СЛУЧАЙ

Только успел перейти старую вырубку, как стеной полил прямо как из ведра сильный ливень. Почти бегом перебрался сквозь можжевельник и юркнул под густой «шатёр» мохнатых елей. Обмотав вокруг себя ворох сухих веток, уселся поудобнее. Верх рюкзака успел промокнуть, впрочем, куртка также отсырела и от пота, и от дождя. Под густым зелёным навесом было сухо и тепло. Тяжёлые свинцовые чёрно-фиолетовые тучи висели над моей головой, поглощая остатки дневного света. Зловеще сверкали блики ярких молний, громовые раскаты, казалось, раздвигали массивные тучи. Однако ливень не утихал. Вдруг белая ярчайшая вспышка слева от меня на мгновение осветила ближайшую округу, а затем я услышал совсем оглушительный грохот. Единственное, что успел, – это сгруппироваться, поджав колени к груди, и резко опустить голову вниз. Очнувшись, не сразу сообразил, что произошло, но чувствовал сильное жжение левого плеча и шеи. Я лежал лицом вниз на земле, придавленный сверху огромным суком. Колючий лапник застрял в волосах и упирался острым суком в висок. Осторожно освободившись от нагромождений, с трудом уселся и обнаружил прожжённый рукав куртки и оголённое плечо.

Обожжённая кожа, покрасневшая и покрытая мелкими водяными пузырьками, «горела» нестерпимой болью. Хорошо, что ссадина на шее лишь немного кровоточила. Оглядевшись, заметил, что рядом стоящая ель обломана в срединной части и раздвоена почти до комля. Клубы дыма мутной пеленой тянулись в глубь леса, оставляя за собой сизый шлейф.

Морозящий дождь гнетуще действовал на меня, так как не хотелось промокать. Отсюда до избушки оставалось не более двух километров, и я, наспех наложив сухую повязку на рану плеча, удалился с этого проклятого места. В пути случайно набрёл на ещё одно дерево с расщеплённым молнией стволом. И только тогда дошло до меня, что всего лишь час назад шаровая молния скользнула по моему плечу, а ведь могло быть и хуже. Обычно подобные явления с человеком происходят редко, но странно было осознавать, что, казалось бы, в безобидной ситуации по роковому стечению обстоятельств могла произойти трагедия. Хотя я и не суеверный, но лёгкий мандраж от таких рассуждений всё-таки испытал. К тому же, пройдя ещё несколько сот метров, обнаружил небольшой обгоревший участок, ещё дымящийся, на склоне бугра. Прямо-таки какое-то наваждение. Ведь и впрямь, какой-то огненный град посыпался на вековую тайгу.

Наконец, небо совсем просветлело, и умеренные порывы ветра освежили лесную прелость и духоту, наполненную смолистым запахом. Дружно, стараясь пересвистеть друг друга, заливались рябчики. Пёстрый коростель о чём-то щебетал с назойливой синицей. Красногловый дятел снова застучал на сушине. Крупная капель стекала с веток деревьев. И лишь невозмутимый коршун кружил над своей вотчиной, широко расправив крылья. Рой мошек облепил моё лицо, отчего я беспомощно махал рукой, пытаясь отбиться от них. В конце концов всё-таки потопал по узкой тропинке до избушки. Мокрую одежду развесил около печки и только после этого обработал обожжённое плечо раствором марганцовки и вновь наложил повязку. Понимая, что рана нескоро заживёт, стал ограничивать физические нагрузки на левую руку. Но самым мучительным испытание было стрелять из ружья, так как я левша. Даже когда пришлось глухаря добывать вторым выстрелом, аж вскрикнул. Поэтому в последующие дни ружье с собой уже не брал.

В один из вечеров произошёл случай, который до сих пор не могу забыть. Обычный тихий тёплый вечер «бабьего лета» ничем не отличался от предыдущих. Сидя около костра, я медленно курил, терпеливо выжидал, когда закипит чайник. Прислушиваясь к шорохам, порханию птиц, жужжанию одиночных насекомых, редким отдалённым шлепкам на воде, я заметил неожиданно возникшее яркое светящееся пятно над горизонтом леса. Оно двигалось то влево, то вправо, а потом постепенно увеличилось и вытянулось в форму выпуклой «лепёшки». Затем скрылось за ближайшим лесом. Через несколько секунд

вновь вынырнуло и повисло над верхушками деревьев. Я затаил дыхание и напряжённо пытался рассмотреть все оттенки свечения. Причём свет не слепил глаза, и на тёмном фоне неба пятно сохраняло чётко выраженный контур. Мне казалось, что неизвестное светило не так уж далеко. Возможно, это был какой-то оптический обман или какое-то газовое свечение в атмосфере, но я отчётливо видел это светило в объёмной форме. Прошло несколько минут, и «оно» плавно, очерчивая синусоиду, переместилось в другом направлении и унеслось за горизонт. Больше я его не видел. Каких-то объяснений по поводу увиденного у меня нет. Рана зажила через три дня после этого случая. А через день выпал первый снег.

БЕЛАЯ СОВА

В какой-то год 25-26 апреля вскрылась река Мезень, что раньше обычного дней на десять. Я тут же отправился на Ирву. Двое суток пробирался сквозь ледяные торосы до своей избушки. На озёрах ранняя весна лишь подняла талой водой ледовый панцирь. Кругом торчали ледяные глыбы, в лесу лежал снег, и я изо всех сил старался быстрее установить вентеля. Выпиливал толстый рыхлый лёд, топором и пешней откалывал куски и таким образом пробивал пласты. За два дня удалось установить всего четыре вентеля и одну сетку в протоке. С реки вода прибывала на глазах и подтапливала берега и лесные массивы в низинах. Щука отнерестилась буквально за несколько дней. Так распогодилось, что везде талые воды бурными потоками стекали в озёра, ручьи и низины. Под напором прибывающей воды почерневший лёд трещал, ломался и, подминая под себя ивняк и молодые деревца, с шумом выпускал холодный пар. Мощные пласты выходили с озёр в реку и смешивались с ледоходом. Ночной шум со скрежетом и треском напоминал о мощи весеннего «разгула». Под утро похолодало. Лишь три дня спустя удалось проверить вставную сетку и два вентеля. Несколько крупных сигов и десятка два щук – таков был первый весенний улов. Но всё ещё было впереди, так как не все снасти удалось поставить.

А пока я занялся заготовкой дров. За день успевал ручной пилой распилить до одной сажени, а вечером делал другие, не менее важные работы: ремонтировал снасти, рубил шесты. Ночью замазывал глиной стенки печки, потрескавшиеся за зиму.

Как-то утром вышел на крыльцо и поразился, глазам своим не веря. Прямо передо мной, шагах в двадцати, на сосне сидела огромная белая птица и моргала своими чёрными круглыми глазами – это была ни кто иная как полярная сова. Да, да, точно она!

Мы глазели друг на друга молча и не знали, что дальше делать. Однако первое движение совершила птица, слетев с ветки в глубь леса. Хотя и оттуда она была видна. Я, проявив любопытство, обошел кругом и заметил, что остатки потрохов и рыбной чешуи привлекли внимание редкой «гостью». Раньше я слышал от некоторых охотников, что в неурожайные годы полярная сова из тундры редко, но посещает нашу тайгу, возможно, это так. Жаль, не успел сфотографировать. Но что поразило, – её огромная белая голова с чёрным клювиком сливается с туловищем, а размах одного крыла – до метра.

«Бу-а, бу-у-а!» – слышалось несколько раз в ельнике. Потом ночью несколько раз специально выходил, чтобы ещё хоть одним глазком увидеть её, но всё было безрезультатно.

Прошло какое-то время. Однажды вечером готовил ужин и решил пожарить несколько сигов с окунем. Рыбу сложил в миску и оставил на улице. Пока выносил картошку, соль, сковородку, заметил, что в миске не хватает самого крупного сига. «Странно», – подумал я и, приподняв голову, оглянулся. Ну вот! Опять на той же сосне сидела сова. Она же и стащила. Я улыбался, а затем т голосом изобразил: «Бу-у-а!» В ответ птица крутанула головой и как «буакнула», я аж остолбенел. Сова опять улетела в ельник.

Ещё несколько раз мне удавалось увидеть эту удивительную птицу, а потом она уже не прилетала.

О подобном случае мне рассказывал отец, когда лет сорок назад, на Большом Субаче, он подкармливал белую сову мелким хариусом. Птица тоже не боялась человека и постоянно подлетала к избушке. Но как только снег сходил в лесу, она исчезала.

Конечно же, столь редкие поразительные встречи бывают не с каждым, поэтому забыть такое невозможно.

МЕДВЕДЬ-УБИЙЦА

Очередной раз в своем уголье два дня подряд обновлял порхалища и ставил новые силки только на глухаря, в отличие от прошлого

года. Снял все тетеревиные ловушки. Птица сейгод почти не выжила. В июне выпал небывалый снег, затем заморозки совсем «обидели» боровую, да и всякую лесную дичь. Редкий выводок сейчас встретишь в количестве больше трёх птиц. Так что осень вряд ли чем порадует, а значит, не стоит промышлять рябчиков, тетеревов, а глухарей тем более. К тому же дождливый сентябрь не давал спокойно, а главное ежедневно бродить по лесу, поэтому занимался в основном рыбалкой на Ирве. Но и на воде не было «сладко». Каждый день промокал до нитки, а тут ещё сетки полдня трясти приходится от осеннего «позолота» – опавшие листья валом набивают за ночь снасти, да так, что поднять не можешь. В принципе обижаться на листопад нечего, пора такая, «золотая». В целом бачок шуки попеременно с сигом уже засолил, поди, килограммов тридцать пять будет.

Через несколько дней задули северные ветра, погода резко изменилась. Ночные заморозки прихватили тонким ледовым панцирем озера и тихие заводи. Вода совсем почернела, поникла еще недавно пышная, зелёная растительность по берегам, пожухла осока, совсем побледнели листья смородины, оголились кусты шиповника. Сказочная, ярко-сочная краска, особенно в прибрежных лесах, начала исчезать, открывая тёмные проседи на фоне вечнозеленых елей. Как-то неуютно, уныло становилось вокруг, хотя, пожалуй, только осина радовала ярко-красным и жёлтым бархатом, шелестя своим убранством. Звонкий прохладный воздух заставил даже надоедливых мошек спрятаться в еловых «шатрах». Вот с опушки поднялась большая стая лесных дроздов и скрылась. Их многоголосое пение долго ещё было слышно округе. Лишь коршун молча парил в вышине, направляясь кругами в сторону болота. Если внимательно прислушаться, везде и всюду можно услышать шорохи, писк и какие-то невероятные звуки. А мелодия порывов ветра всегда принесёт массу удивительных сюрпризов: свист сотен тонких и гибких ивовых веток и монотонный скрип сухостоя, улюлюканье бьющих ключей за бугром и синхронную дробь с трелью чёрного дятла, даже «колокольный» звон гроздьев замерзших еловых шишек.

В приподнятом настроении и с особым вдохновением с рассветом покинул тёплую избушку. Очень уж хотелось побыстрее проверить силки. В одном месте порхался, видимо, сеголетка, но силок был нетронутым. Обновил и очистил от листвы еще несколько ловушек. Старая тропинка петляла через низину, и тут я заметил свежие следы, да таких размеров, что даже удивился. Огромный медведь по моей

тропинке прошёлся шагов двадцать, а потом отошёл вправо. «Так, – подумал я, – это какой-то неизвестный гость». Судя по следам, такого крупного медведя я здесь не видел. Пришлось перезарядить оба ствола на патроны с пулями. Еще около километра прошёл, и снова увидел следы «хозяина тайги». К счастью, недалеко глухарь попался, а медведь, видимо, не учуял. После обхода левого «крыла» угодя я напрямую направился обратно домой. Оставшиеся неподалёку два силка были сорваны. Явно опять поработал медведь. «Стоп! – подумал я, увидев небольшие медвежьи следы, – это не тот «здоровяк», а другой. Да, становится интересно. Вот верзила забрал добычу, оставив пух и перья». Честно говоря, я рассердился, так как медведь утащил мою добычу, а это значит, теперь будет косолапый силки «проверять» и добычу снимать, а не я.

К вечеру добрался до избышки без всяких приключений, с глухарями. Потом их выпотрошил, положил в холодную яму. Из головы никак не выходил тот «гигант», откуда он появился? Вечером выбрал две готовые петли из троса, ранее использовавшиеся на лосей, и решил всё-таки попытать счастья. Утром следующего дня вновь двинулся по путикам. Опять встретил новые следы «новичка», значит, это не проходной, а явно ищет в этих лесах место зимовки.

Догадки оправдались. В двух местах прямо на тропе установил петли на зверя и вернулся обратно в свое жилище.

Через два дня опять шёл по знакомой тропе, по пути снимая силки со сторожков. Вновь обнаружил крупные следы, которые вели прямо к первой петле. Я насторожился, держа на изготовке ружьё. Увы! Матерый зверь закинул петлю в сторону. В дальнейшем такая же картина была со второй петлей. Пройдя вдоль болота и поднявшись на бугор, случайно заметил движущееся пятно на болоте. «Так вот он какой!» – чуть не вскрикнул от волнения. Буро-чёрный клубок медленно двигался на противоположную сторону. Расстояние до него было примерно пятьсот метров. Я наблюдал за ним до тех пор, пока он не скрылся в лесу. Ускоренным шагом двинулся дальше. Не пройдя и трёхсот метров, обнаружил сбоку от тропы разрытую землю, искореженный еловый подрост, сломанные ветки, поваленную сосенку. Вообще казалось, что здесь происходило побоище. Но, когда заметил на мху клочья тёмной шерсти и небольшие капли крови, понял, что произошло что-то серьёзное. Осторожно пробираясь через можжевельник, увидел свежепрямтый холмик. Сверху лежали ветви, мусор и усланный мох. Когда разрыл сбоку слой настила, открылась часть разорванной туши медведя. Постепенно убрал все, что

лежало сверху, и обнаружил жуткое зрелище. Разорванная туша медведя, вся в крови, с остатками trebuхи, грязью, была сложена в свежерытой яме. Через силу я всё же выбил два передних клыка на память, причём определил, что убитому медведю было около пяти лет. Яму не закрыл нарочно, а на подходе вновь установил две петли из троса, предварительно измазав их кровью.

Какое-то отвращение и злость появились к медведю-убийце. Какие причины побудили его убить своего же собрата? Трудно было что-то объяснить, но одно определенно ясно – медведь-«гигант» – зверь опасный. Впервые столкнувшись с такими обстоятельствами, я решил не торопиться. Только через неделю, когда выпал первый снег, я вновь отправился в тайгу на то место. Точно помню, было 7 октября по календарю. Хмурое, не очень холодное утро не вселяло особой уверенности, но больше ждать нельзя было, медведь через несколько дней должен залечь в берлогу. Никакого страха я не испытывал, но был предельно собран и внимателен. В руках – ружьё, на спине, в чехле, висел топор, а на поясе – охотничий нож. Конечно же ожидал, что в любую секунду может произойти непредвиденная встреча с грозным соперником. Однако новых следов в пути не встретил. На месте останков погибшего медведя также следов медведя-убийцы не было. День закончился безрезультатно. После этого несколько дней занимался рыбалкой и решил перед отъездом домой последний раз сходить снять петли.

Падая мокрый снег и, надев капюшон на голову, я медленно оглядывался по сторонам, мягко ступая, двигался по еле различимой тропинке. Дойдя до места, снял петли и, ещё раз убедившись в отсутствии следов зверя, удалился прочь от этого места.

Возвратившись в избушку, начал готовиться к завтрашнему отъезду домой. Перебрал сети и развесил их на перекладине в лабазе, туда же сложил остальное снаряжение и лишнюю утварь. Утром, как обычно, разжёг костёр, поставил чайник и пошёл по тропе за сухими ветками. Продолав всего шагов двадцать, увидел огромные медвежьи следы на снегу, и именно вчерашние. Получается, хитрый зверь всю дорогу за мной наблюдал и преследовал почти до самой избушки.

Может быть, и к лучшему, что встреча не произошла, ибо могла стать роковой наверняка для кого-нибудь из нас двоих. Ведь «хозяином» тайги не только медведя считают, а скорее человек в первую очередь себя относит к этой категории.

Таких огромных медвежьих следов я больше никогда не встречал.

ЛЫСАЯ ГОРА

Случилось это в 2000 году, поздней осенью. Летом нынешнего и прошлого года бушевало в районе около 46 лесных пожаров. Не избежали такой участи и ирвинские леса, хотя здесь пожаров не было за последние пятьдесят лет. Как уцелела моя избушка, одному Богу известно. Кругом всё выгорело, а она, родимая, цела – ни одного повреждения. Когда 2 августа я приехал на лодке, а кругом все дымилось, избушка как бы ждала меня, – вся сверкала на солнце – ни одной искорки и капли сажи. Чуть позже, в сентябре, снова поднялся на охоту и рыбалку. Но сначала обошел уголье. Скажу прямо, тоска такая взяла, хоть плачь: сгорел вековой лес, какие глухаринные места были! Была и еще одна беда, – все двадцать пять вентелей и иных снастей, оставленные весной в лесу, сгорели. Практически все снасти приходилось восстанавливать снова. Ну что было, то было. Решил я обследовать другие участки, подальше, на юго-востоке. Погода шибко не баловала теплом, дули холодные северные ветры, иногда со снегом. Как-то раз, утром, я отправился в путь. Места были не очень знакомые, и я всё время сверялся с компасом. Пройдя километров пять, вышел на гряды сосняков-беломошников, которые почти параллельно ручью растянулись до болота, куда мне и нужно было попасть. Далее от болот – горы, изрезанные ручьями, примыкающие к еловым лесам. Заприметил много хороших мест обитания глухарей, несколько ягодников, лосиные места, даже заброшенную волчью нору нашёл.

Отмечая свой маршрут затесками, я наткнулся на Лысую гору, в прямом смысле этого слова. Отшлифованная ветрами и дождями, тёмно-охристого и серого цвета известковая порода блестела и зубцами уходила вниз, образуя причудливые козырьки. В одном месте из расщелины вытекала чистая вода, но на вкус солоноватая. Я обошел гору и нашел пещеровидные образования. Ниши уходили в глубину извилистыми ходами. У одной такой ниши обнаружил свежие следы крупного медведя и несколько поменьше, величиной чуть меньше моей ладони. На всякий случай зарядил ружьё пулями. Гора сама была невысокой, и снизу её можно и не заметить. Осторожно, оглядываясь по сторонам, отошёл от этого места и двинулся дальше. Обойдя вокруг болота, обратно направился к ручью. Уже стемнело, и силки поставить не успел. А до избушки – около десяти километров, поэтому решил заночевать.

У костра малость обсушился и после горячего чая начал думать. То ли показалось, то ли нет, но перед глазами возле костра мелькнула

ть, похожая на волка или собаку. У меня аж мурашки по телу пробежали. «Что это было? – никак не мог понять я, – ведь ни шороха, ни хруста!»

Затем положил на колени ружьё и подбросил сушину в горящий костёр, чтобы ярче было. Быть может, прошёл час, когда опять повторилось то же самое. Правда, чуть позже несколько минут летали вокруг костра четыре летучие мыши, пытаюсь совершать пики на меня сверху. Но я вовремя успевал отмахнуться. Ночь короткая, и я, как говорится, не смыкал глаз. С рассветом собрался и ушёл прочь от этого места. По пути домой оборудовал новые порхалища и установил около двадцати силков на глухаря. Несколько дней рыбачил. Улов не очень обрадовал, хотя и сёмга небольшая попалась в сетку. На четвёртый день снова отправился обустроить новое угодье, так как в местах установки силков необходимо было оборудовать навес от дождя, снега, опавших листьев, а где-то повыше приподнять лопаткой сухую землю. Накануне ночью выпал небольшой снежок, и я даже обрадовался этому событию. «Сейчас вся дичь на земле, – успокаивал себя, – наверняка несколько глухарей уже попались». Действительно, пока шёл, несколько раз поднимал и глухарей, и тетеревов, не считая рябчиков. Особенно обрадовали меня пять глухарей, каждого из которых я подвесил под дерево, чтобы на обратном пути подобрать.

Как только дошел до болота, перезарядил ружьё пулями. Впереди, в полукилометре, – Лысая гора. Таинственное место вселяло в меня какой-то страх. Поднявшись к пещерам, я опять заметил множество медвежьих следов. Испытывать судьбу не было смысла, и я обратно зашагал к болоту. Разжёл костёр на прежнем месте, поставил котелок с водой и, покуривая сигарету, стал ждать, когда закипит вода.

И тут неожиданно-негаданно раздался протяжный рёв со стороны Лысой горы. Сразу понял, здесь я лишний, и медведь, тот самый «хозяин тайги», напоминает мне об этом. Однако, спокойно попив чаю, я не испугался предупреждений. А медведь уже рычал ближе. Надо было сматываться, ибо наступала кульминация в выяснении отношений.

Спокойным, уверенным шагом я уходил в сторону избушки. Дошёл до первого трофея и только начал снимать с ветки, как опять услышал сзади контрольный «Фырк-у-у-р!» Я выматерился вслух в направлении преследователя и, уложив в рюкзак добычу, снова таким же ровным шагом удалился по затескам. Наконец, когда четвёртого глухаря паковал, медведь в очередной раз напомнил о себе. «Ух ты, какой настырный, – пригрозил я, – только подойди, я тебе садану свин-

цом в лоб, что не захочешь больше». Сейчас уже я разозлился всерьез и готов был сразиться один на один. Решительность и бесстрашие охватили меня, и я спокойно удалялся к следующей добыче. Может, из-за моих окриков, но медведь больше не подавал признаков присутствия и преследования. Дойдя до избушки, я решил завтра выследить зверя и убить. Не знаю, чем бы эта затея кончилась, но пришлось отказаться от неё из-за медвежат, которые не выдержат без матери зимовку. Несмотря на недружелюбное отношение ко мне хозяина тайги, через три дня я ещё раз ходил проверять силки. Удивительно, но умная медведица рядом с силками проходила, но добычу не трогала. Видимо, не хотела вступать в конфликт с человеком перед лёжкой в берлогу.

Весной следующего года специально сходил на Лысую гору и убедился в том, что вся медвежья семейка благополучно перезимовала в тёплой пещере.

В дальнейшем, по моим наблюдениям, медведи там зимовали ещё одну зиму. И вот уже третий год желающих зимовать из числа косяков не было. Следов большой медведицы я также больше не встречал. Видел следы одного, не очень большого медведя, который, судя по ареалу обитания, ни разу не подходил к Лысой горе.

МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Этой весной в своем уголке на Яксукман-ты заметил необычное соседство канюка. Гнездовье птицы устроили буквально через речку Ирва в густом ельнике. Бугор, окаймлённый и изрезанный болотцами, а также буреломными нагромождениями, примечателен не только труднодоступностью, но и тем, что там самые высокие деревья в ближайшей округе. Пожалуй, это стало главной причиной появления новых обитателей, и именно гордых, независимых канюков, которым понравилось такое высокое место.

Каждое утро, с восходом солнца, две парящие птицы кругами совершали свой традиционный облёт окрестностей. Практически ежедневно их можно было увидеть, независимо от погодных условий, прямо над избушкой. Кроме того, бывали случаи, когда канюки поочередно таскали из мусорной земляной ямы пищевые отходы и потроха.

Ближе к осени пернатая семейка, уже из трех птиц, стала чаще попадаться мне на глаза. Выроспий птенец выглядел почти совсем взрослой особью и на первый взгляд издали ничем не отличался от своих

родителей – ни размерами, ни размахом крыльев. Ну а если внимательно приглядеться, то можно найти отличие: у него были тупые кончики стреловидного хвоста и более светлое оперение. Длительные полёты, видимо, утомляли молодую птицу, и она частенько пыталась сесть на верхушки деревьев. Однако «опекун» молниеносными пируэтами заставлял её вновь и вновь выполнять полётные упражнения. Но самым захватывающим зрелищем была охота за добычей, когда на берегу озера взрослые птицы поочередно «атаковали» выводок чирков, показывая пример своему «чаду», как надо добывать пищу. Но самостоятельные действия молодого канюка не увенчались успехом. Весь взъерошенный и промокший от брызг воды, он уселся на вершину сухостойного дерева и долго приводил себя в порядок, обсушивая на ветру мокрые перья. Родители несколько раз покружили над ним, пронзительно-прерывисто свистя. Затем, успокоившись, уселись недалеко и выжидали.

Выстраивая эпизодические наблюдения в единую картину, попутно замечаешь и другие, не менее интересные явления. Достаточно заглянуть под полог густого ельника, и можно обнаружить на сухом оголённом пятачке прямые тропы рыжих муравьев. Дело в том, что, если понаблюдать, то можно заметить, что часть муравьев совершает невероятные короткие перелеты, и только в одном каком-либо направлении. Неизвестно, с чем это связано, но точно могу отметить, что в этом месте, во-первых, меньше комаров, во-вторых, отсутствуют еловые усачи-короеды. Перелетая почти до двух метров, муравьи-«летуны» чаще ползают только по стволам деревьев, вылавливая в коре мелких насекомых и личинок. Характерно, что в таких местах чаще встречается белка-летяга. Вообще бродить по сентябрьскому лесу – одно удовольствие. Опавшая жёлто-красная листва, зелёный мягкий мох, душистый багульник, свисающие красные гроздья брусники, белые пушистые верхушки иван-чая, поникшие кусты малины, пожухлое разнотравье – всё это настолько изящно и зрелищно, что глазу даже непривычна такая цветовая палитра. Прохладный воздух, насыщенный лесными запахами, дурманит голову, особенно в тихую погоду. Поэтому неудивительно, что в сосновом бору ощущается свежесть с хвойным привкусом, а в ельнике – со смолистым.

Обходя свое угодье, всегда запоминаешь каждый силоч на глухаря и рябчика, поэтому каждое порхалище имеет свои особенности. Примечательно и то, что любая боровая дичь не только отлично ориентируется на местности, но примечает все интересующие её изменения. Даже рубка просек, трасс, ветровал и частый шум, посторонние

запахи настораживают птицу. И во многом подобные обстоятельства являются основными причинами миграции популяций лесных пернатых. В старину охотники никогда на территории своего угодья даже лишнюю затеску старались не делать на стволе дерева, а если и случалось какую-либо надсеку оставить из-за выжигания, раскорчёвки участка леса, они всегда сохраняли выводки в местах гнездования. Ведь насколько приятно пользоваться дарами природы, настолько приятно и чувствовать себя не «хозяином», а гостем. Даже к приготовлению лесного чая всегда относились серьёзно. Зато результат – две кружки одним «залпом». Небольшие пучки дикой мяты, малины, горсточка плодов шиповника с добавлением шепотки индийского чая – и через пять минут кипяток превращается в бронзового цвета напиток с мускатным вкусом. Конечно же, для разнообразия можно и другие варианты придумать. К примеру, достаточно заменить малину и плоды шиповника на брусничные листья и листья смородины. Тоже вкус замечательный, а главное такой чай целебный, причём успокаивает человека от излишних волнений и придаёт силы.

Но ещё важно, чтобы приятное совмещалось с полезным. И поэтому процесс чаепития особенно во время короткого отдыха на охоте имеет особый смысл.

Бывало, обессилев от усталости, больше не можешь передвигаться. Казалось, ну всё, пропади всё пропадом, хочется залечь под дерево, поспать хоть часок. А стоит перебороть себя, заставить приготовить на костерке этот чудодейственный чай, и сразу легче становится, и жить хочется. Поверьте, проверено на практике, и не раз. Впрочем, для полного счастья, если ногам худо, от ходьбы икры заныли и болят, нарвите зелёных свежих берёзовых листьев, приложите к больным местам от стопы до колена и привяжите шерстяным свитером, либо сухими портянками и полежите минут сорок. Тепло быстро расслабит мышцы, снимет усталость и припухлости. Есть ещё масса полезных советов, но для этого нужно каждому желающему лично, хотя бы отчасти, испытать самому таёжную жизнь. Мне довелось один раз наблюдать, как жук-«долгоносик» на стволе сосны уничтожил кладку яиц бабочки-«чернушки». Дело в том, что личинки бабочки поедают маленькие побеги и хвою. И я тогда понял, что постигать тайны природного равновесия – сложно, и вряд ли это каждому доступно, но беречь природу может каждый. Когда это станет нормой, тогда и наступит долгожданная гармония людей с живой природой. Возможно, в этом и есть смысл жизни. Вопрос философский, но...

Вновь и вновь я задаюсь вопросом, почему среди людей нет гармонии, а в природе всё гармонично? Быть может, мы не умеем ценить жизнь, друг друга, проявлять терпимость, доброту, помощь, сострадание...

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Завершался сентябрь, а изрядно надоевшие дожди не прекращались. Днём, бывало, распогодится, и небо светлеет, и солнце выглянет ненадолго, а затем вновь холодный ветер нагонит сплошную лавину свинцовых туч, и всё повторяется заново. За неделю вода на Ирве поднялась почти на тридцать сантиметров. Сетки в заводях забивало илом и листвой. Улов был такой, что едва хватало на уху. Пронизывающий ветер безжалостно срывал разноцветный наряд с лиственных деревьев, бесстыдно оголяя золотисто-пурпурные кроны. Уносимая ветром листва разлеталась повсеместно, образуя пёстрый ковёр. По тёмной глади речки длинной змейкой вытянулась ярко-жёлтая дорожка. Водовороты на изгибах играючи кружились в «хороводах», а потом разносились по течению в разные стороны. Ивняки уже потеряли былые «кудри» и заметно поредели. Прибрежная осока сникла, местами пожухла и улеглась, но ещё сохранила свой зелёный цвет. Однако, хорошо приглядевшись, заметишь, как густой еловый подрост посвежел и окреп. Сочная зелёная хвоя аж блестела. Осунулась ольха со своими почерневшими наполовину овальными бледно-зелёными листьями, хотя она долго ещё не сбросит «одежку», почти до самой зимы.

Жалко и грустно расставаться с такой невероятной красотой, но всему свой срок. Несмотря на эти приметы увядания, наступает именно сейчас долгожданная пора настоящей охоты. Сколько удивительных открытий в очередной раз сделаешь для себя! Казалось, тот же лес, те же места, те же следы, те же шорохи, тот же мох, тот же воздух, пропитанный одурманивающими запахами – но, увы, всё знакомое становится незнакомым. Как будто из какого-то бездонного кладезя черпаешь новое и неизведанное. Представьте себе ясное прохладное утро. Ещё не сошли сумрачные блики, а ты идёшь тихим, размеренным шагом по склону соснового бугра. Внизу влажный густой ельник, обрамлённый по краю можжевельником и изредка – порослью берёзы. Буро-оранжевые стволы с чёрными комлевыми затрещинами одиноко заблестели на свету, как только первые солнечные лучи пронзили сонную тайгу желтыми струями.

Разлапистые причудливые ветви заиграли тенями, а лапник покрылся мелкими блестящими капельками воды. Небольшие гроздья смолистых тёмно-зеленых шишек отливали малиновым оттенком. Под пологом вытянулись, как струны, молодые сосенки. Нежный ягель волнистыми бугорками, вперемежку с кустиками брусники, стелился беломатовым «покрывалом» далеко вперёд, и от этого становилось ещё светлее. Но вот тишину разбудил своим привычным стуком, похожим на «морзянку», неугомонный дятел. Затем где-то в стороне послышался тонкий писк рябчика. Постепенно лес наполнялся разными звуками и шорохами. Даже вездесущие желтогрудые синицы несмело перекликались друг с другом, скрытые в зарослях. Пожалуй, только частый хруст сухих прошлогодних шишек и веточек под ногами не вписывался в ритм звуков. А ещё через полчаса округа преобразилась. Уже совсем рассвело, и проснулось всё живое: и ярко-жёлтые листовые гряды, и заросшее болото, умытое влажной утренней прохладой и клубящееся лёгким туманом.

Неожиданно рыжие длиннохвостые сайки бесшумно слетелись под густой еловый полог, а затем, через мгновение, вновь растворились среди деревьев.

Наконец, густая стена соснового молодняка уводит к старому горельнику, где березняк с осинником полностью закрыли подходы к тихому ручью. Причем валунные гряды, обросшие зелёным мхом и бурым лишайником, как часовые, защищают береговые откосы от листовенного нашествия.

Да, неисчерпаемые таинства хранит таежный мир.

А совсем недавно произошел один необычный случай. На реке, в одной курье, стояла сетка. В один из дней она пропала. Я поставил новую, но на следующее утро обнаружил, что разорванные остатки снасти лежат на берегу. Осмотрев место, заметил лосиные следы и понял, что произошло. Третий раз поставил очередную сетку, уже капроновую, а не из лески. Каково же было моё удивление, когда вновь вся изорванная снасть, зацепившись за кусты и деревья, лоскутками висела на ветвях. В общем, оказалось, что злополучная курья была местом осеннего перехода лосей, и, естественно, любая рыболовная сетка для этих сильных животных не могла стать преградой. Вот так я лишился снастей, но зато открыл для себя новый миграционный путь сохатых.

Удивительный случай произошёл и прошлой осенью, когда косолапый из рыболовной сетки добывал себе сига. В конце концов зверь вытянул снасть на берег и, полакомившись рыбой, спрятал сетку под

корягой. «Рыболов» ещё дважды посетил прежнее место, но сетку я больше не ставил, и ему ничего не оставалось, как убраться восвояси.

Впрочем, случались и смешные курьёзы с участием медведя. Как-то повадился любопытный зверь к одной протоке, где стояла «морда», сделанная из металлической сетки. Медведь умудрялся вытряхивать оттуда рыбу, а затем снова бросал в воду пустую ловушку. Каждый раз я снова устанавливал и закреплял её шестом. А когда уже в четвёртый раз обнаружил воровство, не выдержал, сжал «морду» и отнес в ближайший ельник. Но медведь не успокоился, а продолжал хулиганить. Нашел ловушку, протащил на старое место и притопил в протоке. Поэтому пришлось «морду» совсем увезти на лодке в другое место. И смех, и грех.

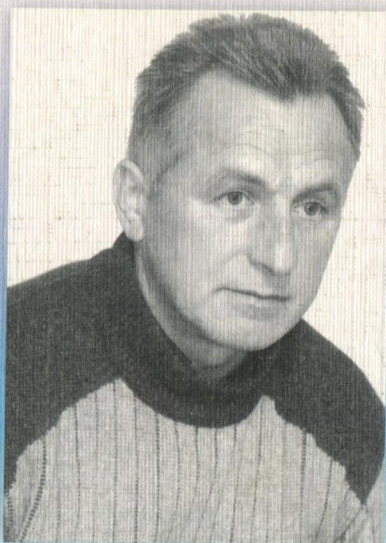
Начало октября ознаменовалось первыми сильными заморозками, да к тому же обильным ночным снегопадом.

Наступил новый этап осени. Золотая пора закончилась. Запоздалые лебединые стаи улетали на юг. С каждым днем было всё ближе дыхание белой зимы, а значит, будут новые удивительные встречи и охотничьи истории.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛА ГУ	5
ЭЗЫСЬ СИР ВОЙТ	7
ЗАРНИ НЫВ	13
ГУЛЯ ДА КЌИИЪЯС	17
ПЌЛЯ-ПЌЧА	19
СЮРТОР	22
ЌЛЌЙ ДЕД	25
НИМАЛЫСЬ ГОЗЪЯ	27
ПЕКЫЛЬ ПЕДЌСЬ	29
ЧУД ГУ	32
ЛУМПА ТУЙ	34
ПИЛЯ ВАНЬ	40
КУТШ ЁЛЬ	43
ОХОТНИЧЬИ ИСТОРИИ	
УРОКИ ПЕРВОЙ ОХОТЫ	45
ИРВИНСКИЕ КЛАДОВЫЕ	50
РЕДКАЯ ДОБЫЧА	58
СПАСИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ	60
О ЛИСЕ	63
НАЧАЛО	64
ВЕСЕННИЕ КУРЪЁЗЫ	68
МОЙ БОЛЬШОЙ СУБАЧ	71
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ МГНОВЕНЪЯ	74
ВЕСЕННИЕ ВСТРЕЧИ	76
ВЫДРА	79
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПОЕДИНОК	82
ЗАТЕРЯННЫЙ УГОЛОК	84
НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ	86
ВЕСЕННИЕ ТАИНСТВА	90
САМОРОДКИ СУБАЧА	94
ЗИМНЯЯ ОХОТА	98
СОПЕРНИК	101
СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ	105
ЗНАКОВЫЙ СЛУЧАЙ	109
БЕЛАЯ СОВА	111
МЕДВЕДЬ-УБИЙЦА	112
ЛЫСАЯ ГОРА	116
МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ	118
ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ	121

Удора му чужтис-быдтис уна енбиа войтырӧс, тшӧтш и гижысьясӧс. На лыдын Владлен Крюков, Альберт Ванеев, Юрий Васютов, Евгений Афанасьев, Борис да Леонид Палкинъяс, Галина Бутырева, Нина Обрезкова, Пётр Бушенёв да мукӧд. А неважӧн яръюгыда петкӧдчис нӧшта ӧти гижысь – Алексей Вурдов. Став олӧм-вылӧмыс тайӧ мортислӧн топыда йитчӧма Удораса вӧр-вакӧд, татчӧс ю-тыкӧд, тані овлӧм коркӧя йӧзкӧд. Лыддян Алексей Ивановичлысь гижӧдъяссӧ да быттӧ бергӧдчылан кольӧм нэмъясӧ, удорасаяслӧн важ кадӧ, и гӧгӧрвоан тшӧтш, кутшӧм енбиа да вежавидзысь морт олӧ-уджалӧ Удора муын. Окота гораа шуны: бур туй тэныд, Алексей Иванович. И литературын, и олӧм-вылӧмад.

Александр Ульянов, коми гижысь